

КП

10

318

Зак.

Оригиналы
рукописи...

1922

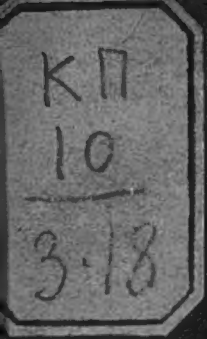

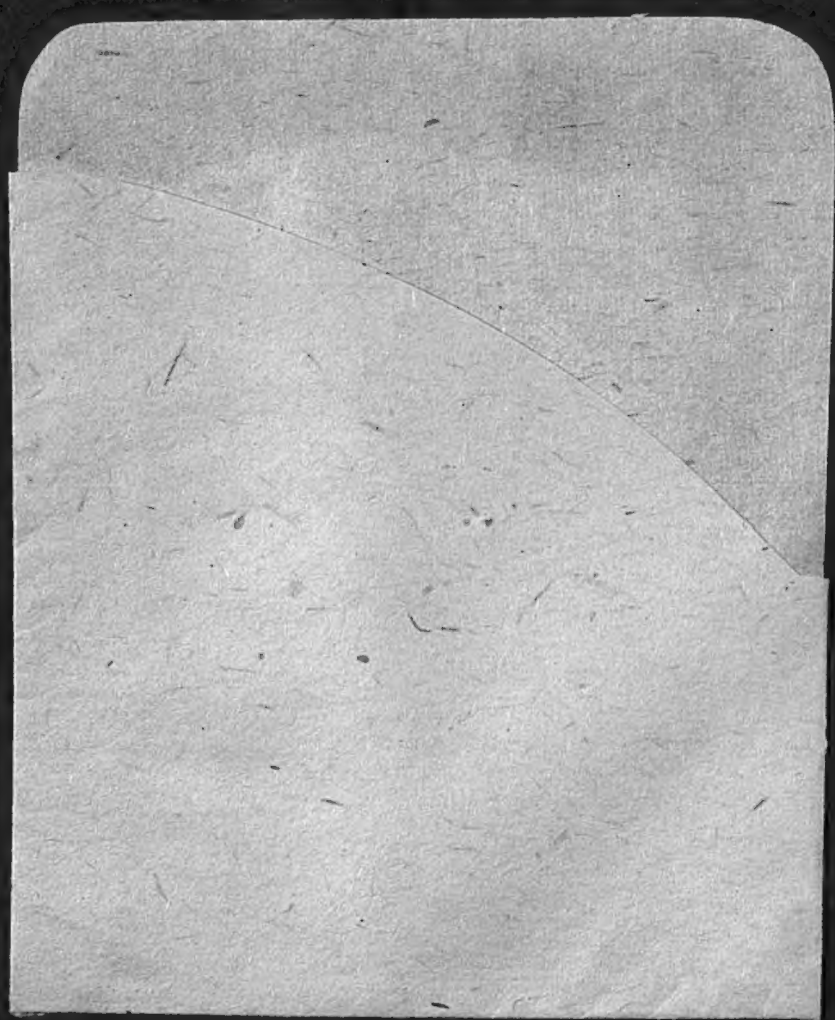
С. С. ЗАК

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА и КАПИТАЛА

ИЗДАНИЕ АВТОРА
Одесса—1922

КП
10
3-18.
931
С. С. ЗАК

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА и КАПИТАЛА

1197/3
ИЗДАНИЕ АВТОРА

Одесса—1922

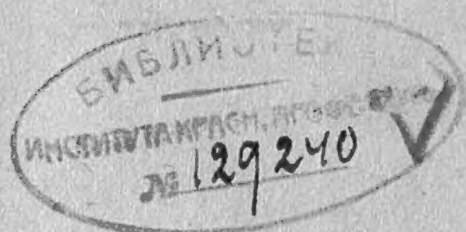

(14)

- 2

НЕТ БОЛЬШЕ ВОЗЕ

ЕРЬ ДАЖЕ СЛЕПЫЕ В

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Поскольку классовая борьба является основным фактором экономической эволюции буржуазного общества, постольку организация труда, с одной стороны, и капитала, с другой — на фоне организации буржуазного общества в других его групповых проявлениях и в целом, — представляет выдающийся интерес и практический и теоретический. Задача настоящего труда охватить одной теоретической идеей, с точки зрения основного фактора экономико-капиталистической эволюции, классовой борьбы, — все проявления коалиционных стремлений буржуазного общества.

Настоящий труд, основной своей частью изданный еще в 1910 году, имеет целью разрешить посильно и практическую задачу дня. Мир стоит пред проблемой социалистического переворота. „Старый порядок“ — порабощения и угнетения труда — должен уступить место „новому порядку“ — строительства социалистического общества. Ошибаются те, которые думают, что кризис капитализма вызывается только последствиями европейской войны. Война лишь приблизила кризис, но не она его подготовила. Чтобы оценить переживаемый миром момент, который может затянуться на годы, но отнюдь не на десятилетия, — и чтобы понять обстановку, в которой будут происходить роды „нового порядка“, — без этого теперь уже никакая социалистическая борьба невозможна, — необходимо отдать себе ясный отчет в наследии, оставленном человечеству эпохой „организации труда и капитала“, или, как ее иначе называют, эпохой новейшего капитализма, эпохой интенсивной мобилизации сил двух непримиримых социальных врагов, которые в жестокой и беспощадной борьбе разрешают вопрос о самом своем существовании.

А В Т О Р.

THE CHINESE

The Chinese people are a very ancient and civilized nation. They have a long history and a rich culture. The Chinese people are known for their wisdom and their hard work. They have made many great contributions to the world. The Chinese people are a very important part of the world. They are a people who have a strong sense of community and a deep respect for their traditions. They are a people who are proud of their achievements and who are committed to the future. The Chinese people are a people who are full of life and energy. They are a people who are always striving for progress and improvement. They are a people who are a source of inspiration and hope for the rest of the world.

В столкновениях между трудом и капиталом с конца XIX столетия стало обращать на себя внимание одно в высшей степени характерное явление. Два — три десятка лет тому назад капиталистический мир знал одну причину остановок производства при острых недоразумениях между рабочими и предпринимателями. Это была стачка, отказ рабочих от работы до удовлетворения их требований. Стачки бывали оборонительные, устраивавшиеся для защиты установившегося в условиях труда *status quo*, и наступательные, имевшие целью вынудить у предпринимателей те или другие уступки в пользу рабочих. С 90-х годов прошлого столетия рядом со стачками стали появляться локауты, остановки производства самими предпринимателями.

Если мы зададимся вопросом, что сделало возможным это явление, то мы в то же время поймем и его значение. Силу локаутам придают организации предпринимателей или, как их называют, профессиональные работодательские союзы для защиты интересов предпринимателей в той же области, в которой рабочие профессиональные союзы защищают интересы труда, т. е. в области отношений между трудом и капиталом. Рядом с объединением труда, всегда справедливо считавшимся могущественным оружием рабочего класса, формируется стройная армия организованного капитала.

Не случайность, что организация предпринимателей выступила на сцену, когда закончился цикл организации промышленности. Синдикаты и тресты не просто предшествовали союзам работодателей: они создали для них почву. Точно также, чтобы подготовить почву для организации предпринимателей, не мало сделала и организация труда. Только быстрый рост последней мог заставить предпринимателей так скоро использовать подготовленную организацией промышленности почву для их объединения. Если синдикаты создали возможность союзов работодателей, то организация труда сделала их необходимыми.

Все три явления стоят в причинной зависимости между собою, и последний этап движения — союзы работодателей — может быть по-

нят только в связи с двумя ему предшествовавшими этапами. Помимо того, хотя промышленные организации конечными своими целями, как будто, идут в стороне от союзов работодателей, фактически они не только подготовили для них почву, но и продолжают с ними сотрудничать, образуя с ними одну неразрывную силу, направленную против труда. Так называемая классовая борьба представляется теперь борьбой организованного труда как с организованным предпринимателем, так и с сотрудничающей с ним организованной промышленностью: синдикаты и тресты, если не прямо, то косвенно всегда принимают широкое участие в борьбе капитала с трудом.

1. Организация промышленности.

I.

Исходным моментом для переживаемого теперь культурным миром капиталистического цикла считают промышленный кризис, начало которого относится к 1873 году. И, действительно, этот кризис занимает особенное место в истории капитализма. Выделяется он, во-первых, своей продолжительностью. Начавшись в 1873 г., он длился без передышки до 1878—1879 г., и затем, после короткого и мало-значительного промышленного оживления, снова вспыхнул в 1882 г. и продолжался с небольшими перерывами до середины 90-х годов. Можно, таким образом, сказать, что кризис длился целых 20 лет. Казалось бы, одно это обстоятельство должно было заставить отнестись к явлению с исключительным вниманием. На самом деле, однако, мы этого не видим. Так, например, один из новейших исследователей кризисов, Ж. Лескюр, не отрицая, „что за время от 1873 по 1894 число годов депрессии больше числа годов подъема, и что в годы подъема благополучие, по крайней мере в Европе, было только относительным“, — не отрицая столь поразительного факта, отказывается, однако, видеть в нем повод к проверке того, что „мы называем законом развития капиталистических обществ посредством сменяющихся периодов подъема и застоя“ ¹⁾. Лескюр полагает только, что указанная эпоха обнаружила „существование более общих движений, чем отмечалось в прошлые годы“ ²⁾. Но в том-то и дело, что этих „общих движений“ в прошлые годы не только не замечалось, а их и не было. В примечании к цитированным строкам Лескюр, не замечая того, сам себя опровергает. „До сих пор (т. е. до 1873 г.) мы видели, — говорит он, — что периоды подъема характеризуются, главным образом, притоком сбережений к промышленности, процветанием отраслей, производящих средства производства, и благотворным влиянием этого процветания на отрасли, производящие предметы потребления. Если это так, то не объясняется ли продолжительная депрессия 1873—1893 годов тем, что на ряду с чередующимся притоком и отливом капитала

¹⁾ Ж. Лескюр. Общие и периодические промышленные кризисы. Русск. пер. СПб. 1908 г., стр. 155.

²⁾ Там же, стр. 156.

к промышленности имело место другое явление: универсальное уменьшение потребности в средствах производства (разрядка наша) и в том, чтобы сбережения притекали к промышленности? Далее, Лескюр приводит данные, доказывающие, что это так именно и было. Но ведь если капитализм перестает увеличивать средства производства, — он отказывается от главного своего устоя; теряется единственное условие капиталистического равновесия, время от времени нарушаемого, но вслед затем восстанавливаемого снова, и положение капитализма не просто становится затруднительным, а в полном смысле слова приобретает патологический характер.

Как бы на капитализм ни смотрели, все согласны с тем, что личное потребление при нем отстает от размеров необходимого производства. При этом условии устойчивость капитализма может быть только результатом роста производственного потребления за счет личного или, что то же самое, роста постоянного капитала, — капитала, лежащего в орудиях и средствах производства, над заработной платой вместе с частью прибыли, которая идет на удовлетворение личных нужд капиталиста и всех кормящихся около него буржуазных классов. Очевидно, если отрасли промышленности, производящие средства производства, теряют способность увеличиваться, то это значит, что прекращается рост постоянного капитала, т. е. капитализм лишается важнейшей своей опоры.

Как известно, Маркс, действительно, в кризисе 1873 г. видел нечто более обыкновенного кризиса. В этом отношении он оказался гораздо проницательнее последующих экономистов, хотя при нем кризис едва успел наметиться. Суть не в том, что не оправдался его прогноз о близком крахе капитализма. Одно дело осмыслить, понять явление и другое — провидеть его результаты. Чтобы понять смысл кризиса третьей четверти XIX ст., необходимо вспомнить, при каких условиях он зародился.

До сороковых и пятидесятих годов в капиталистическом мире безраздельно господствовала Англия. Германия даже в 50-х гг. не служила еще местом „широкого производства“ на внешние рынки. Сколько бы случаев капиталистической эволюции мы ни находили в это время, говорит Зомбарт, мы можем с полной уверенностью сказать, что мы касались лишь поверхности хозяйственного строя Германии¹⁾. И, действительно, хотя горная промышленность процветала в Германии с давних времен, она потребляла железа ничтожное количество, около 22 марок в год на человека в среднем, да и из этого количества она $\frac{1}{4}$ — $\frac{3}{4}$ привозила из-за границы²⁾. Добыча угля была около 7 мил. тонн в год, менее, чем в Англии, в 7 раз³⁾. Вообще в горной промышленности Германии было занято 30 тыс. чел. в 1820 г. и 50 тыс. в 1840 г. — в том и другом годах в пять раз менее, чем в Англии⁴⁾. Значительно была развита хлопчатобумажная промышленность. В ней было занято около 960 тыс. человек. Но почти половина промышленности имела кустарный характер. Этим объяс-

¹⁾ В. Зомбарт. Современный капитализм, т. I, стр. 17.

²⁾ Там же, стр. 20.

³⁾ Mulhall. The Dictionary of statistics. 1899, стр. 119.

⁴⁾ Там же, стр. 400.

няется ничтожное количество веретен, эксплуатировавшихся в хлопчатобумажной промышленности Германии — всего около 600 тысяч. Тут же лежит причина слабого потребления хлопчатой бумаги — около 62 мил. англ. фунтов во вторую половину 30-х годов. При всем том, по словам Зомбарта, „большая часть пряжи, перерабатывавшейся тогда на ткацких фабриках Германии, привозилась из-за границы ¹⁾. Любопытно, что в первую половину столетия в международных торговых сношениях Германия не только не прогрессировала, но шла назад — если не абсолютно, то относительно. От 1800 по 1850 г. мировая торговля увеличилась на 177 проц. в то время, как внешняя торговля Германии поднялась только на 94 проц. ²⁾.

Не многим дальше Германии ушла Бельгия. Произведенная в 1846 году перепись рисует ее еще страной, главным образом, земледельческой. На один миллион земледельцев было 660 тыс. человек промышленного населения, да и из этого числа наемных рабочих было всего 300 тыс. человек, что доказывает кустарный характер тогдашней бельгийской промышленности ³⁾. И, действительно, отрасль промышленности, составляющая основу крупного капиталистического производства, добыча угля, равно как хлопчатобумажная промышленность, имела ничтожное развитие. Угля было добыто в 1840 году около 4 мил. тонн и в 1850 году — около 6 мил., — менее, чем теперь, например, добывается в сельско-хозяйственной Венгрии ⁴⁾. Что касается хлопчатобумажной промышленности, то ее размеры определяются тем обстоятельством, что даже в 1850 году она потребила хлопчатой бумаги около 22 мил. англ. фунтов, менее того количества, которое потребляла Германия в 30-х годах ⁵⁾. Наконец, бельгийская внешняя торговля составляла в 1840 г. 345 мил. ⁶⁾ франков (ввоз+вывоз), равняясь внешней торговле, например, современной Персии.

Соединенные Штаты успели уже сделать значительные успехи, но последние не были того характера, который делал бы Штаты серьезной силой в международных торговых сношениях. Перепись 1850 года зарегистрировала 123 тыс. промышленных предприятий с 957 тыс. рабочих, между тем как все население страны превышало 23 мил. человек. Такое слабое развитие промышленности было причиной того, что главнейшие продукты потребления были иностранного происхождения. Так, все производство хлопчатобумажной промышленности было оценено в 62 мил. долларов; из этого количества вывезено было менее, чем на 5 мил. долларов, зато привезено было из-за границы для внутреннего потребления на 21 мил. дол. Сырого же хлопка Штаты в год переписи вывезли 635 мил. фунтов на 72 мил. дол. Потребление шерстяных товаров покрывалось внутренним производством на 48,6 мил. дол. и привозом на 19,6 мил. Железа и стали было в год переписи вывезено на 2 мил. дол., при привозе на 20 мил. В общем, промышленный характер тогдашних Штатов измеряется тем, что на

¹⁾ В. Зомбарт. Уп. соч., стр. 21.

²⁾ Исчислено по данным у Mulhall'я, стр. 128.

³⁾ Вандервельде. Положение рабочего класса в Бельгии, стр. 2 и 5.

⁴⁾ Mulhall, стр. 119.

⁵⁾ Там же, стр. 156.

⁶⁾ Annuaire Statistique de la Belgique, 1908, стр. 359.

135 мил. экспорта туземных товаров было готовых изделий на 17 мил., между тем как в привозе, составившем 173,5 мил. дол., готовых изделий было на 95 мил. К этому необходимо прибавить, что две трети внешней торговли Штатов приходились на Европу, т. е., главным образом, на Англию ¹⁾).

Во всем культурном мире в первую половину XIX столетия была одна страна, способная вступить с Англией в борьбу за место во всемирной торговле. Это—Франция. Но едва развязав руки своей буржуазии, Франция предалась наполеоновскому режиму, принесшему промышленность и торговлю страны в жертву военным авантюрам. Потом настала эпоха бурбоновской реставрации, со всей путаницей и бестолковщиной, внесенными ею в хозяйственную жизнь страны. Капиталистическое развитие Франции, таким образом, задержалось на ряд десятилетий, хотя все-таки, сравнительно с другими странами, за исключением Англии, оно было довольно значительно. Хлопка Франция потребляла в год более 28 мил. килогр. к началу 30-х, около 56 мил. килогр. к началу 40-х и более 60 мил. к началу 50-х годов XIX столетия ²⁾). Выплавка чугуна, составлявшая в 1824 г. 198 тыс. тонн, выросла в 1831 г. до 229 тыс., в 1841 г. до 436 тыс. и в 1851 г. до 446 тыс. ³⁾). В отличие от других стран, Франция уже в 20-х годах давала большой процент изделий в вывозе, сравнительно с ничтожным их участием в привозе. В трехлетие от 1827 по 1829 г. вывозилось ежегодно изделий приблизительно на 348 мил. фр., а привозилось—на 37 мил. Через десять лет вывоз фабрикатов поднялся до 441 мил., а привоз—до 55 мил. Наконец, в последнее трехлетие 40-х годов фабрикатов вывозилось на 544 мил. и привозилось на 33 мил. в год ⁴⁾). Эти данные рисуют Францию первой половины XIX столетия страной с широко развитой индустрией. Но общее участие Франции в мировой торговле было до середины XIX столетия не велико—и вообще, и по сравнению с Англией. Даже в 1860 году вся внешняя торговля Франции (ввоз+вывоз) оценивалась в 167 мил. фунтов стерлингов и была в два с половиной раза меньше английской внешней торговли, при чем составляла не более 11 процентов всех оборотов мировой торговли и менее 17 процентов оборотов Европы ⁵⁾).

Приведенных данных, думаем, достаточно, чтобы признать, что до середины XIX столетия Англия безраздельно господствовала во всемирной торговле. Это значит, что ограничивавшийся в то время одной этой страной капитализм имел широкий и, что в особенности важно, эластичный базис для своего развития. Характер последнего определяется движением английской внешней торговли по сравнению с мировой и европейской. Обороты английской внешней торговли равнялись: 67 милл. фун. стерл. в 1800 году, 88 милл. в 1830 году, 169 милл. в 1850 и 375 милл. в 1860 г. За 60 лет, следовательно, внешняя торговля Англии увеличилась почти на 460%, при чем в первые 30 лет увеличение составило 31%, в следующее два-

¹⁾ Statistical Abstract of the United States. 1908. Table № 292.

²⁾ Annuaire Statistique, 1907, стр. 112*.

³⁾ Там же, стр. 47*—48*.

⁴⁾ Там же, стр. 77*.

⁵⁾ Там же, стр. 112*.

дцатилетие — 92% и в последнее десятилетие — 122%. Внешняя торговля Англии, следовательно, увеличивалась в сильно возрастающей прогрессии. Наоборот, мировая торговля, поднявшись за 60 лет с 302 милл. до 1,489 милл. фунт. стерл., т. е. увеличившись только на 396 процентов, возрастала в гораздо более слабой прогрессии: на 35% в первые 30 лет, на 104% в следующие 20 и на 79% в последнее десятилетие. В общем, если в 1800 году Англия сама поглотила 22% мировой торговли и около 30% торговли Европы, и если в 1830 году участие Англии в мировой торговле удержалось на прежнем уровне, а в европейской даже сократилось, то в 1860 году уже более четверти мировой торговли (25,2%) и около 37% торговли Европы пришлось на долю Англии ¹⁾.

На этой благоприятной почве английская промышленность имела возможность развиваться вширь и вглубь. Добыча угля увеличилась в три раза, с 10 мил. тонн до 30 мил., за первые сорок лет XIX века; за следующие двадцать лет она опять увеличилась почти в два с половиной раза, достигнув 82 мил. тонн, — размеров, которые в Германии и Америке мы находим лишь в 80-х годах прошлого столетия. Вообще, в 1860 году на долю Англии пришлось почти 58 процентов всей мировой добычи угля, в полтора раза больше, чем добыли Франция, Германия, С.-Штаты Сев. Америки, Бельгия и Австрия, вместе взятые ²⁾. Быстро развивалась и выплавка чугуна. За первые двадцать лет выплавка чугуна в Англии с 190 тысяч тонн поднялась до 400 тысяч; затем в 1850 г. было уже выплавлено 2250 тысяч тонн, а в 1860 г. — 3830 тысяч. Если в 1800 году на долю Англии выпал 41 процент мировой выплавки чугуна, то в 1850 году она уже выплавляла 51 процент, а в 1860 году — более 53 процентов выплавки всего мира ³⁾. Этот не только абсолютный, но и относительный рост английской промышленности, вследствие чего промышленное положение Соединенного Королевства за первую половину XIX столетия еще более упрочилось, хотя и в начале столетия оно было лучше, чем в какой-либо другой стране, — этот, говорим мы, рост английской промышленности не менее сильно сказался и в обработке хлопчатой бумаги, этой важнейшей статье накопления капитала всего культурного мира в течение всего XIX века. За 30 лет потребление хлопчатой бумаги увеличилось в Англии в 4½ раза, с 250 мил. английских фунтов в 1830 г. до 1140 мил. в 1860 году. При этом в 1860 году английское потребление хлопчатой бумаги было на 4 процента выше потребления всей Европы вместе с С.-Штатами С. А. ⁴⁾.

Картину блестящего положения английской хлопчато-бумажной промышленности в первую треть XIX столетия рисует Уге в своих жалобах на „засилье“ иноземной промышленности. „Материк Европы и Америки, — жаловался он в 1836 году, описывая хлопчато-бумажную промышленность, — имел после заключения мира в 1814 году фабрики в столь ничтожном масштабе, что их нельзя было рассматривать как

¹⁾ Исчислено по данным, приведенным в Mulhall's Dictionary of statistics, стр. 128.

²⁾ Mulhall, стр. 119.

³⁾ Там же, стр. 332.

⁴⁾ Mulhall, Уп. соч., стр. 156.

конкурентов Англии на всемирном рынке. Теперь, однако, эти фабрики обрабатывают 750 тыс. кип хлопчатой бумаги, что составляет почти три четверти нашего потребления, и являются опасными соперниками на многих рынках, которые до сих пор принадлежали исключительно нам¹⁾. Весьма характерен этот пессимизм, который Англия проявляет к промышленности, превышающей на целую четверть промышленность всего остального мира. Но, цитируя слова Ure'a, Шульце-Геверниц не без основания посылает ему упрек в сознательном сгущении красок, чтобы наиболее мрачно представить действительное положение. „Известно, ведь,—возражает Шульце-Геверниц,—какие большие количества английской пряжи доставлялись на материк контрабандою“. Последней обязаны своим существованием целые промышленности континента. По свидетельству самого Ure'a, который должен был это дело хорошо знать, прядильни Рейхенберга, густо усеявшие саксонскую границу, были не чем иным, как местами для наматывания английской пряжи; точно также ломбардские прядильни не знали никакой иной цели, как „замаскировывание“ привоза английской пряжи. Стоимость доставлявшейся в одну Францию контрабандою английской пряжи определялась Ure'ом в 15—20 мил. франков²⁾.

Бывали, конечно, в это время в Англии кризисы. Но то были кризисы, оканчивавшиеся открытием новых рынков сбыта и дальнейшим развитием промышленности. Ellisson дает следующие данные, иллюстрирующие тип эволюции, которую переживала хлопчато-бумажная промышленность Англии. В 1766 году хлопчато-бумажных товаров Англия вывезла менее, чем потребила сама—на 158 тыс. фунт. стер. или почти на 42 проц. К началу двадцатых годов картина резко переменилась. Хотя внутреннее потребление хлопчато-бумажных товаров увеличилось в 35 раз, но вывоз увеличился в 71 раз, и поэтому он был уже выше внутреннего потребления—почти на 2700 тыс. ф. стер. или почти на 21 проц. К началу 30-х годов этот процесс дал еще дальнейший успех: вывоз превзошел внутреннее потребление на 4723 тыс. ф. стер. или на 35 с лишним процентов³⁾. Этот базис, которым Англия распоряжалась беспрепятственно в течение всей первой половины XIX столетия, легко, понятно, мог выдержать такой поразительный промышленный прогресс, как увеличение производства хлопчато-бумажной пряжи за 30 лет—от конца 20 до конца 50 годов—почти в 4½ раза (с 216,5 мил. англ. фунтов до 910 мил.) и увеличение производства хлопчато-бумажных тканей в столько же раз—с 143 мил. англ. фунтов до 651 мил.⁴⁾.

Указанные условия, в которых существовала английская промышленность в первую половину XIX столетия, определяли условия существования местных и устарелых предприятий.

До хлопкового голода хлопчато-бумажная промышленность росла не только вглубь, но и вширь. Число веретен на одно предприятие было 7,163 в 1838 году и 10,530 в 1860 г. Увеличилось и

¹⁾ Ure. The cotton manufacture, Lond., 1836. Цитир. у Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb. Leipz. 1892, стр. 49.

²⁾ Schulze-Gävernitz. Уп. соч., стр. 50.

³⁾ Там же, стр. 77.

⁴⁾ Там же, стр. 132 и 149.

потребление хлопка на одно предприятие—с 226 тыс. англ. фунтов до 395 тыс. Но в то же время увеличивалось и число предприятий: в 1838 году их было 1815, в 1850 г.—1952 и в 1860 г.—2887 ¹⁾).

Что отмеченная Марксом заминка в росте числа хлопчатобумажных предприятий была связана именно с хлопковым голодом, показывает и то обстоятельство, что в других отраслях текстильной, как и всей английской промышленности, остановка в росте предприятий хотя и произошла, но гораздо позже. При выплавке чугуна число доменных печей—после того как оно выросло до 926, между тем как в 1796 году их было всего 124,—пошла на убыль только с 1880 г. ²⁾). Число фабрик белой жести увеличивалось по 1885 г. ³⁾). По 1885 г. и вся текстильная промышленность, кроме хлопчатобумажной, усиливает непрерывно численный состав своих предприятий: с 2649 в 1850 г. до 3491 в 1860 году, 3775 в 1870 году, 4431 в 1880 г. и до 4830 в 1885 г. ⁴⁾).

Итак до середины XIX столетия, во всяком случае, о внутрикапиталистической конкуренции, или, что то же самое, о внутри-классовой буржуазно-капиталистической борьбе, в единственной для того времени капиталистической стране нельзя было говорить.

Но вот одна за другою начинают появляться в качестве капиталистических стран новые государства. Начинается борьба с Англией за рынки. Борьба эта в самой Англии отзывается обострением внутренней конкуренции. Но и молодые страны уже идут по пути своего капиталистического развития не с тем внутренним и внешним спокойствием, с каким шла Англия; они ведут ожесточенную борьбу и дома, и на международных рынках. Устанавливаются те отношения, которые послужили материалом для теории внутри-классовой буржуазной борьбы,—отношения, которые в широком и чистом виде, особенно в виде никем не оспариваемых, чуть ли не вечных, буржуазно-капиталистических устоев, продержались не более двух-трех десятилетий и окончились кризисом 1873 г. Одновременно пошатнулись и международные отношения, базировавшиеся на принципе фритредерства. Одна страна за другой переходят к протекционной политике, а весь торговый мир строится на фундаменте торговых договоров. В общем и целом можно сказать, что великий промышленный кризис был кризисом свободной торговли. Она оказалась явно несостоятельной как для буржуазно-капиталистических отношений внутри страны, так и для отношений между буржуазно-капиталистическими государствами.

Если в чем-либо кризис в первую свою половину, когда проявлялись вызвавшие его болезненные явления, оставлял почву для сомнений, то это был вопрос о степени зависимости между капитализмом и фритредерством: мог ли удержаться первый по разложению второго, или же кризис фритредерства являлся и кризисом капитализма? Вопрос этот остается открытым до сих пор, хотя жизнь дала капитализму новое оружие для самозащиты. Оружие это во время Маркса

¹⁾ Mulhall. Упом. соч., стр. 159.

²⁾ Н. Levi. Monopole, Kartelle und Trusts. Jena, 1909, стр. 197.

³⁾ Там же, стр. 199.

⁴⁾ Mulhall, стр. 255.

не могло быть предусмотрено в том виде, в каком оно отлилось впоследствии, и весь вопрос теперь в том, на сколько обнаружившееся у капитализма оружие самозащиты отвечает возлагаемой на него капитализмом задаче.

Мы говорим о капиталистической организации промышленности.

II.

Формы организации промышленности, различаясь по внутреннему строению и по средствам достижения своих конечных целей, объединяются между собою тем, что в общем итоге они стремятся, вместо конкуренции, построить товаро-капиталистические отношения как внутри страны, так и в рамках мирового хозяйства, на почве внутри-классовой буржуазной солидарности и кооперативного сотрудничества. Таким образом, во всех видах картелей (синдикатов), равно как и более сплоченных объединений, известных под названием фузионов (амальгамаций) и трестов, следует видеть либо ступени одной и той же лестницы, как думают одни, либо порождения различных хозяйственных условий или различные пути, ведущие в один и тот же Рим, как думают другие.

Говорят, что к картелям прибегает более „свободолюбивый“ народ, а к фузионам и трестам—народы, которые выше всего ставят выгоду. Действительно, картель это—такое объединение, которое оставляет почти неприкосновенною самостоятельность производительных функций предприятий. Оно затрагивает только условия сбыта производимых продуктов, организуя их продажу, и либо на производство вовсе не влияет, либо влияет косвенно—разверсткой рынков сбыта. Наоборот, тресты и фузионы захватывают предприятие во всех его проявлениях, подчиняют себе и производственные его функции, и функции сбыта, превращают предприятия из целой и самостоятельной единицы в часть целого, подчиненную общему руководству и управлению.

Если картель отделяет торговые функции от производственных и делает предпринимателя только производителем, то трест снимает с предпринимателя и заботы о производстве. Владелец предприятия превращается в чистого, одностороннего капиталиста, знающего одно дело—считать дивиденды. Это—обыкновенный акционер. И тресты, действительно, фигурируют, как акционерные компании, отличаясь от них не внешними формами своего существования, а преследуемой целью, т. е. тем, что в конечном итоге они устраняют конкуренцию там, где, даже при широком развитии акционерной промышленности, конкуренция остается основным регулятором деятельности. Но не в одной этой особенности сила треста. Пока консолидация промышленности не выходит из рамок объединений однородных предприятий с целью устранить конкуренцию между ними, т. е. пока отдельные предприятия образуют фузионы, промышленность переживает подготовительные стадии, аналогичные тем, которые она переживает, когда простые и случайные соглашения относительно цен готовят почву к картелям. Если особенность картеля в совершенном его виде—полное обособление сбыта в пользу самостоятельной организации, то трест

характеризуется объединением производства на всех его ступенях, начиная с добычи сырья и кончая производством вполне готового фабриката. Можно сказать, что фузион—простая кооперация, а трест—кооперация сложная, могущественная не только своими размерами, но и выгодами, вытекающими вообще из сложных коопераций, с их влиянием на производство и сбыт.

Однако, как бы велика ни была разница между картелем, трестом и фузионом, существует ли она лишь во времени, или их отделяют друг от друга психологические моменты,—при изучении эпохи, имеющей все данные, чтобы называться эпохой новейшего капитализма, на различные виды организации промышленности необходимо смотреть лишь как на разные пути, ведущие к одной общей цели, к устранению конкуренции между предпринимателями. Это тем более основательно, что было бы полнейшим уклонением от действительности, если бы вздумали утверждать, что одни страны подвержены только картелям, а другие—только трестам или фузионам. Во всех государствах, в которых мы находим одни формы промышленной организации, встречаются в тех или иных стадиях и другие. Разница только в господствующем типе. Соответственно с этим культурные государства можно разделить на три группы: на государства, организующие свою промышленность по типу картелей, на государства с широким развитием трестов или фузионов и на государства промежуточного характера.

Во главе первой группы государств стоит Германия. Она первая вступила на путь картельного движения. У нее картельное движение и до сих пор сделало наибольшие успехи. Уже в конце 80-х годов здесь насчитывалось значительное число картелей: 54 в 1888-ом и 90 в 1889 году¹⁾. Чрез восемь лет число картелей увеличивается почти в четыре раза, достигая 345. Что они действительно зародились в это время, а не существовали незамеченными и ранее, доказывают сведения, собранные о годе учреждения 260 картелей. По этим сведениям оказывается, что до 60-х годов учредилось только 4 картеля из общего их числа, выжившего к 1897 г., в 60-ые годы учредилось 2, в 70-ые годы—8, в 80-ые годы—196 и в первую половину 90-х годов учредилось 50²⁾. Следовательно, в полтора десятилетия после 70-х годов учредилось почти 95 процентов картелей, о времени устройства которых имеются сведения.

Следующий подсчет числа картелей в Германии относится к 1900 г. и охватывает только 300 организаций. Но очевидная неполнота этого подсчета вознаграждается тем, что он впервые дает возможность разбить картели по отраслям промышленности. Из 300 картелей разного рода промышленных оказалось 220, распределенных по отдельным отраслям таким образом: в железной и металлической промышленности было 80 картелей, в промышленности по обработке камня и земли 40, в химической 30, текстильной 20, в угольной, в промышленности по обработке пищевых продуктов и в писчебумажной по 10 и, наконец, 10 во всей остальной промышленности³⁾. Из

¹⁾ Б. Шенланк. Промысловые синдикаты. Рус. пер. Од. 1898 г., стр. 32.

²⁾ F. Baumgarten u. A. Meszleny. Kartelle und Trusts. Berlin. 1907, стр. 83.

³⁾ Там же, стр. 83.

этого подсчета ясно видно, как ошибочно существовавшее долгое время мнение, будто для развития картельного движения требуются особенно благоприятные условия, которые имеются, главным образом, в так наз. „тяжелой промышленности“. Приведенные данные показывают, что от железной и угольной промышленности не далеко ушли и такие отрасли, которые не состоят из одних только крупно-капиталистических предприятий и не имеют свойства производить продукты дешевого массового потребления.

Для освещения этой же стороны вопроса особенно ценны данные, собранные немецкой анкетной комиссией о состоянии картельного дела в Германии в 1905 г. Тут мы уже имеем большое число картелей, достигающее 385, и из них 132 было в кирпичной промышленности, 62 в железной, 46 в химической, 37 в промышленности по обработке камня и земли, 31 в текстильной, 19 в угольной пром., 17 в обработке пищевых продуктов, 11 в металлической пром., 6 в писчебумажной, 6 в кожевенной и каучуковой, 4 в производстве музыкальных инструментов, 2 в электрической пром. и 7 в разных других отраслях¹⁾. Таким образом, обнаружено было еще большее разнообразие в промышленном характере картелей, чем то, которое оказалось по данным за 1900 г. Кроме того, анкетный материал раскрыл и другую сторону вопроса—количественный состав предприятий, объединенных картелями, чего не дали предыдущие подсчеты. Оказалось, что в 1905 г. объединено было в картели 12 тысяч предприятий Германии²⁾. Чтобы понять значение этой цифры, необходимо принять во внимание, что по переписи 1907 г. в Германии было капиталистических предприятий обрабатывающей промышленности и горноделания—с числом рабочих более 50-ти на каждое—29,033³⁾. Очевидно, картели охватывают в Германии около половины всех капиталистических предприятий, т. е. кроме крупно-капиталистических предприятий, каковыми следует считать только предприятия со 100 и более рабоч. на каждое, в картели входит значительное число капиталистических предприятий низших размеров. Следовательно, и тут мы не находим подтверждения, будто картели пригодны лишь для крупной капиталистической промышленности, у которой к началу 1910 года насчитывалось 485 картелей, которые так распределялись по отдельным промышленностям: 93 картеля отмечено было в железной и металлической пром., 97 в текстильной, 142 в обработке камня и земли, 32 в химической пром., 18 в угольной, 13 в кожевенной и каучуковой, 12 в бумажной, 4 в электрической, 10 в обработке дерева и 64 в разных других отраслях промышленности⁴⁾. Что приведенные данные не преувеличены, видно из их совпадения с предположенной Лифманом цифрой в 500 картелей для 1909 года⁵⁾. Разница объясняется тем, что из общего счета мы исключили интернациональные картели. Если их прибавить, то окажется к 1910 г. 502 картеля, на 2 более, чем у Лифмана для 1909 г. Кроме того, данные

¹⁾ Prof. Liefmann. Kartelle und Trusts. Stuttgart, 1910, стр. 25.

²⁾ F. Baumgarten und Meszleny. Уп. соч., стр. 84.

³⁾ Reichs-Arbeitsblatt. 1909, № 8.

⁴⁾ L. Silberberg. Deutsches Kartell-Jahrbuch. B. I, Berlin, 1910.

⁵⁾ Liefmann. Уп. соч., стр. 29.

1910 г. интересны еще тем, что свидетельствуют о значительных успехах картелей за четыре года как раз в таких отраслях промышленности, которые раньше считались неблагоприятными для картелизации. Так, данные 1905 г. дают 31 картель в текстильной промышленности, до сих пор считаемой Лифманом неудобной для их организации, а данные 1910 года насчитывают здесь уже 97 картелей; число картелей в писчебумажной промышленности увеличилось с 6 до 12, в кожевенной и каучуковой—с 6 до 13, в электрической пром.—с 2 до 4. Что касается тех отраслей, в которых данные 1910 г. дают уменьшенное число картелей, напр. химическая, то это до известной степени объясняется слиянием картелей между собою. Процесс этот должен идти тем быстрее, чем консолидация промышленности пошла дальше; за образованием простых объединений промышленности обязательно должно пойти объединение более сложное, объединение картелей, слитие меньших союзов в большие. Как на пример, можно указать на объединение в 1904 г. Вестфальского коксового картеля с Дортмундским брикетным и на вступление потом новообразовавшейся организации в состав Рейнско-Вестфальского угольного картеля¹⁾.

В Австро-Венгрии, приближающейся к Германии по типу организации промышленности, Baumgarten и Meszleny насчитывают следующие картели. Прежде всего, они дают список в 9 картелей, общих для обеих половин империи: железный, медно-проволочный, джутовый, сахарный (прекратился в 1902 г.), керосиновый, содовый, клеевой и картели искусственного удобрения и угольной кислоты²⁾. Кроме этих общих картелей, авторы перечисляют 6 картелей в Венгрии (спиртовый, прекратившийся в 1905 г., мельничный, кирпичный, угольный, картель пекарей в Будапеште и картель страховых обществ)³⁾ и 21—в Австрии (наиболее крупные: зеркально-стеклянный, цементный и кирпичный)⁴⁾. Но, насколько приведенные данные отрывочны и неполны, видно из того, что, руководствуясь публикациями Karfell-Rundschau за 1907 и 1908 гг., мы отметили в Австро-Венгрии гораздо большее число картелей. Именно, общих для всей Империи мы насчитали 35, для одной Австрии—84 и для Венгрии—6. Кроме того, мы нашли следы десяти фузионов: 6 австрийских, одного венгерского и 3 для обеих частей империи. Всего, следовательно, промышленных объединений мы насчитали 135, распределенных в следующем виде между разными группами промышленности: металлических и машинных объединений 35, текстильных столько же, по обработке камня и земли 23, по обработке дерева 11, по обработке пищевых и животных продуктов 11, химических 6, угольных, бумажных и спичечных по одному и разных 11.

К государствам, в которых организация промышленности происходит по немецкому типу, примыкает также Россия. Начало истории картельного движения в России относят чуть ли не к первой половине прошлого столетия. Но объединения, которые наблюдались,

¹⁾ F. Baumgarten und Meszleny. Уп. соч., стр. 86—89.

²⁾ Там же, стр. 106—132.

³⁾ Там же, стр. 132—149.

⁴⁾ Там же, стр. 149—153.

напр., на Нижегородской ярмарке в 40-х годах¹⁾ для фиксации цен железных товаров, нужно считать обыкновенными купеческими ставками, имеющими место вообще при благоприятных условиях и находящимися таковыми там, где торговый обмен слабо развит. Картельное движение в действительном смысле слова начинается в России с конца 80-х годов прошлого столетия²⁾. Особенно же сильно оно развернулось с наступлением кризиса, которым ознаменовался в русской промышленности переход от XIX столетия к XX-му. В настоящее время вся русская промышленность покрыта густой сетью картелей. Сахарная промышленность вся картелизирована под воздействием казенной нормировки. Далеко в смысле организации ушла железная промышленность, в которой насчитывают 19 картелей, „охвативших, за исключением обыкновенного чугуна, все отрасли этой промышленности“³⁾. Так, один картель объединяет продажу железной руды и один—продажу марганцевой руды, в чугунной промышленности имеются два картеля. Один из них „Продамета“ объединял в своих руках в 1910 году 88 процентов производства сортового железа, 82 $\frac{1}{2}$ проц.—листового и сортового железа, 88 $\frac{1}{3}$ проц.—балок и таллор; затем, картели объединяют производства: листового железа, балок и швеллер, бандажей и осей, кровельного железа, жести, рельс, проволоки и проволочных изделий⁴⁾, гвоздей, вагонов⁵⁾, паровозов, сельско-хозяйственных машин, вил, железных труб; производство сортового железа имеет 2 картеля: южный и польский⁶⁾. Три картеля объединяют русскую угольную промышленность: донецкий⁷⁾, уральский и домбровский. Главными картелями в ткацкой промышленности является картель фабрикантов полотна и картель джутовых фабрик. Ниточный картель объединяет производство катушечных ниток. Из остальных картелей известны: картель зеркальных заводов, стекольный синдикат, цементный картель, картель польских фабрикантов изделий из фаянса, табачный синдикат, бумажный картель, синдикат кожевенной промышленности, картель производителей серного колчедана, спичечный картель, картель гнутой мебели, южно-русский крахмальный картель. Кроме перечисленных, имеются картели частного характера, но о них источник, которым мы пользовались⁸⁾, не дает сведений. Некоторым, крайне, впрочем, недостаточным, дополнением к

¹⁾ Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности М. 1910, стр. 50—51.

²⁾ Там же, стр. 55.

³⁾ Там же, стр. 73.

⁴⁾ Синдикат „Проволока“ объединяет 48—50 процентов всей русской проволочной фабрикации.

⁵⁾ В вагонный синдикат („Продвагон“) входит 13 заводов с производством в 18,4 мил. руб. в 1909 г., 22,5 мил. в 1908-ом г. и 21,2 мил. руб. в 1907 г., между тем как всего в России вагоностроительных заводов 15 с производством за те же годы в 20,4 мил. руб., 25,5 мил. и 22,5 мил. руб. „Речь“, 1910 г. № 155.

⁶⁾ Кафенгауз. Уп. соч., стр. 74.

⁷⁾ Донецкий картель, „Продуголь“, за 18 месяцев 1908—1909 гг. доставил потребителям угля 481 мил. пудов и кокса 118 мил. (Речь, 1910, № 210). Так как всего Донецкий бассейн доставляет на рынок несколько более 600 мил. пудов угля и 86 мил. кокса, то в руках картеля сосредоточено не менее 30 проц. угольной добычи и около 92 проц. коксового производства.

⁸⁾ А. Рафалович. Промышленные синдикаты, стр. 43—49.

приведенным данным служит анкета о картелях, устроенная Русским Словом¹⁾. Помимо синдикатов местного значения мы тут находим следующие крупные картели: нефтяной, по продаже американских жатвенных машин, дрожжевой, льняной (скупка для экспорта), соляной, белой жести, консервный. Наконец, кроме медного синдиката, контролирующего больше 80 процентов всего производства меди в России, несомненно существует картель в суконной промышленности. Если все приведенные данные свести вместе, то картельное дело в России представляется приблизительно в таком виде. В металлической и машинной промышленности насчитывается не менее 22 картелей, в обработке пищевых и животных продуктов 15, в обработке камня и земли и горноделии 14, в текстильной промышленности 5, в каменноугольной 3, в химической 2, в обработке дерева 2, в разных других отраслях 7, всего 70. Несомненно, однако, что этой цифрой не исчерпывается все число действующих в России картелей. Зато во все нет сведений о развитии в России трестов и фузионов. Некоторые, хотя и единоличные, либо обыкновенные с внешней стороны акционерные предприятия имеют у нас все свойства трестов. Напр., т—во Нобель, Общество спичечных фабрик В. А. Ланщина, горный и металлургический союз для России и т. д. Особенно в России много фузионов. Так, в сахарной промышленности известен ряд сосредоточений однородных предприятий в одних руках: М. Б. Гальперин владеет 7 сахарными заводами; М. И. Зайцеву принадлежит целиком или частью (держит в своих руках большинство акций) 4 сахарных завода; П. Г. Гейкер является либо собственником, либо главным акционером 2 сахаро-песочных заводов и 1-го сахаро-рафинадного²⁾. В середине 1910 г. устроился большой фузион в металлургической промышленности: объединились три крупнейших в России металлургических завода, Донецко-Юрьевский, „Русский Провиданс“ и Уральско-Вольский, которые приобрели обширные каменно-угольные копи.

Из государств, занимающих, по типу своих промышленных организаций, переходное положение от картелизации промышленности к ее трестизации, особенно выделяется Швейцария³⁾. Здесь промышленность, в соответствии с ее отношением к мировому торговому обороту, резко делится на две части по характеру своих организаций. Производства продуктов, главным образом, внутреннего потребления почти все охвачены картелями. Пивоваренный картель объединяет все 18 крупнейших предприятий страны; затем идут картели: молочный, консервный, табачный, мельничный, кирпичный, бумажный и т. д. Хорошо также организованы отрасли промышленности, которые либо играют на всемирных рынках по той или иной причине особенно видную роль, либо находятся в благоприятном положении по размерам своего участия одновременно как во всемирной, так и во внутренней торговле. Но тут рядом с картелями попадаются уже тресты и особенно фузионы. Шоколадный картель объединяет 17 предприятий из 24. Картель портландского цемента включает 16 заводов из 17. В два из-

¹⁾ 1910 г., №№ 50—53.

²⁾ Торгово-пром. газета, 1910, № 96.

³⁾ Dr. Geering. Die Konzentration in der Industrie der Schweiz. „Kartell-Rundschau“, 1907, № 3 и 4.

известковых картеля входят 25 заводов из общего их числа 27 или 28. Упомянем еще несколько картелей в часовой промышленности. Затем имеются фузионы—в гранитной промышленности и производстве суррогатов кофе, и тресты—в гипсовой промышленности; 8 картелей и 2 фузиона объединяют текстильную промышленность. Наконец, некоторые отрасли промышленности, связанные с мировым сбытом, входят в интернациональные организации, носящие частью характер картелей, частью трестов.

Значительное число фузионов или трестов, рука об руку с картелями, встречаются в ряде государств. По подсчету, сделанному нами, на основании публикаций *Kartell-Rundschau* 1907 и 1908 гг.¹⁾, в Италии картельное движение много успело в железной промышленности, хлопчатобумажной, шелково-ленточной, букволитейной (в Верхней Италии) и кальции-карбидной. Кроме того, здесь имеется некоторое число фузионов (электрический, по производству свечей) и трестов (сицилийского фосфора, искусственных удобрений, химический). В Испании наиболее продолжительно картельное движение в железной промышленности. Объединивший вначале 12 предприятий, *Sindicato de hierros comerciales* распался в 1904 г. Затем долго делались попытки устройства нового картеля, пока с 1907 года не начал действовать стальной картель, организовавшийся по типу германского стального синдиката на срок в 5 лет. Кроме того, в Испании действуют теперь картели химико-фармацевтический, хлопчато-прядельный и хлопчато-ткацкий, и тресты: писчебумажный, медный и стеклянный. В Швеции выдающуюся роль играет картель по обработке дерева, а из фузионов выдается шведское промышленное общество, с капиталом в 9 мил. крон. К смешанному типу государств относится еще Япония. Из ее картелей известны: судоходный, хлопчато-бумажный и спичечный; последний организован с основным капиталом в 2¹/₂—5 мил. долларов. Кроме того, в Японии имеются организации со всеми признаками фузионов и трестов—в шелковой промышленности, угольной, бумажно-прядельной.

Особое положение по организации своей промышленности занимают Бельгия и Франция. Первая, кроме ряда картелей—стальных изделий, в зеркально-стеклянной промышленности, стеклянной, коксовой, каменно-угольной в Лютихе, деревянно-угольной в Льеже, в производстве винтов,—имеет несколько обыкновенных фузионов, например, в горноделии. Помимо этого Бельгия известна устроенными ею промышленными организациями в других государствах. Организуемые на бельгийские деньги предприятия за границей большей частью носят характер фузионов и трестов. Иногда они втягивают в общее течение и не бельгийские предприятия, опасные своей конкуренцией. В начале 1910 года много говорили об организации бельгийского осветительного треста (вернее—фузиона) в России. В него вошли все три общества электрического освещения Петербурга; кроме того, сделаны шаги к распространению его деятельности на другие русские города²⁾.

¹⁾ Все нижеприводимые данные о картельном движении без указания источника взяты отсюда же.

²⁾ Торгово-Промышленная Газета. 1910, № 39.

Что касается Франции¹⁾, то ее своеобразность заключается, во-первых, в том, что промышленные организации здесь тесно связаны с союзами предпринимателей, преследующими, как известно, разнообразные, как буржуазно-профессиональные, так и общеэкономические цели²⁾. Во-вторых, как картели, так и фузионы и тресты построены во Франции на принципе полной децентрализации. Например, даже почти интернациональный трест чугунно-плавильных и стальных заводов и рудно-угольных копей, расположенных в пограничных местах Франции, Бельгии и Люксембурга, не знает того централизованного управления, которое характеризует все тресты: каждое из вошедших в трест предприятий управляется самостоятельно, хотя оно непосредственно связано с другими предприятиями и производством и интересами. По этому же принципу построен и железно-дорожный трест. Из картелей Франции известны: угольщиков в Дуэ, металлический Лонгви, соляной, балок, каретных рессор, осей, платины, два в шелковой промышленности Лиона, типографский, джутовый, красок, сахарный, страховой.

Переходя к организации промышленности в двух странах с наиболее широким развитием трестов и фузионов, необходимо прежде всего указать, что линия, отделяющая трест или фузион от акционерного общества, до того незаметна, что только по субъективным признакам можно отличать акционерные предприятия от промышленных организаций этого рода. Особенно затруднительно отличать тресты и фузионы от обыкновенных акционерных компаний там, где свойства объединения слабо выражены в данной промышленной комбинации. Много таких трестов и фузионов (амальгамаций) в Англии. Поэтому в Англии, в зависимости от личных взглядов исследователей, либо число промышленных организаций преувеличивается за счет больших акционерных компаний, задачами организации промышленности, в истинном смысле, не задающихся³⁾, либо, наоборот, искусственно число организаций уменьшается включением в разряд акционерных обществ несомненных трестов и фузионов⁴⁾.

О степени организованности английской промышленности можно судить по тому, что Бюек, хорошо знакомый с делом, насчитал перед немецкой анкетной комиссией 40 картелей и 11 трестов⁵⁾. В последнее число вошли несомненно только самые крупные организации английской промышленности. Видно это из того, что Н. W. Macrosty одних амальгамаций насчитывает в железной промышленности 23 и в текстильной 18, между которыми имеются громадные объединения с основным капиталом в десятки и даже сотни миллионов рублей⁶⁾. Конечно, между „амальгамациями“ и „ассоциациями“ Macrosty имеется много обыкновен-

¹⁾ M. F. Laur. Le monopolisme économique et industriel et le syndicat des ingénieurs. „Bulletin et comptes rendus mensuels de la Société de l'industrie minérale“, 1909. Mars. L. Vossen. Rechtsformen franz. Kartelle. «Kartell Rundschau». 1907, № 12. Annuaire du Comité des Forges de France. 1907.—8.

²⁾ Эти союзы во Франции называются Syndicats, но их нельзя смешивать с тем, что обыкновенно понимают под промышленными синдикатами.

³⁾ Henry W. Macrosty. The trust movement in British industrie. 1907.

⁴⁾ Hermann Levy. Monopole, Kartelle und Trusts. Jena, 1909.

⁵⁾ Baumgarten und Meszleny. Уп. соч., стр. 178.

⁶⁾ Macrosty. Уп. соч., стр. 53 и 124.

венных акционерных компаний, выделяющихся только своею величиной. Но в то же время по одним публикациям в *Kartell-Rundschau* за 1907 и 1908 гг. мы отметили для Англии 11 несомненных трестов и амальгамаций, среди которых имеется всего три треста из 11, перечисленных у Levy. Если соединить все источники для промышленных организаций Англии, то мы получим следующий список:

Тресты и амальгамации.—Соляная компания с основным капиталом в 4,2 мил. фун. стер., Содовое общество с 8,2 мил., *Bradford Dyers Association* с 4,81 милл., *Bleachers Association* с 6,82 мил., Ассоциация промышленности портландского цемента с 6,3 мил., Обойный союз с 4,2 мил., Ассоциация тонкой бумажной пряжи с 7,25 мил., трест швейных ниток с 10,9 мил., *Calico Printers Association* с 8,2 мил., *Mining and Finance Corporation*, Северная британская компания локомотивов с 1,75 мил., *Distillers Company* с 2,17 мил., Общество стальных труб (с 1908 г.), *The Nobel Dynamite* с 3,75 мил., Трест мыла с 3,85 мил., Союз лондонских омнибусных обществ, Союз пивоваренных заводов, Союз фабрик колес, Союз фабрик пуговиц.

Картели: стальной промышленности Шотландии, льнопрядилен, белой жести Ю. Валиса, черной жести Ю. Валиса, Валийского машинного угля, судостроительных заводов, мельниц и пекарен и др. Кроме того, имеются синдикаты, как дополнительное объединение промышленности рядом с трестом или амальгамацией, в промышленности: портландского цемента, обоейной, соляной, швейных ниток, алкоголя и др.

При этом, чтобы понять положение, занимаемое Англией в организации промышленности, необходимо иметь в виду широкое распространение здесь местных соглашений при посредстве центральных, а чаще всего местных бирж. Так, „владельцы копей и железных заводов каждой промышленной области еженедельно собираются с большою аккуратностью на металлических биржах. Кроме того, представители областей съезжаются каждые четверть года в Бирмингеме“. Тут устанавливаются цены и при надобности даже нормируется производство¹⁾. Эта форма соглашений захватывает почти всю английскую железную и угольную промышленность²⁾. Подобная же организация держит в своих руках хлопчато-бумажную промышленность, в которой она приводит к нормировке производства даже более быстро и дружно, чем наилучшие организованные картели немецкого типа.

Страною трестов следует признать С. Штаты С. Америки. Если справедливо мнение, что картель железным кольцом успел уже охватить промышленность Германии, то еще вернее будет, если сказать, что промышленность С. Штатов порабощена трестами. Ценз 1900 года, зарегистрировавший в промышленности Штатов 207562 предприятия с основным капиталом около 9 миллиардов долларов³⁾ нашел всего 183 треста, в которые входило 2147 или около 1 процента всех предприятий, с капиталом в 798 мил. долларов или около 9 процентов всего помещенного в американской промышленности капитала. Чрез

¹⁾ Diepenhorst. *Kartellbestrebungen in der britisch. Industrie*. „*Kartell-Rundschau*“, 1907, № 10.

²⁾ Vossen. *Rechtsformen englischer Kartellen*. „*Kartell-Rundschau*“, 1908, № 2.

³⁾ *Statistical Abstract of the United States*, 1908, стр. 176.

три года число промышленных трестов увеличилось до 453, т. е. почти утроилось, а объединенный ими капитал поднялся до 9 миллиардов долларов¹⁾, или возрос в $11\frac{1}{3}$ раза. Наконец, в 1908 г. Штаты имели трестов 458, т. е. всего на 5 более, чем к 1903 году; зато тресты объединяли капитал в 11 миллиардов долларов или на 22 процента более, а число объединенных предприятий достигало 6676²⁾. Уже эти данные показывают, как быстро шло в последние 8 лет трестирование промышленности в Штатах. Яснее этот факт иллюстрируется следующими цифрами. Два переписи—1900 и 1905 годов—обнаружили такой рост промышленности: число предприятий увеличилось с 207.562 до 216.262, что дает ежегодного прироста 4,2 процента; капитал же возрос с 9 миллиардов до 12,7 миллиардов—следовательно, его ежегодный прирост равнялся 8,2 проц³⁾. Этот бесспорно быстрый рост промышленности теряет всякую внушительность при сравнении с развитием трестированной ее части, в которой от 1900 до 1908 г. число предприятий увеличивалось ежегодно на 26 проц., капитал возрастал даже на 127 проц.

Кроме промышленности, тресты имеются в транспортном деле и т. д. В общем к 1908 г. в Штатах было 10.020 трестов с капиталом в 31.672 миллиона долларов. По размерам эти тресты распределялись так: с капиталом в 5—10 мил. дол. на каждый было 451 трест, в 10—50 мил.—165, в 50—100 мил.—33 и 100 и более мил. дол. на каждый имело 15 трестов⁴⁾.

Главные отрасли промышленности Штатов в сильнейшей степени монополизированы, благодаря трестам. Та же доля свободы, которая все-таки у них остается, поглощается картелями, которые направляются чаще всего теми же трестами. Так, стальной трест, сам производящий несколько более 40 проц. чугуна и около 60 проц. стали, при помощи стального картеля контролирует 90% производства этих продуктов во всей отрасли; главную роль в бумажном картеле играет бумажный трест и пр. Из больших картелей, кроме этих двух, выделяются: бумагопрядильный и чесальный, перчаточный, полосового железа и др.

III.

От промышленных организаций, имеющих целью уничтожить промышленную конкуренцию в границах отдельных государств, прямая дорога ведет к международным комбинациям ради той же цели, но уже в рамках мирового хозяйства. В конце 80-х годов насчитывалось международных организаций всего 11⁵⁾, а в настоящее время Лифманн полагает, что их имеется не менее 100⁶⁾. Мы сами насчитали 50 международных организаций, между которыми организаций металлических и машинных 13, текстильных 12, горнодобывающих и по

¹⁾ Baumgarten und Meszleny. Уп. соч., 153—154.

²⁾ F. E. Junge. Amerikanische Wirtschaftspolitik. Berlin, 1910, стр. 177.

³⁾ St. Abstract of the U. S. 1908, стр. 176.

⁴⁾ Junge. Уп. соч., 177—178.

⁵⁾ Шенланк. Уп. соч., стр. 32.

⁶⁾ Там же.

обработке камня и земли 11, по обработке предметов потребления и животных продуктов 5, сухоходных не менее 5, разрых 4. Между этими организациями имеются такие, в которых участвуют все культурные государства, что дает им возможность в полном смысле слова господствовать над мировой торговлей. К организациям последней категории относятся мировые картели: рельсовый, производства бутылок, добычи цианистого калия и азотистого удобрения, медный, зеркально-стекольный, эмалированных изделий, чесальных фабрик; до известной степени сюда же можно причислить и сахарную конвенцию, нефтяной трест и др.

Если мы подведем мировой итог движению по консолидации буржуазно-капиталистической промышленности или, что то же самое, темпу, в котором идет рост новейшей стадии капитализма, то мы увидим, что, если в конце 80-х годов во всем мире насчитывалось промышленных организаций не более 135—140¹⁾, то теперь одна Германия имеет в два с половиной раза более, а число организаций во всем мире достигает не менее 1600. Интересно было бы определить, какую часть мировой промышленности контролируют промышленные организации. Данных, освещающих этот вопрос, мы не имеем. Попытку восполнения пробела делает М. F. Lanz. Но так как неизвестно какими сведениями или соображениями он руководствуется, то его цифры лишены научной ценности, и мы их приводим исключительно как догадку, не лишенную вероятности. Капитал германских картелей Lanz оценивает в 50 миллиардов франков, австро-венгерских—в 25, французских—в 30 и всех других государств—в 20 миллиардов франков. Прибавив сюда капитал американских трестов, он получает организованного капитала 225 миллиардов франков, что составляет 50 процентов капитала, лежащего в промышленности всего культурного мира²⁾.

IV.

Много споров в литературе вызывают вопросы о происхождении картелей и—в связи с этим—об их экономическом и историческом значении. Нередко и до сих пор повторяют слова проф. Клейнвехтера, 37 лет тому назад назвавшего промышленные организации „детьми нужды“. В то же время популярно и другое мнение, что картели—дети таможенных пошлин. Ясно, что совместить оба эти мнения невозможно. Одно из двух: либо картели—„дети нужды“, следовательно, к ним прибегают, когда положение становится безвыходным и промышленнику „не до жиру, лишь бы быть живу“, не до игры в самостоятельность, лишь бы уцелеть от нахлынувшего девятого вала взбунтовавшегося капиталистического моря; либо картели, равно как и тресты, служат для лучшего использования выгод таможенного протекционизма, т. е. способствуют еще большему улучшению и без того благоприятных условий промышленной жизни. Впрочем, сказать, что оба мнения вовсе друг друга исключают, нельзя. Свои крупницы

¹⁾ Шенланк. Уп. соч., стр. 262.

²⁾ М. F. Lanz. Уп. соч., стр. 262.

истины имеет каждое из них. Не следует только преувеличивать их значения.

Вряд ли можно согласиться с Baumgarten'ом и Meszleny, которые „исторический ход“ картельного движения связывают с тем психологическим соображением, что „ни один предприниматель не откажется от своей свободы, не будучи доведен до этого принудительно“; этим же психологическим моментом объясняют они, почему „идея картелей относится ко времени кризисов“, давших повод для „столь часто цитируемого замечания проф. Клейнвехтера“¹⁾. Что идея промышленных организаций порождена кризисом, конечно, верно, но именно кризисом, а не кризисами. Бывали кризисы и до великого промышленного кризиса. Тем не менее история картелей и трестов связана только с ним. Не объясняется ли это тем, что до 70-х годов бывали промышленные кризисы и только, между тем как кризис 70-х годов положил начало агонии фритредерства, послужил переходным моментом от одной стадии капитализма,—капитализма, шедшего под знаменем свободной конкуренции, к другой стадии,—капитализма монополистического?

Чтобы объяснить бесспорный факт, почему картельное движение развивается не только в эпоху кризисов, но еще сильнее—в эпоху промышленного оживления, Baumgarten и Meszleny должны прибегнуть к гипотезе, что процесс (картельного) развития меняется с всеобщим распространением картельной идеи²⁾,—между тем как на самом деле явление вполне объясняется последовательным развитием картельного движения, если его начало и идею связать не с кризисами вообще, а с кризисом 70-х годов, или однородными с ним для стран, которые позже выступили на товарокапиталистическую арену. Если кризис 70-х годов привел капитал к идее монопольных организаций, то процесс консолидации промышленности затем должен был развиваться уже самостоятельно. Точно так же нечего удивляться, что подобное же влияние в России оказал кризис конца XIX и начала XX столетий, ибо он здесь сыграл ту же роль, какую кризис 70-х годов сыграл во всем капиталистическом мире, с той лишь разницей, что собственная потребность в монополизации промышленности нашла в России несколько уже подготовленную почву прежними опытами чисто заносного характера. Поэтому-то, вероятно, процесс, который потребовал в Германии более трех десятилетий, закончился в России в несколько лет: уже в середине первого десятилетия XX века почти вся русская промышленность была картелизирована.

Сложнее вопрос о взаимоотношениях между картелями и таможенными пошлинами. Теперь нельзя уже встретить в литературе взгляда, будто картели порождены только таможенными пошлинами и только ими поддерживаются. Еще в 1903 в работе о картелях и таможенных пошлинах Лифманн имел полное основание указать на общее признание высказанного им ранее взгляда, „что устройство очень многих картелей (Германии), действительно, стало возможно, благодаря таможенному тарифу 1879 года, но тенденция к устройству

¹⁾ Baumgarten und Meszleny. Уп. соч., стр. 8.

²⁾ Там же, стр. 9.

картелей, идея, что при их содействии можно устранить неблагоприятные хозяйственные условия и конкуренцию, еще до того существовала во многих отраслях промышленности. Следует считать весьма вероятным, что многие из организованных тотчас после введения таможенного тарифа картелей получили свое начало во время, предшествовавшее 1879 году, и только внешняя конкуренция мешала им явиться ранее. Следовательно, неверно, что таможенные пошлины были причиной картелей, что к их устройству предприниматели обратились, чтобы в полной мере использовать пошлины. Они—продукт причин, лежащих гораздо глубже,—именно совокупности новейших условий развития промышленности, возрастающей среди нее конкуренции и соответственно увеличивающегося риска капиталиста при уменьшающейся (норме) прибыли. Не ради того, чтобы использовать пошлины, предприниматели устраняли конкуренцию между собою и устраивали союзы, но и таможенные пошлины, и союзы служили для них средствами, чтобы устранять ожесточенную конкуренцию, в которой они должны были видеть причину своего печального положения; таможенные пошлины они ввели, чтобы снять со своей шеи иноземную конкуренцию, а союзы устраивали, чтобы и внутри страны устранить безнадежную борьбу между собой¹⁾.

Эти слова немецкого исследователя прекрасно характеризуют историческое значение картелей. Они выступили на сцену, вызванные теми же условиями, которые реставрировали в промышленном мире и протекционную политику, этого непримиримого врага капитализма прежде и его верного защитника теперь. Два однородных по природе явления появились, связанные между собой не причинной зависимостью, а зависимостью, создаваемой общей целью. Оба они уничтожают свободу промышленности, заменяя ее монополией. Их существование вызвано капитализмом, не выносящим свободной конкуренции. Так должен был бы Лифманн формулировать свой взгляд, будь он совершенно свободен от мнения, с которым сам же ведет борьбу, будто между таможенной пошлиной и картелями существует причинная связь. Между тем, Лифманн остановился на полудороге. Хотя идея картелей относится ко времени, предшествовавшему введению в Германии таможенного устава 1879 года, следовательно, своим появлением она вовсе не таможенному уставу обязана, но возможными, по его словам, картели стали именно благодаря последнему. Получается, что Лифманн, правильно объяснив связь картелей с новой стадией капитализма, оставил весь вопрос без разрешения, ибо для его противников совершенно безразлично, в каких взаимоотношениях стоят идея и цель картелей к таможенным пошлинам; для них важно, что только таможенные пошлины делают картели возможными, и как раз этого Лифманн не опровергает.

Неудивительно поэтому, что один неправильный взгляд на картели сменился другим. Никто теперь не скажет, что картели—порождение таможенного протекционизма. Но даже видные исследователи не могут отвлечься от мысли о таможенном протекционизме, как о необходимом условии широкого развития картелей, и от логического

¹⁾ Liefman n. Schutzzoll und Kartelle. Jena, 1903, стр. 6—7.

вывода, отсюда делаемого, напр., единственным в русской литературе серьезным исследователем картелей, Гольдштейном,—что сокращение таможенного протекционизма может быть действительным средством борьбы с злоупотреблениями картелей. Точно так же цитированные уже нами Baumgarten u. Meszleny, работа которых, действительно, должна быть названа лучшей в литературе о картелях,—вполне примыкая к Лифманну и доказывая и собственными соображениями неправильность взгляда, „что картели и таможенные пошлины находятся в причинной между собой зависимости“, тем не менее считают „необходимым признать, что таможенные пошлины облегчают картельное движение и содействуют ему даже гораздо более, чем тарифная политика транспортных предприятий. Последняя дает перевес над иноземными промышленными областями лишь определенным внутренним районам, да и то в разных пределах. Между тем таможенные пошлины создают общий фундамент, благоприятствующий захвату картелями всей сферы их влияния, резко противопоставляя покровительствуемые отрасли промышленности иноземным конкурентам“¹⁾).

При этом авторы расширяют рамки вопроса. Если до них говорили о взаимоотношениях между таможенными пошлинами и картелями, как условия создания последних, то они указывают также и на влияние, оказываемое таможенными пошлинами на политику картелей. Таможенная пошлина определяет тактику картелей, которые стремятся удержать в пользу покровительствуемых отраслей промышленности, в виде чистой прибыли, всю пошлину и ту долю стоимости перевозки, которая обременяет иностранного конкурента. Пошлины сами по себе „еще не обозначают необходимо увеличение цен, так как все зависит от того, как далеко идут спрос и предложение внутри таможенных границ. Но, если под сенью таможенных пошлин вырастает картель, он имеет возможность путем сокращения конкуренции поднять цены до высоты пошлин и прибавочной стоимости перевозки“²⁾.

Эта точка зрения, конечно, вполне верна. Но только ли таможенные пошлины оказывают на картели указанное влияние? Деятельность картелей вообще обуславливается всею окружающей их обстановкою. В одних случаях на ее направление влияют таможенные пошлины, в других—такое же значение имеют географические условия, в третьих—пути сообщения; свое воздействие оказывают и условия исторические, как привычки населения, и моральные, как, например, степень веры личности в свои силы и вообще степень развития индивидуалистических тенденций. Этим последним, впрочем, Лифманн придает слишком большое значение, говоря о них, как о причине более слабого развития картелей в Англии, нежели в Германии. Не может быть никаких сомнений, что и без таможенных пошлин Германия шире развила бы у себя картельное движение, чем Англия, и вовсе не потому, „что в Англии среди предпринимателей еще крепко держится учение крайнего индивидуализма“, что там еще сильна „идея, что свободная конкуренция есть естественный строй хозяйственной жизни, и что от нее следует ждать наилучших результатов“³⁾). В гла-

¹⁾ Baumgarten und Meszleny. Упом. соч., стр. 22—23.

²⁾ Там же, стр. 23.

³⁾ Schutzzoll und Kartelle, стр. 9.

за бросается гораздо более простая, хотя и несравненно более серьезная, особенность Англии, сравнительно с Германией,—особенность в высшей степени для картельного движения важная.

Картель, прежде всего, подчиняет себе внутренний торговый оборот; главная его сила, поскольку он не имеет интернациональной организации, это—власть над внутренними потребительными рынками. Ясно поэтому, что чем большее место сравнительно с экспортом занимает внутреннее потребление, тем более благоприятна в стране почва для картелей. Лифманн оспаривает эту точку зрения. Он думает, что, наоборот, чем большую роль вывоз играет в стране, „тем сильнее потребность (разрядка наша) в картелях внутри страны“¹⁾. Но это замечание переносит спор в совершенно постороннюю область. Речь идет ведь не о „потребности“ в картелях, а об их целесообразности, об их способности удовлетворять данную „потребность“. Страна экспорта, если у нее нет возможности опереться на интернациональный картель, тем меньшую пользу должна видеть и от внутренних картелей, чем менее доля производства, сбываемая ею внутри страны. Производство для экспорта значительно и в Германии. Но в Англии оно доминирует. Здесь внутренний рынок имеет небольшую цену в деле реализации производства; его монополизация сулит мало выгод промышленности, почему не только внутренние картели ограничены в своем влиянии, но и таможенные пошлины никогда не будут иметь того значения, что в Германии. В Англии решающее слово принадлежит не внутренним картелям и не другим способам господства над внутренним потреблением, а прочному положению в мировой торговле, обеспечиваемому либо дешевизной производства, либо особыми качествами продуктов, либо какими-нибудь специальными мероприятиями. Вот почему в Англии организация промышленности идет в сторону амальгамаций, отчасти трестов—для удешевления производства,—а также интернациональных картелей, гарантирующих ей определенное место на внешних рынках.

Если посмотреть на Англию с этой точки зрения,—с точки зрения ее успехов в организации промышленности вообще, а не только в устройстве картелей, являющихся лишь одним видом промышленных организаций,—то придется признать, что она не только не отстала от Германии, но, может быть, даже опередила ее. Не все ее амальгамации и тресты монополистичны. Но и тресты С. Штатов вовсе не создают одними своими силами монополий, и им нужна помощь картелей²⁾. Да и вообще, монополия—лишь конечный этап новейшего капитализма, —этап, к которому последний пока только стремится, идя путем организации промышленности, точнее, путем устранения конкуренции между разрозненными предприятиями.

Вообще, как и экономическая эволюция в целом, организация промышленности в разных странах идет разными путями, и не случайно, что в одних государствах растут, главным образом, картели, в других—фузионы или амальгамации, в третьих—тресты; что в одних случаях монополии идут об руку с организацией промышленности, в

¹⁾ Schutz Zoll und Kartelle, стр. 9.

²⁾ T. Vogelstein. Kapitalistische Organisationsformen in der modernen Grossindustrie. Leipzig, 1910, стр. 250 и др.

других организация промышленности, по крайней мере, на первых порах, непосредственно не ведет к полной ее монополизации. Но разные ручьи современной хозяйственной жизни соединяются в конечном итоге и образуют один общий поток новейшего капитализма. Идея последнею—вместо беспощадной борьбы отдельных капиталистов между собою, характеризовавшей отжитый фазис капитализма—внутриклассовой мир, который становится тем более возможным, чем более сокращается сфера свободной конкуренции.

V.

Итак, не случайные мотивы ведут к организации промышленности, не преходящие условия и обстоятельства, а факторы, постоянно действующие, общие для всего капиталистического мира. Пред экономической эволюцией выдвигается новая цель, и достижение этой цели требует новых путей, которые и проводятся консолидацией промышленности.

Само собою разумеется, что то, что мы называем новой целью, есть не более, как средство, если во внимание принять не тот или другой фазис капитализма, а весь капитализм в целом. Точно так же, как свободная конкуренция, будучи характерной идеей первого фазиса капитализма и видимой его целью, не была его целью по существу,—и уничтожение свободной конкуренции, монополизация промышленности или, что то же самое, внутри-классовой буржуазный мир, можно рассматривать, как цель лишь с той оговоркой, что самой этой целью, раз она достигнута, разрешается вполне самостоятельная задача, сущность которой диктуется вообще капитализмом, какие фазисы он бы ни переживал. Поэтому и видимую цель новейшего капитализма разные исследователи различно истолковывают, согласно своему социально-экономическому миросозерцанию. Тем не менее, почти все исследователи сходятся на одинаковом понимании работы, которую выполняет капиталистическая организация промышленности, и на убеждении, что работа эта ей по силам. Коротко говоря, почти всех объединяет вера, что организация промышленности устранил анархию капиталистического производства, выражающуюся в хронически повторяющихся кризисах.

Капиталисты, как и теоретики буржуазного миросозерцания, ожидают, конечно, от устранения анархии противоположного тому, чего от него ожидают не только практические социалисты, но даже такой уравновешенный теоретик, как Зомбарт. В то время как одни полагают, что новейший капитализм ведет к укреплению существующих социально-экономических отношений, другие видят в нем переход к „государству будущего“.

„Что в картельном движении представляется мне особенно важным, — говорит Зомбарт,—это вовсе не влияние синдикатов на образование цен, как бы важна ни была эта их деятельность. Гораздо важнее представляется мне то, что они... усиливают тенденции развития, свойственные... новому индустриальному капитализму... Уже в настоящем своем виде картели должны влиять на организацию предприятия, поскольку они вызывают главные силы усовершенствования,

концентрацию, специализацию и комбинацию... В форме трестов эти стремления получают возможность осуществляться еще чаще и свободнее"... В итоге оказываются „безграничность объединения капиталов и возрастающая безличность самих капиталистических отношений". От безличности промышленность переходит к тому, что стирается и индивидуальность отдельных предприятий. Создается почва для перехода к будущей обобществленной промышленности ¹⁾). Если так думает уравновешенный Зомбарт, то неудивительно, что Каутский уже прямо говорит о переходе от картелей к социализму ²⁾).

Этот взгляд на промышленные организации не подвергся такой разработке и критике, как противоположный ему взгляд, видящий в промышленных организациях средство замены „анархического" производства, с расшатывающимися капиталистическими устоями кризисами, производством „урегулированным". Вера, что организация промышленности служит достаточным средством против кризисов, должна была, само собою разумеется, сильно пошатнуться в последнее десятилетие, начавшееся и окончившееся двумя промышленными кризисами, которые разразились с промежутком времени в 6—7 лет. Так, Бониковский, считаясь с обстоятельствами кризиса 1900—1902 гг., полагает, что, при всех преимуществах картелей, как регуляторов производства, „слишком далеко идущий оптимизм в этом отношении неоснователен". Опыт последнего кризиса, по его мнению, показал, что „и картели слишком переоценили емкость и растяжимость потребления, оказались не в силах предвидеть близкого перелома и лишены были возможности оказать воздействие, чтобы ввести потребление в спокойное русло ³⁾). Не так пессимистически смотрит на дело Лескюр, который причину кризиса 1900—1902 гг. видит в „слабости" картелей. По его мнению, „ни об одном из тех картелей, которые существовали ко времени наступления кризиса 1900 г. и подверглись его испытанию, почти совершенно нельзя сказать, чтобы он присвоил себе монополию, чтобы он строго регламентировал производство и цены и чтобы его члены исполняли относящиеся сюда постановления" ⁴⁾). Выходом Лескюр считает картель, как „союз трестов", т. е. американский pool. Период 1897—1903 гг. в Америке, — повествует Лескюр, — представляет интересную особенность; в противоположность предшествовавшим подъемам, этот период характеризуется постоянными усилиями предпринимателей прогрессивно уменьшить стоимость производства; тресты идут во главе этого движения, акционерные общества следуют их примеру. Депрессия 1903—1904 гг. тоже имеет оригинальный характер: она мало интенсивна и очень непродолжительна... Ее ликвидация совершается легко, почти моментально. Что же из этого следует? Какой свет это бросает на будущее? Если мы будем судить о будущем по этому, правда, существенному опыту Соединенных Штатов, то придем к заключению, что хозяйства, органи-

¹⁾ W. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert Berlin, 1903, стр. 371—373.

²⁾ Kautsky. Die sociale Revolution, II. Am Tage nach der social. Revolution, стр. 9.

³⁾ Bonikowsky. Der Einfluss der indust. Kartelle auf den Handel in Deutschland. Jena, 1907, стр. 63.

⁴⁾ Ж. Лескюр. Общие и период. пром. кризисы. Стр. 498.

зованные в тресты и союзы трестов, будут избавлены от кризисов" ¹⁾.

Комизм этого прогноза Лескюра станет ясным, если мы скажем, что он лишь на немногие месяцы опередил промышленный кризис 1907—1908 гг., развернувшийся с особенной силой именно в Соединенных Штатах. Что то была уже не „слабая депрессия“, а форменный кризис, видно, например, из движения выплавки чугуна в Соединенных Штатах. В „депрессию“ 1899 — 1900 гг. выплавка чугуна только ослабела в своем росте: после 13.621 тыс. тонн выплавки 1899 г., составившей увеличение сравнительно с предыдущим годом на 1.847 тыс., в 1900 году выплавка достигла только 13.789 тыс. тонн. Хуже было в „депрессию“ 1902—1904 гг. После увеличения на 1.943 тыс. тонн в 1902 г., в 1903 г. выплавка увеличилась лишь на 188 тыс. тонн, а в 1904 г. она даже сократилась на 1.512 тыс. Но и сравнительно с этой сильной „депрессией“, равную которой в Соединенных Штатах можно найти только в первую половину 90-х и отчасти в 80-х годах прошлого столетия,—затруднения в начале 1907—1908 гг. выделяются своими исключительными размерами: в 1907 г. выплавка чугуна дала ничтожную прибавку в 474 тыс. тонн; зато в 1908 г. выплавка уже сократилась на небывалую в истории Штатов цифру в 9.845 тыс. тонн или на 38 проц. сравнительно с выплавкой предыдущего года ²⁾.

Очевидно, не только картели бессильны против кризисов, но бессильна против них и панацея Лескюра, „союз трестов“. Для сторонников теории кризисов, усматривающей их причину в „анархии“ производства, удовлетворительным объяснением бессилия организации промышленности в борьбе против кризисов может быть то, которое дает Бониковский. „Не удивительно,—говорит он,—что охрана, которую объединение промышленности представляет против перепроизводства и его последствий, кризисов, не имеет абсолютного значения. Картели могут знать размеры спроса лишь в находящихся в непосредственных с ними сношениях потребителей; но для них большею частью вовсе недоступно определение размеров потребления, удовлетворяемого торговлей, либо требующего дальнейшей переработки поставляемых картелизированной промышленностью продуктов. Да и потребность непосредственно соприкасающихся с картелями потребителей не всегда достаточна для определения производства и движения цен“ ³⁾.

Но последний американский кризис еще менее должен был удивить сторонников теории недостаточного потребления, как причины кризисов. Раз причина кризисов лежит в том, что капитализм заставляет производство постоянно идти впереди потребления, то ничего не может тут помочь капиталистическая организация промышленности, нисколько не затрагивающая условий, определяющих потребление в капиталистическом обществе. Наоборот, можно согласиться с Мау'ем, что капиталистическая организация промышленности еще усиливает тенденцию к перепроизводству и, следовательно, к кризисам, хотя общую аргументацию Мау'я, в корне расходящуюся с наиболее

¹⁾ Ж. Лескюр. Уп. соч., стр. 521—522.

²⁾ Statistical abstract of the U. S., стр. 692.

³⁾ Bonikowsky. Уп. соч., стр. 108.

распространенной теорией недостаточного потребления (Родбертуса), приходится признать безусловно неудовлетворительной. Увеличение производительности труда сокращает спрос на рабочих. Но та же причина в конце концов, чрез удешевление продуктов, приводит к расширению потребления; последнее же снова привлекает к производству даже больше рабочих, чем их освободило увеличение производительности труда. „Во время, которое протекает от увеличения производительности труда до соответственного увеличения потребления, мир каждый раз плачется на перепроизводство... Чем больше период, в течение которого предприниматели и торговцы опускают в свои карманы выгоды от увеличенной производительности труда, тем переход к увеличенному потреблению должен продолжительнее задержаться на этапе перепроизводства“ ¹⁾.

При организации промышленности задержка на периоде, когда выгоды от увеличения производительности труда идут только в карманы предпринимателей и торговцев, продолжается всего более. Можно даже сказать, что она редко прекращается, ибо именно противодействие понижению цен составляет основную задачу картелей. Следовательно, согласно теории Мау'я, периоды кризисов при картелях не только должны были бы удлиняться, но даже принять хронический характер. Между тем, как мы покажем ниже, если организация промышленности к чему-нибудь приводит, то это именно к сокращению продолжительности кризисов. Но Мау прав в конечном своем выводе, ибо если правы экономисты, объясняющие кризисы недостаточным потреблением, то картели не только не должны противодействовать кризисам, но должны способствовать их появлению — в одних случаях повышением, а в других — искусственной поддержкой цен.

Эта тенденция картелей во многих случаях выражается прямо, в открытом повышении цен. Но гораздо чаще она проявляется в скрытой форме: несмотря на удешевление производства, цены не понижаются вовсе, либо понижаются недостаточно. Этому обстоятельству мы обязаны тем, что многие вполне беспристрастные исследователи не в состоянии вполне оценить роль промышленных организаций в политике цен. Они оспаривают тенденцию к удорожанию продуктов, ссылаясь на фактическое понижение цен, забывая, что в основании последних лежит еще большее понижение стоимости производства. Американские цензы дают любопытную иллюстрацию указанного явления. В 1900 году 207562 рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности Штатов, обработали сырья на 6.578 мил. дол., что составляет 31,7 тыс. дол. сырья на 1 рабочего. В 1905 году число рабочих поднялось до 216262, а стоимость обработанного ими сырья — до 8.504 мил. дол.; следовательно, сырья на 1 раб. оказалось уже на 39,3 тыс. дол. ²⁾. С улучшением производства не только увеличивается количество перерабатываемого каждым рабочим сырья, но и усиливается экономизация сырья, увеличивается количество выходящих из сырья изделий. Последнего момента удешевления производства мы не можем установить по данным ценза. Ограничиваемся по-

¹⁾ R. May. Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen. Berlin, 1902, стр. 14.

²⁾ St. abstract of the U. S., 1908, стр. 176.

ждения. Но в двух случаях средние его цены за год поднимались чрезвычайно высоко. Это, во-первых, в 1900—1901 и 1901—1902 годах, когда цены стояли на 10,1 марках за тонну, между тем как в 1899—1900 году цена была 9,1 марки, а в 1902—1903 году — 9 марок; и, во-вторых, в 1907—1908 и 1909—1908 годах, когда цена угля поднялась до 11—11,5 марок ¹⁾. Как 1900—1901 и 1901—1902 годы, так и 1907—1908 и 1908—1909 годы, как известно, были годами кризисов. Следовательно, именно тогда, когда, по логике вещей, цены должны были бы быть низкими, они на самом деле стояли выше обычного уровня.

Другой политики придерживается организация железной промышленности в Соединенных Штатах. Там годы кризисов отмечаются низкими сравнительно ценами. Но даже уменьшенные цены стоят значительно выше цен, предшествовавших учреждению стального треста, с какого момента организация промышленности в С. Штатах получает активное значение. Так, бессемеровский чугун в Питсбурге с 15,95 долларов за тонну в 1891 году упал в 1897 году до 10,13 долларов. В год учреждения стального треста, в 1891 году, цена бессемеровского чугуна стояла на 15,93 доллара. После этого были следующие цены ²⁾:

В 1902 году	20,67	доллара.
„ 1903 „	18,98	„
„ 1904 „	13,76	„
„ 1905 „	16,36	„
„ 1906 „	19,54	„
„ 1907 „	22,84	„
„ 1908 „	17,07	„

Следовательно, в течение семи лет цены ни разу не опускались до уровня 1891—1897 годов, а ниже уровня 1901 года они были лишь в одном 1904 году; во все же остальные годы, в которые входит „депрессия“ 1903 года и кризис 1907—1908 гг., цены, правда, колебались в зависимости от хозяйственной конъюнктуры, но всегда стояли сравнительно высоко.

VI.

Кризис 1907—1908 годов должен был рассеять последние надежды на то, что капиталистическая организация промышленности может быть средством против кризисов: если кризис 1900—1902 гг. дискредитировал даже в глазах таких экономистов, как Лескюр, силу картелей, то последний кризис показал все бессилие как трестов, так и „союзов трестов“, в которые Лескюр продолжал еще верить. Зато оба кризиса обнаружили силу промышленных организаций в другом: в способности сделать кризисы наименее продолжительными. В прежние времена кризисы редко затягивались менее, чем на три—четыре года. Кризис 1825 года длился до 1830 г. Кризис 1836 года окончился в 1852 г., чтобы с 1858 г. начался новый кризис и длился до 1861 г. Наконец, накануне великого промышленного кризиса, раз-

¹⁾ Liefmann. Kartelle и т. д., стр. 39.

²⁾ Statistical Abstract of the U. S., 1908, стр. 547.

разился кризис, продержавшийся с 1868 по 1870 год. Благодаря организации промышленности, продолжительность кризисов доводится до двух и даже одного года. Кризис первых годов XX века начался в Европе в 1901 г., а в 1902 году он уже приходит к концу ¹⁾. Последний кризис начался, как известно, с Америки. Предвестники кризиса отмечались около марта 1907 г., но что надвигается серьезное затруднение, стало ясно только в августе, когда Бостон и Нью-Йорк не могли реализовать своего 4% займа. Около этого времени английский банк поднимает учетный процент. Наконец, октябрь ознаменовывается форменной паникой на нью-йоркской бирже ²⁾. С ноября частный дисконт в Нью-Йорке достигает небывалой высоты и держится на повышенном уровне почти до февраля. Затем он падает и, понижаясь до сентября 1908 г., возвращается к средней норме около ноября 1908 г. ³⁾. С этого времени дела начинают быстро поправляться, а со середины 1909 года барометр американской промышленности, выплавка чугуна, показывает, что кризис далеко остался уже позади: средняя помесечная выплавка быстро поднимается над уровнем первых восьми месяцев 1907 г. Если движение последнего кризиса в Америке сравнить с движением прежних кризисов и депрессий, то его краткосрочность выступит с особенной ясностью. Кризис 1873 г. остановил развитие выплавки чугуна на пять лет, так как только в 1879 г. она поднялась несколько выше уровня 1873 г. Кризис 1882 года то же действие оказал на период в три года, а кризис 1890 г. — на период в шесть лет. В депрессию 1899—1900 г. выплавка чугуна вовсе не сокращалась, а лишь остановилась в росте. Депрессия 1903—1904 г. локализовалась на сокращении выплавки только в одном 1904 г. ⁴⁾. К такому же результату привел кризис 1907—1908 г.: после выплавки в 25.976 тыс. метр. тонн в 1907 г., выплавка 1908 г. упала до 16.191 тыс. тонн, чтобы в 1909 году снова подняться до 26.208 метр. тонн.

Итак, способность промышленных организаций быстро локализовать кризисы бесспорна. Время длительных кризисов, приходится думать, миновало. В зависимости от степени организованности промышленности кризисы продолжаются больше или меньше, но затяжным кризисам нет уже места.

Значит ли это, что кризисы становятся также и менее вредны? Если общеэкономический вред от кризисов измерять потерями, происходящими от сокращения производства, то вряд ли получится положительный ответ на поставленный вопрос. Мерилом влияния кризисов можно принять движение железной промышленности. В Германии в последнюю треть XIX столетия выплавка чугуна возрастала безостановочно. Колебания в связи с состоянием рынков были в Англии, но ни разу здесь выплавка не сокращалась, сравнительно с лучшим предшествовавшим годом, более, чем на 17—20 процентов (в 1886 и 1892 г.). То же мы находим в Америке, где за 70-ые годы в наихудшем 1876 г. выплавка чугуна была ниже, чем в наилучшем 1873 году

¹⁾ За к. Промышленный капитализм. М. 1908, стр. 85 и 89—90.

²⁾ A. Hasenkamp. Die wirtschaftliche Krisis des J. 1907 i. d. V. Staaten von Amerika. Jena, стр. 12—16.

³⁾ St. Abstr. of the U. S., 1908, стр. 602—604.

⁴⁾ Промышленность и торговля, 1909, № 24, стр. 645.

на 24 проц.; за 80-ые годы в наихудшем 1885 г. выплавка опустилась на 13% ниже наилучшего 1882 г., и за 90-ые годы максимум выплавки в 1890 г. был выше минимума в 1894 г. на 28%. Между тем в кризис конца XIX и начала XX столетия уже отмечалось всеобщее и значительное сокращение производства. Разница между предшествовавшим кризису максимумом выплавки чугуна и его минимумом во время кризиса составляла: в Англии около 16%, в Германии 8%, во Франции 12½% и т. д. Но особенно эта новая тенденция ярко сказалась в Америке в последний кризис. Здесь промышленные депрессии прежде сопровождались сокращением выплавки чугуна. Но характерно следующее. Сумма потерь на выплавке чугуна за все шесть лет действия кризиса 1873 года равнялась около 84% выплавки предшествовавшего кризису года. Трехлетие кризиса 1882 года по тому же расчету обошлось в 25%, а шестилетие кризиса 1890 года—в 64%. И вот в 1908 году выплавка чугуна сравнительно с 1907 г. сразу сократилась с 26 милл. тонн до 16 милл. или на 39%.

Из этих данных легко видеть, какими средствами промышленные организации добиваются равновесия на рынках в моменты промышленных кризисов. Пока предприниматели действовали врозь, начало кризиса всегда сопровождалось даже расширением производства. Вследствие упадка товарных цен, усиленно стремились к удешевлению производства, что, помимо технических улучшений, достигалось увеличением производства, частью вследствие расширения предприятий, частью вследствие усиления их деятельности. Сокращение производства там, где оно случалось, приходило потом и с большой постепенностью, по мере гибели малоустойчивых предприятий, отстаивавших себя всеми силами. Это двойное течение—расширение производства для его удешевления в одних случаях и упорная борьба за существование, борьба до последней „капли крови“, в других случаях,—приводило к тому, что не столько сокращение производства, сколько увеличение емкости рынков путем сильного обесценения товаров служило средством установления хозяйственного равновесия. Иные отношения создают промышленные организации. Самое слабое понижение цен служит уже для них лозунгом к сокращению производства; оно сокращается быстро и в громадных размерах, так что за короткий срок излишек товаров перестает отягощать рынок, цены поправляются, и кризис перестает действовать. В Америке в 1907 году цены чугуна пошатнулись к концу октября, а в ноябре получилось уже сокращение выплавки на 22 процента. В ноябре цены опять понизились, и декабрьская выплавка дала новое сокращение на 26 проц. Так как положение продолжало ухудшаться, то выплавка января 1908 г. уже доводится до 45 процентов предшествовавшей кризису месячной выплавки. Затем по мере того, как улучшается положение, производство снова постепенно расширяется, пока в сентябре 1909 г. не восстанавливается уже лучшая месячная выплавка 1907 г., а в октябре—даже превышает ее.

Итак, в отличие от прежнего времени, когда вовсе не было обязательно, чтобы кризисы сопровождались сокращением производства, теперь, благодаря организации промышленности, оно каждый раз выступает на сцену, и в значительнейших размерах. В Европе это еще не так заметно, как в Америке, и потому-то такие экономисты, как

Лескюр, видят в Америке грядущую судьбу европейского мира. Однако, вопреки мнению Лескюра, судьба эта—борьба с кризисами не понижением цен и увеличением таким путем емкости рынков, а сокращением, по возможности моментальным, производства. Если под выигрышем народного хозяйства понимать выигрыш предпринимателя и капиталиста, то новому способу локализации кризисов придется отдать предпочтение. Ценою потери части прибыли достигается безусловная устойчивость организованной промышленности. Стальной трест сократил в 1908 г. свои обороты с 760,3 милл. дол. до 483,8 милл. Но почти в соответственных размерах он сократил и расходы, выбросив, между прочим, на мостовую 44.869 рабочих или почти 21½ проц. занятой им рабочей армии и сократив время оплачиваемой работы остальных рабочих. Зато все потрясение свелось для треста лишь к сокращению валовой прибыли с 161 до 92 милл. дол., что осталось для дивиденда совершенно незаметным, ибо размер его, определенный в 35,4 милл. дол., все еще оставался ниже валовой прибыли.

На сколько устойчивость буржуазных классов увеличивается в самом деле, можно судить по движению банкротств. В Англии данные о банкротствах допускают сравнение, начиная с 1884 г. Если следующее за этим годом 24-летие разделить на три восьмилетних периода, то окажется, что разница между максимумом банкротств и минимумом равнялась: в первый период 17-ти процентам, во второй—16-ти и в третий—14-ти процентам. Следовательно, движение банкротств, особенно в восьмилетие 1900—1907 гг., стало более ровным и спокойным. При этом отмечается такая уже вовсе исключительная особенность: максимум банкротств за последние пятнадцать лет приходится не на годы кризисов либо близкие к ним, а на годы промышленного оживления. Так, 4764 банкротства было в 1905 г. и 4546— в 1904-ом, между тем как в годы кризисов было банкротств: 4410 и 4244 в 1900 и 1901 гг. и 4306 в 1908 году ¹⁾. Не значит ли это, что внутри-классовая буржуазная борьба, которая ранее обострялась во время кризисов, теперь усиливается в периоды промышленного оживления—под давлением сильно обостряющегося в это время процесса слияния промышленных предприятий и объединения промышленности вообще? Лишнее число банкротств—не те ли это жертвы, которыми расплачиваются отдельные предприятия за излишнюю любовь к самостоятельности?

Еще интереснее движение банкротств в С. Штатах, в зависимости, вероятно, от более сильной роли, которую играет здесь организация промышленности. Начиная со середины 60-х годов мы видим в Штатах быстрое нарастание числа банкротств. Так, в среднем было банкротств ежегодно:

1869—1878 гг.	6.052
1879—1888 »	8.465
1889—1898 »	12.735

После этого процесс нарастания останавливается, так что в 1899—1908 гг. среднее число банкротств в год уже опускается до

¹⁾ Statistical Abstract for the United Kingdom. London, 1909, стр. 390—391.

12,661, несмотря на то, что последнее десятилетие имело две „депрессии“—в 1900—1901 г.г. и 1903—1904 г.г., и один серьезный кризис—в 1907—1908 г.г. Интересно затем, что в 70-х и 80-х годах кризисы ознаменовались увеличением числа банкротств в два и более раза, а в 90-х годах—рядом лет с повышенным числом банкротств, между тем как в последнее десятилетие „депрессии“ проходили вовсе незаметно, и только выдающийся кризис 1907—8 г.г. вызвал усиление числа банкротств, да и то в одном 1908 г. и лишь до 15,690 т. е. на 24 процента ¹⁾).

VII.

Сказанное не оставляет сомнения, что организация промышленности на буржуазные классы действует благотворно. Так же ли благотворно действует она и на трудовые классы? На положение рабочих промышленные организации оказывают разнообразные влияния, в соответствии с разнообразными отношениями, существующими между промышленностью и рабочими. Во-первых, рабочие противопоставляются промышленным организациям, как потребители их продуктов, располагающие ограниченными покупательными ресурсами, а потому и как общественный элемент, наиболее чутко относящийся к проводимой промышленными организациями политике цен. О всеобщих ныне жалобах на дороговизну жизни, возрастающих с каждым годом, особенно в среде малосостоятельных классов населения, в том числе рабочих, речь у нас будет ниже. Теперь же важно для нас не то, вредна ли для рабочих политика цен, поддерживаемая промышленными организациями, а то, не уравнивается ли, как многие утверждают, вред от высоких цен какими-либо выгодами, которые вытекают для рабочих из организации промышленности?

Наиболее распространено мнение, что все отрицательные стороны промышленных организаций, как монополистов рынка, искупаются для рабочих тем, что эти организации обеспечивают им постоянную, равномерную и прочную работу. Лифманн считает этот факт бесспорным. Крепко организованные картели, по его мнению, ведут к установлению большей равномерности в занятии рабочих „не только ради них самих, но гораздо более в интересах своих собственных членов, чтобы дать им возможность лучше использовать оборудование фабрик и удерживать основной рабочий кадр, представляющий большую ценность для каждого предприятия“ ²⁾. Но прочность занятий для рабочих обозначает, если не постепенный и непрерывный роет, то, по крайней мере, постоянство размеров производства. Между тем, несколькими страницами ранее тот же Лифманн отмечает тенденцию промышленных организаций бороться с кризисами путем сокращения производства ³⁾. Каким образом Лифманн согласует два безусловно исключаящих друг друга момента, он нигде не объясняет. Да их и нельзя согласовать. Выше мы указали, к каким последствиям привел последний кризис в железной промышленности, особенно в С. Штатах: за

¹⁾ St. Abstr. of the U. S., 1908 стр. 795.

²⁾ Kartelle u. Trusts, стр. 60.

³⁾ Там же, стр. 42—43.

один год производство там потеряло немногим менее, чем в предыдущие кризисы оно теряло за ряд лет. И прежде всего пострадали рабочие, которых, например, один стальной трест, как нам уже известно, выбросил на мостовую около 45 тыс. человек.

Конечно, сокращение производства промышленными организациями это—не то, что сокращение производства вследствие закрытия предприятий, не выдержавших борьбы за существование. Но разница выгодна для предпринимателей, а не для рабочих. Предприниматели, как класс, выигрывают, понятно, от того, что вместо полного разорения одних, перепроизводство устраняется мало опасным для них сокращением прибыли у всех или многих. Для рабочих же вполне безразлично, состоит ли очутившийся на мостовой контингент безработных из рабочих окончательно закрывшихся предприятий или его образуют рабочие предприятий, только сокративших у себя производство. За то им далеко не безразлично, сокращается ли производство сразу, захватывая врасплох громадные массы людей, или сокращение производства растягивается на годы. В последнем случае рабочим дается возможность приспособиться как нибудь к трудному положению—тем ли, что тяжесть безработицы более или менее распределяется между всеми трудящимися, либо тем, что известная доля рабочих эмигрирует и переходит во внекапиталистические отрасли промышленности. При том условия, при которых сокращается производство вследствие крушения отдельных предприятий,—при свободной конкуренции,—таковы, что тяжесть кризиса при них падает не на одних рабочих, а распределяется между ними и предпринимателями. Перепроизводство устраняется тогда не только сокращением работ, за которое наиболее чувствительно расплачиваются рабочие, но и понижением цен, т. е. увеличением емкости потребительных рынков. Понижение же цен ложится всем своим бременем только на предпринимателей, главным образом на тех из них, которые не выдерживают конкуренции и выходят в тираж. Что же теряют предприниматели, когда сокращение производства происходит, как тактический прием промышленных организаций? Некоторую часть прибыли. Для увеличения емкости потребительных рынков они не делают ничего, с кризисом они борются только сокращением производства, т. е. все бремя тяжелого времени обрушивается на рабочих.

Очевидно, слишком большую осторожность проявляют Baumgarten и Meszleny, когда они говорят, что картелями и трестами „кризисы только отчасти устраняются, отчасти же они переносятся на рабочих“¹⁾. Слово „отчасти“ тут вполне неуместно. Не отчасти кризисы переносятся промышленными организациями на рабочих, а целиком. Ибо ни в какое сравнение не могут идти в данном случае жертвы предпринимателей,—выражающиеся, как известно, лишь в уменьшении прибыли,—с жертвами, которые приносятся рабочими, во-первых, как представителями труда, и, во-вторых, как основными кадрами потребителей с ограниченными платежными силами, в прежнее время выигрывавших от упадка цен, а теперь во время кризисов вынужденных платить иногда даже повышенные цены. Это действие

---

¹⁾ Упом. соч., стр. 209.

промышленных организаций во время кризисов необходимо себе представить еще на фоне общей картины их деятельности. Основная их задача, как известно, устранить „анархию“ в производстве или, что то же самое, установить равновесие между производством и потреблением. De facto это сводится к тому, чтобы, если не сократить производство,—нередко, конечно, и это бывает,—то, на сколько возможно, ослабить силу его роста и развития. Очевидно, на рабочих ложится вся тяжесть кризисов, как своего рода премия к вреду, приносимому им общими мероприятиями, ради которых промышленность вообще организуется.

Можно подумать, что положение рабочих облегчается, когда организованная промышленность прибегает к экспорту, хотя бы убыточному, чтобы сохранить производство в несокращенном виде—в момент кризиса, или содействовать его развитию—в обыкновенное время.

Этим мотивом в защиту убыточного экспорта продолжают в литературе злоупотреблять до сих пор. Но детальный анализ вопроса приводит к совершенно иным выводам. Так, В. Моргенрот, исследовавший экспортную политику картелей сырья и полуфабрикатов, приходит к заключению, что политика эта в конечном итоге не только не действует благоприятно на промышленность, но, наоборот, вредит ¹⁾. Моргенрот наибольшее внимание уделяет влиянию убыточного экспорта сырья и фабрикатов. Так же поступает Гольдштейн ²⁾. Объясняется это тем, что политика убыточного экспорта все более распространена именно в „тяжелой“ промышленности. Но очевидно, что не менее вреден убыточный экспорт и готовых продуктов. Что убыточный экспорт сырья и полуфабрикатов возвышает стоимость производства внутри страны, ясно. Так как убытки на экспорте обязательно переносятся на внутренний сбыт, то внутренние цены сырья и полуфабрикатов не только не понижаются, но обязательно повышаются. Известно, что рейнско-вестфальский угольный синдикат во время кризисов, т. е. убыточного экспорта, поддерживает внутри страны высокие цены на такой важный предмет промышленного потребления, как уголь. Этим он возвышает расходы производства. Дорогое же производство сокращает, во первых, внутреннее потребление готовых продуктов, ибо чем предметы потребления дороже, тем меньше предъявляемый на них спрос, и, во вторых, уменьшает их вывоз за-границу, вследствие ухудшения условий борьбы за иностранные рынки. Последнее получается еще и потому, что страны, которые пользуются привезенными к ним дешевыми сырьем и полуфабрикатами, приобретают в борьбе за рынки дополнительное преимущество. В результате не только не увеличивается спрос на труд, но еще уменьшается, иногда даже в самой „тяжелой“ промышленности, так как сокращение производства готовых продуктов ведет к уменьшению спроса на ее продукты.

Но таково влияние убыточного экспорта не одних только сырья и полуфабрикатов. И убыточный экспорт готовых продуктов в конце

¹⁾ W. Morgenrot. Die Exportpolitik der Kartelle, Leipzig, 1907.

²⁾ И. М. Гольдштейн. Синдикаты и тресты. М., 1907. Март. Отдел I.

концов кончается сокращением производства, так как, сопровождаясь перенесением убытков на внутреннее потребление, т. е. повышением внутренних цен, он уменьшает емкость внутренних рынков, покупательная сила которых во время кризисов и без того мала, а в обыкновенное время от убыточного экспорта нисколько не увеличивается.

Необходимо, впрочем, сказать, что убыточный экспорт, как постоянная политика картелей, становится все менее возможным. Его вытесняют интернациональные картели, которые развиваются теперь с большой быстротой и, главным образом, именно с целью устранить злоупотребление убыточным экспортом со стороны национальных картелей. Что же касается влияния интернациональных картелей на размеры производства, а потому и спроса на труд, то оно не лучше, чем влияние вообще сокращенного сбыта продуктов промышленности. „Устранение иноземной конкуренции на внутренних рынках дает картелям большую свободу, которой они могут воспользоваться для укрепления цен“. И они пользуются ею с этой целью в самом деле. Вот пример. „В августе 1904 г. Германия, Франция, Бельгия и Австрия образовали международный картель зеркального стекла. Немедленно немецкий картель предпринял необычайное повышение внутренних цен. По словам аахенской торговой камеры, повышение цен достигло 50—60% и „неизбежным результатом“ было то, что упал сбыт“ ¹⁾.

Чтобы понять истинный смысл указанного факта, следует иметь в виду, что картель никогда не охватывает ту или иную отрасль промышленности целиком. Известная ее часть остается вне организации, и эта именно часть становится жертвой сокращенного сбыта. Следовательно, картель сам по себе остается незатронутым. Обездоливаются только неорганизованные предприниматели, которым, впрочем, иногда удается кое-что сорвать с картеля за уход с промышленной арены. Но ни какой и ни откуда компенсации не достается рабочим, получившим мало завидную „свободу“ вследствие закрытия невыдержавших борьбы предприятий.

Нет худшего лицемерия, чем утверждение, что организованная промышленность обеспечивает рабочим более постоянную, прочную и равномерную работу. Для одной части, и далеко не значительной—да; именно для наиболее ценных рабочих, которых предпринимателям нет расчета отпускать даже при полной остановке работ и которым найти работу вообще не трудно. Но вся рабочая масса в смысле прочности занятий и большей их доступности не только ничего не выгадывает, а, наоборот, теряет. И она теряет тем более, чем более политика цен приобретает самодовлеющее значение, чем более важным регулятором предпринимательской деятельности становится эта политика и чем, следовательно, сильнее обостряется конфликт между интересами предпринимателей и интересами народного хозяйства,—этот лейтмотив промышленности, вступившей на путь капиталистической организации, чтобы уничтожить последствия свободной конкуренции.

---

¹⁾ Bonikowsky. Der Einfluss d. industr. Kartelle auf den Handel in Deutschland, Jena, стр. 115.

VIII.

Но вредя рабочим, как потребителям, нисколько в то же время не содействуя, иногда даже противодействуя им подыскивать себе занятия, промышленные организации, быть может, вносят улучшения в те отношения, которые существуют между ними и рабочими, как нанимателями и наемниками? Лифманн одушевлен в этом смысле самыми светлыми ожиданиями. Он не надеется, чтобы промышленные организации создали „социальный мир“. Но он берет на себя смелость „предсказать“, что „при дальнейшем развитии монополистических объединений не будет борьбы ни среди самих предпринимателей, ни между ними и рабочими“, а борьба объединенных и солидарных предпринимателей совместно с рабочими против потребителей „сделается центральной проблемой хозяйственной жизни будущего“. От будущего Лифманн переходит к настоящему. По его мнению, „рабочий класс и теперь не настроен враждебно к картелям... В картелях рабочие всего более ценят то, что они облегчают им добиваться лучших условий труда“ ¹⁾.

В чем же выражается реально это значение картелей? „Если предприниматели имеют картель, они более склонны повышать заработную плату, чем при свободной конкуренции, так как у них имеется большая возможность переложить убытки от этого на потребителей“. И в доказательство того, что предприниматели не остаются при одной своей „склонности“, Лифманн ссылается на железную и угольную промышленность Германии, где повышение заработной платы „за время 1901—1907 г.г. достигло минимум 10%, частью дошло до 20-ти“ ²⁾.

На заработной плате останавливаются и Baumgarten u. Meszleny, когда они характеризуют положительное влияние картелей на рабочих. „Что касается заработной платы, говорят они, то анкета Industrial Commission не открыла ни одного случая, чтобы трест привел к ее понижению ³⁾. Точно также и картели „непосредственно не ухудшают положения рабочих“. Наоборот, „в железной промышленности (Германии) за время от 1886 по 1904 г. заработная плата увеличилась с 2,71 марки до 4,69...“ ⁴⁾.

Можно ли хотя бы эти шаги в улучшении положения труда отнести на счет картелей? Безусловно нет. За последние десятилетия заработная плата повысилась во всей промышленности Германии, — да и не ее одной, — и нет ничего удивительного, что общему движению подчинились и картели. Так, если в Дортмундском округе, главном гнезде картелизированной угольной промышленности, годовой заработок рабочего в среднем поднялся с 772 марок в 1886 г. до 1562 марок в 1907 г., т. е. на 102 процента, то в верхней Силезии он поднялся с 490 марок до 1003 или почти на 105%. И в той или иной степени заработная плата поднялась в Германии не только в угольной промышленности. При добывании соли в округе Галле за

¹⁾ Kartelle u. Trusts, стр. 65.

²⁾ Kartelle u. Trusts, стр. 60.

³⁾ Baumgarten u. Meszleny, упом. соч., стр. 210.

⁴⁾ Там же, стр. 211.

тот же период заработная плата возросла с 916 марок до 1185. Каменьщик получал в день: в Берлине в 1883 году — 3,75 марок, а в 1906 г. — 7,20; в Гамбурге в 1884 году 5 марок, а в 1906 году — 7,20; в Дрездене в 1885 г. — 3,41, а в 1905 г. — 5,10 марки. Плотник в Берлине зарабатывал в 1887 г. 3 марки в день, а в 1905 г. уже 5 марок; заработок слесаря поднялся с 32 пфенигов в 1885 г. до 53½ в 1903 г. в час. На локомотивном заводе Мюнхена за десятилетие 1887—1906 гг. заработная плата поднялась с 927 марок в год до 1252 мар. ¹⁾.

Конечно, не во всех отраслях промышленности заработная плата увеличилась одинаково. Однако, среди разнообразных влияний, которым подчинялось движение заработной платы, более или менее выделяется тенденция к уравниванию заработков, а потому и более быстрой росту ненормально низких плат. Затем сильно выделяется роль рабочих организаций, как фактора повышения заработной платы. Но чтобы обращало на себя внимание влияние картеля, мы нигде не находим серьезного фактического подтверждения. Если же в картелизованных предприятиях заработная плата часто в самом деле выше, чем в некартелизованных, то это происходит от тех же причин, которые вообще приводят к тому, что в крупной промышленности труд лучше оплачивается. Причина эта — привлечение лучше подготовленных, т. е. квалифицированных рабочих. Но там, где подготовка рабочего особого значения не имеет, даже американские тресты, славящиеся своими высокими платами рабочим, нередко оплачивают труд даже хуже, чем отдельные предприниматели. Таков, например, табачный трест, который за наиболее высокий рабочий день во всей этой отрасли промышленности уплачивает худшую заработную плату. Этот трест известен широкой эксплуатацией женского и детского труда, оплачиваемого 1½ долларами за 12-ти часовую день, тогда как обыкновенный рабочий табачной промышленности, занятый вне треста, получает 16 дол. в неделю, работая по 8 часов в день ²⁾.

Беспристрастные исследователи, даже относящиеся к промышленным организациям в общем снисходительно, не могут тем не менее не признавать их опасности для рабочих. Baumgarten и Meszleny утешаются тем, что „опасения“ (вызываемые организацией промышленности в отношении рабочих) оправдываются на Америке лишь в очень редких (?) случаях“. Но тут же они приводят ряд примеров, показывающих, в какие невыгодные условия борьбы за положение в промышленности тресты ставят рабочих. American Smelting and Refining Company парализовала в 1889 году стачку, закрыв предприятия в Колорадо и переведя работы в другие места, где не было стачки³⁾. Так же поступил стальной трест в 1901 г. Тем не менее несколько случаев победы рабочих союзов дают Baumgarten'у и Meszleny повод все свести к вопросу о рабочих союзах. „Имей рабочие хорошую организацию, — говорят они, — и распространяя они свои тред-юнионы на все или большинство штатов, они были бы достаточно сильны, чтобы противо-

¹⁾ R. Kutzynsky. Die Entwicklung der gewerblichen Löhne seit der Begründung des Deutschen Reiches, Berlin, 1909, стр. 5, 6, 9, 17, 34, 39, 79, 88, 92.

²⁾ Vorwärts, 909, № 110.

³⁾ Упом. соч., стр. 204.

действовать также и трестам¹⁾. Но в том-то и дело, что и рабочие союзы не оставляются трестами без внимания.

Митчель, на которого друзья промышленных организаций усердно ссылаются в доказательство дружелюбного отношения рабочих к промышленным организациям (и не без основания, ибо, будучи секретарем одного из наиболее боевых американских рабочих союзов, горно-рабочаго, он сохраняет способность смотреть на тресты чрез розовые очки идиллистических надежд),—этот самый Митчель все-таки рисует благополучие рабочих под крылышком трестов с очень серьезными и весьма тревожными оговорками. Вспомнив и с своей стороны случаи борьбы трестов с забастовками путем перевода работ из мест, где происходит стачка, в места, где спокойствие поддерживается отсутствием организаций среди рабочих, а также факты, когда тресты отказываются иметь какое бы то ни было дело со рабочими союзами и даже с рабочими, состоящими членами союзов,—Митчель утешается тем, что тресты пока сами себе еще не выяснили своих отношений к рабочим. „Но,—продолжает он,—если станет очевидно, что тресты стали на путь отнятия у рабочих закономерных средств самозащиты, если народ увидит в них деспотию капитала, высасывающую соки из производителей и потребителей—пробьет последний час их господства“²⁾. Такую наивную позицию Митчель мог занимать в начале первого десятилетия XX века. Она тем более была ему тогда простительна, что всей грозной силы организованной промышленности не понимал и известный Gompers, председатель Federation of Labor, показывавший пред Industrial Commission, что тресты весьма благоприятно действуют и на самих рабочих, и на рабочие союзы³⁾.

Но в последние годы политика трестов далеко подвинулась в определенности своих отношений к рабочим. Тот же самый Samuel Gompers, например, который 7—8 лет тому назад так добродушно говорил о влиянии трестов на положение рабочих, руководил комитетом Американского рабочего союза, который в 1910 г. представил президенту С. Штатов записку с изложением печального положения, в котором находятся рабочие стального треста, этого гиганта, служащего примером и объектом подражания для всех промышленных организаций Америки. По свидетельству этой записки, стальной трест ни при каких обстоятельствах не считается с желаниями рабочих. С целью обеспечить себе полную власть в деле, он жестоко преследовал и продолжает до сих пор преследовать рабочие союзы. Карнеги пришел в трест с изолированными рабочими, так как и раньше он не допускал у себя рабочих коалиций. Но остальные компании, вступив в трест, имели у себя хорошие рабочие организации. Их рабочие почти все входили в Amalgamated Association of Iron and Steel Workers, тогда сильнейший союз во всей стране. Теперь от него осталась одна тень. И это было делом рук треста. Он, на сколько мог, останавливал предприятия, в которых рабочие были хорошо организованы; некоторые предприятия он вовсе ликвидировал; пользовался всяким понижением конъюнктуры, чтобы освободиться от организованных ра-

¹⁾ Там же, стр. 205.

²⁾ Mitchell. Organisierte Arbeit. Пер. с англ. Dresden, 1904, стр. 99.

³⁾ Baumgarten u. Meszleny, упом. соч., стр. 205.

бочих, если другие средства не помогали. Летом 1908 г. трест разрушил последнюю крепость юнионизма в его предприятиях, провоцировав стачку в мастерских входящей в его состав American Tin Plate Company и воспользовавшись ею, чтобы остановить работы в мастерских с организованными рабочими; производство продуктов, которые ему были нужны, он перевел в предприятия с неорганизованным трудом. Тирания рабочих трестом не знает пределов. Они фактически лишены не только союзов, но и свободы слова и собраний. Если владелец помещения разрешит им собраться у себя, трест подвергает его форменному террору. Когда рабочие собираются под открытым небом, их разгоняет полиция, находящаяся в полном подчинении у треста; замеченные же в этом „преступлении“ рабочие немедленно увольняются. Трест бойкотирует американских рабочих, отдавая предпочтение послушным, и беззащитным выходцам из Смирны, Польши, Румынии. При 12-ти часовом рабочем дне и отсутствии до последнего времени даже воскресного отдыха (об установлении такового трест объявил лишь одновременно с объявлением о повышении заработной платы на 6% и о введении страхования от несчастных случаев,—когда агитация Gompers'a вызвала слишком большой шум), заработная плата у треста чрезвычайно низка, особенно для необученных рабочих. Так, в 1907 году трест в среднем платил рабочим всех разрядов около 15 дол. в неделю. Такую плату вообще нельзя считать в Штатах значительной. Видно это из того, что по переписи 1905 г. выше 15 дол. в неделю получало более 17 проц. всех рабочих. Но необходимо еще принять во внимание, что значительнейшая часть этой платы достается квалифицированным рабочим. Ими трест дорожит и поэтому прикрепляет к себе, между прочим, заработком, служащим рабочим достаточной компенсацией за все тяжелые условия труда¹⁾.

Если тресты и фузионы, организуя производство непосредственно, оказывают, не только косвенное, но и прямое влияние на условия труда—в качестве работодателей,—то, конечно, картели безсильны итти по их стопам. Сотрудничая друг с другом в деле установления рабочего рынка, эти две формы промышленных организаций расходятся, когда решается вопрос об обстановке и положении труда в самом предприятии. В то время, как трест распространяет свою власть и на производство, картель не идет дальше сбыта вышедших уже из сферы производства товаров. Тем не менее и у картеля имеются средства так или иначе воздействовать на установление выгодных для его участников условий труда. Мы не подразумеваем тех случаев, когда картель принимает на себя функции профессионального союза работодателей. Тогда картель перестает быть чисто промышленной организацией. Не о таких случаях у нас теперь речь. Мы говорим о влиянии картеля, как такового. Влияние треста на положение труда на заводе или на фабрике мы видели. Это—влияние работодателя, имеющего почти безграничную возможность злоупотреблять тем, что Митчель называет „деспотией капитала“. Этой возможности нет у картеля. Но

---

¹⁾ Извлечения из записки Gompers'a были напечатаны в *Frankfurter Zeitung*, *Vorwärts* и др. периодических изданиях первой половины 1910 г.

у него имеется возможность косвенно ослабить труд, значительно сократить силу его противодействия и заставить его преклониться пред волей работодателя.

Если картель устанавливает, что остановка работ, вследствие стачки, освобождает работодателя от всяких обязательств, тем не менее не отнимает у него права на участие в прибылях, в соответствии с количеством товаров, которые он должен был бы представить, согласно разверстке,—то тем самым он дает работодателю сильное оружие против рабочего. Эта сторона вопроса обходится молчанием исследователями картелей или, если они ее и касаются, то с тем, чтобы за одни скобки вынести картель и профессиональный работодательский союз. Между тем ни один профессиональный предпринимательский союз не мог бы оказать предпринимателю столь существенной поддержки на время стачек, какую оказывает картель. Так, г. Гольдштейн цитирует, например, следующее место из устава русского синдиката „Проволока“. „Если,—говорится там,—контрагент (заводчик) вследствие... забастовки рабочих... принужден будет полностью или частью приостановить производство изделий на своем заводе на время не менее двух недель и не более шести месяцев, то за время остановки завода соответственно уменьшается или вовсе прекращается его долевое участие. За это время он получает от Общества вознаграждение в следующем размере: по группе *а*,—гвозди и колесные заклепки,—5 коп. с пуда, по группам *б*, *в*, *г* и *д*,—всякого рода тянущая проволока,—10 коп. с пуда, и по группам *е* и *ж*,—мебельные пружины и сапожные шпильки,—15 коп. с пуда. Означенное вознаграждение контрагент получает за те количества, которые причитались бы ему за время остановки по среднему годовому расчету“¹⁾.

И не одним этим картель усиливает власть предпринимателя над рабочим. В стачке для предпринимателя не столько опасна самая остановка работ, сколько опасна возможность замены его товаров на рынках сбыта товарами его конкурентов. Картель с этой стороны вполне гарантирует предпринимателя: так как сбыт сосредоточен в руках картеля, который уничтожает какое бы то ни было проявление свободной конкуренции между промышленниками, то и тут ни о какой конкуренции между предпринимателями не может быть речи.

IX.

Выше мы отмечали попутно, что, когда говорят о промышленных организациях, необходимо иметь в виду, что речь идет о коалициях, отличных от союзов, устраиваемых специально для „разрешения“ рабочего вопроса, или, вернее, для организации классовой борьбы. Многие исследователи не делают строгого различия между теми и другими, и роль промышленных организаций в классовой борьбе поэтому у них затемняется. Промышленные организации противопоставляются рабочим союзам, между тем как последним могут быть противопоставляемы только союзы предпринимателей. Что же касается первых, то в отношении рабочих они выступают только, как владельцы данных

---

¹⁾ И. Гольдштейн. Апология синдикатов. Русск. Вед., 1909, № 287.

предприятий, следовательно, как работодатели. Разница между обоими видами коалиций, в которых участвуют одни и те же предприниматели, лежит таким образом не в их составе, а в их задачах: одни организуют промышленность, а другие — классовую борьбу.

Это не значит, понятно, что у тех и других совершенно различные, ни в чем не совпадающие сферы действий. Наоборот, промышленные организации всегда дополняют профессиональные союзы работодателей, очень часто они приходят на помощь друг другу. Но отсюда не следует, что они образуют одну однородную массу. Между ними имеется даже глубокая принципиальная разница. Профессиональные союзы предпринимателей также неразрывно связаны с предпринимателями, как профессиональные союзы рабочих с рабочими. Те и другие обуславливаются противоположностью интересов предпринимателей и рабочих, без этой противоположности они так же немислимы, как немислима война, в которой не было бы двух враждующих сторон. Профессиональные союзы, словом, являются продуктом тех классовых противоречий, которыми управляются две общественные группы, сталкивающиеся между собою в капиталистической промышленности, как рабочие и работодатели. Между тем промышленные организации, по идее своей, не должны принимать прямого участия в классовой борьбе. Они ничего нового не вносят в отношения между трудом и капиталом, так как объект их борьбы — не тот или другой общественный класс и вообще не группа людей, а известная хозяйственная система, именно, свободная конкуренция. Вот почему многие исследователи доходят до предсказания близости классового мира, который несут с собою предпринимательские организации. То, что они принципиально вовсе не связаны с классовой борьбой, принимается ими за отрицание классовой борьбы и распространяется чуть ли не как симптом на все коалиции, которые создаются предпринимателями. De facto же справедливо даже противоположное. Именно потому, что промышленные организации принадлежат предпринимателям, они не только их самих и организуемых ими профессиональных коалиций не видоизменяют, но еще обостряют и усугубляют классовый характер последних. Другими словами, хотя картели и тресты сами классовой борьбы не ведут, но в них профессиональные союзы работодателей находят для себя особую поддержку.

Можно сказать более: вероятно и вообще профессиональные союзы работодателей были бы невозможны, если бы им не подготовили почвы промышленные организации. До тех пор, пока в отношениях между предпринимателями основным мотивом являлась конкуренция, они не знали и не могли знать организованного участия в классовой борьбе. Всякое выступление рабочих заставляло предпринимателя не только изолированным, но и окруженным „внутренними врагами“. Стачка для него была опасна вдвойне: и потому, что она убыточна для него лично, и потому, что она выгодна конкурирующим с ним предпринимателям. Слабосилию разрозненных и друг другу враждебно настроенных предпринимателей противопоставлялась организация на другой стороне, на стороне рабочих. Классовая борьба, таким образом, превращалась в организованные выступления рабочих союзов против каждого предпринимателя в отдельности, ослабленного кроме

того, сознанием опасности, грозившей ему от собственных его товарищей, выжидавших лишь удобного момента, чтобы напасть на него и со своей стороны. История классовой борьбы знает и такие случаи, когда рабочие прямо натравливались одними предпринимателями на других, когда одни предприниматели оказывали и непосредственное содействие рабочим в их борьбе с другими предпринимателями. Наконец, свободная конкуренция вносила „анархию“ в производство, приводила к кризисам и этим путем содействовала общей борьбе рабочих против капиталистического общества.

Все эти условия, в которых проходили отношения между классами, легли в основание теории классовой борьбы Маркса-Энгельса, — теории, насчитывающей себе полувековое существование и все-таки до сих пор еще не всеми понятой. Наиболее распространено представление о классовой борьбе, как борьбе „угнетаемых с угнетателями“. Однако уже „Коммунистический Манифест“ восстал против такого упрощенного понимания сущности классовой борьбы. Борьба пролетариата с буржуазией начинается с первого дня их совместного появления на арене истории.

Но сначала пролетариат, борясь с буржуазией, борется вместе с тем и за буржуазию. Это — период борьбы с остатками феодализма. Тут буржуазно-пролетарской классовой борьбы еще нет. Ее нет и на следующей стадии пролетарской борьбы, — борьбы за частичные улучшения в положении рабочего класса. На этой стадии борьбы „от времени до времени побеждают рабочие, но только на время. Непосредственный результат их борьбы — не прямые выгоды, а все далее углубляющееся объединение рабочих“¹⁾. Лишь в третьей стадии борьба пролетариата становится классовой борьбой.

Эта мысль „Коммунистического Манифеста“ наиболее рельефно выступает в позднейшей работе К. Маркса — „Нищете Философии“. „По мере того“, — говорит там Маркс, — „как буржуазия развивается, растет в ее недрах... пролетариат нового времени: растет борьба между пролетарским классом и буржуазным, — борьба, которая в случайных, частичных и преходящих конфликтах выражается раньше, чем на обеих сторонах она будет раскрыта, замечена, оценена, понята, признана и, наконец, громко заявлена“²⁾. Даже зарождающиеся рабочие коалиции еще не делают этой борьбы классовой борьбой. Они готовят лишь почву для нее. В широко разветвляющихся коалициях рабочие массы начинают выступать уже как класс, но как „класс в отношении капитала“, а не „в отношении себя самих“. Только пройдя ряд фазисов „спланивания, конституирования“, рабочие массы становятся „классом для себя“, выступая уже в защиту „классовых интересов“, становясь на почву классовой борьбы, которая есть в то же время борьба политическая, ибо „борьба класса против класса есть политическая борьба“³⁾.

¹⁾ Das Kommunist. Manifest. 7-ое изд. Berlin, стр. 29.

²⁾ Das Elend d. Philosophie, Stuttg., 1895, стр. 106.

³⁾ Там же, стр. 162.

Обрисованный взгляд Маркса на сущность классовой борьбы, не всегда правильно понимаемый, привел к одному существенному, имевшему важные практические и теоретические последствия, недоразумению. Он дал основание для противопоставления политической борьбы экономической, как двух друг друга чуждых, не только посторонних, но друг друга даже исключаящих момента. Маркса поняли не в том смысле, что экономическая борьба на известной стадии сама становится борьбой политической, и, следовательно, ни о принципиальной ни о тактической разнице между ними нельзя говорить, а в том смысле, что это — две формы борьбы, отличающиеся друг от друга и по сущности и по преследуемым целям. Любопытно, что Каутский, желая устранить это недоразумение, еще более укрепляет его, и — что в особенности удивляет в Каутском — он укрепляет недоразумение к невыгоде для политической борьбы, которой он отводит подсобную, вспомогательную роль.

Начинает Каутский вполне в духе Маркса. „Политическая борьба“, — говорит он, — „есть только особая, наиболее широко и глубоко захватывающая форма экономической борьбы“. Но далее Каутский продолжает: „Не только законы, непосредственно касающиеся рабочего класса, но и большинство других законов так или иначе затрагивают его интересы. Подобно всем другим классам, рабочий класс должен стремиться заставить правительство служить своим целям“¹⁾. Выходит, что политическая борьба нужна не сама по себе, а как средство, и обуславливается тем, что государство и его законы не нейтральны; что если бы можно было себе представить нейтральное государство и нейтральное законодательство в виде, примерно, внеклассовых или надклассовых институтов, то была бы только экономическая борьба, которой Маркс отказывает в названии классовой, ибо классовая борьба, по Марксу, не может не быть политической.

Х.

Получается невероятная путаница, в которой Маркс, понятно, всего менее виновен, так как политический характер классовой борьбы имеет у него иной базис, чем у Каутского, — органический базис, вытекающий из специфического понимания Марксом объекта классовой борьбы, того противника, с которым пролетариат ведет классовую борьбу. Не потому пролетариат ведет классовую, или, что по Марксу то же самое, политическую, борьбу, что ему нужны от капиталистического государства те или иные уступки или льготы, а потому, что борьба с самими капиталистами бесцельна, так как капиталист — лишь орудие „того общественного механизма, в котором он составляет только колесо“. Капиталист эксплуатирует труд вследствие того, что он не может не производить, а производить должен в условиях „постоянного увеличения капитала, вложенного в промышленное предприятие“, ибо „конкуренция повелительно диктует каждому индивидуальному капиталисту законы, присущие капиталистическому способу производства, как внешние принудительные законы“²⁾. Пролетариат,

¹⁾ Эрфуртская программа. Рус. пер. Stuttg., 2 изд., стр. 103.

²⁾ Капитал. Т. I, пер. П. Б. Струве, стр. 494.

следовательно, ведя классовую борьбу, имеет против себя не только отдельных капиталистов, но и определенный социально-политический строй, — и это именно обстоятельство превращает классовую борьбу в борьбу политическую, — тот самый строй, который одновременно делает пролетариат жервой, а капиталистов — орудием угнетения.

Отсюда вытекает, что классовая борьба имеет своим объектом не угнетателей, а угнетение, общественно-политические условия, уклад жизни, делающие угнетение неизбежным. Еще более, — у Маркса этот момент имеет особенно важное значение, — в борьбе с буржуазным классом пролетариат по существу находит в нем даже своего помощника, который, хотя и бессознательно, делает ту же работу, что он сам: расшатывает буржуазно-капиталистический жизненный уклад. С одной стороны, буржуазия сама ведет растлевающую внутриклассовую борьбу, выражающуюся в „экспроприации“ друг друга, капиталиста капиталистом. „Эта экспроприация совершается в силу действия имманентных законов самого капиталистического производства, посредством централизации капиталов. Один капиталист избивает многих“¹⁾. С другой стороны, „организуя производство на одной фабрике“, буржуазия дезорганизует, создает „анархию производства во всем обществе“, ибо в „анархии производства во всем обществе“ воспроизводится лейтмотив капиталистического уклада жизни, „противоположность между общественным производством и капиталистическим (т. е. индивидуальным) присвоением“²⁾. На этой почве вырастает такое явление, как периодические кризисы, все сильнее и сильнее расшатывающие устои „старого порядка“, расчищая дорогу для наступающих армий труда.

Итак, по Марксу, классовая борьба это — не только борьба класса за повседневное существование, не только борьба „угнетаемых с угнетателями“, но и борьба против данной социально-политической организации, и она ведется на почве сознательной борьбы угнетаемых против строя, обуславливающего угнетение, при бессознательном, но механически-обязательном содействии господствующего класса, этого орудия угнетения. Таким образом, у Маркса устраняется противоположность или разнородность экономической борьбы и политической; оба вида борьбы сливаются между собою, образуют одно целое.

Но если, как будто, устраняется одно недоразумение, то тем сильнее становится другое. В классовую борьбу вводится принудительный элемент, ее успех обуславливается не только сознательной волей пролетариата, но и действием „имманентных законов самого капиталистического общества“. Создается почва для фаталистических построений, с одной стороны, для веры в неизбежность данного исхода борьбы, какими путями она бы ни пошла, а с другой — получается повод для эволюционных построений, в которых сознательная воля подчиняется „железным законам исторической необходимости“. В результате вопрос о классовой борьбе не только не разрешается, но

¹⁾ Капитал, стр. 645.

²⁾ Fr. Engels. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Stuttg., 1894, стр. 294.

еще более запутывается. Если раньше затруднение было только в установлении грани, за которой экономическая борьба становится политической, то теперь ставится вопрос о борьбе вообще: следует ли понимать классовую борьбу, как борьбу в обычном смысле или она борьба в том своеобразном виде, в каком рисуют эволюцию, т. е. исторически-механическое развитие жизни, переход одних ее форм в другие. В этом вопросе, как известно, Каутский опять запутался, и так основательно, что ему пришлось дать свое собственное объяснение того, что он понимает под „пролетарской революцией“. Это, по его словам, „исторический процесс, продолжающийся более или менее долго, — процесс, который может затянуться на десятилетия“¹⁾. Какая же в таком случае разница между революцией и эволюцией?

Недоразумениям, вызываемым марксовской теорией классовой борьбы, не следует удивляться, ибо часто ее не умеют согласовывать с новейшими формами капиталистической жизни.

Картели и тресты уничтожают стихийную внутриклассовую буржуазную борьбу и создают почву для буржуазной борьбы весьма организованной. Отсюда получаются важные последствия. Становится возможным развитие и укрепление классового самосознания предпринимателей; связь с данным социально-экономическим укладом укрепляется, становится неразрывной не только формально, но и по существу. Она, эта связь, все более воспринимается предпринимателями сознательно и кладется в основание отныне уже классовой, т. е. общей, и такую признаваемой всеми предпринимателями, буржуазной тактики. Последняя получает тем более реальное значение, что творческим силам объединенного предпринимателя удастся до известной степени побороть „имманентный закон“ капиталистического общества, известный марксовский закон, по которому предприниматель обязательно должен подрезывать сук, на котором он сам сидит, должен собственными руками, хотя и бессознательно, разрушать капиталистическое общество. Кризисы, этот злой гений старого капитализма, превративший его собственных детей, предпринимателей, в злейших его врагов, не уничтожаются. Но они преобразовываются. Они не так уже пугают предпринимателей, перестают служить силой „экспроприации экспроприаторов“ экспроприаторами. Главное свое разрушительное действие они направляют против „экспроприруемых“. Поскольку вредные последствия кризисов сводятся почти к нулю для предпринимателей, постольку они еще более усиливаются для рабочих.

---

¹⁾ К. Kautsky. Die Sociale Revolution. II Am Tage nach der soc. Revolution, стр. 3.

2. Организация рабочих.

I.

Промышленные организации создали почву для классового объединения предпринимателей. Но потребовалось еще около четверти столетия, чтобы это объединение сделалось совершившимся фактом. Дело в том, что возможность классовой организации буржуазии пришла значительно ранее, чем она стала необходима. Раньше рабочие классы должны были провозгласить лозунг классовой борьбы. „Угнетенные“, во имя своей эмансипации, первыми должны были объявить войну данному укладу жизни. У буржуазии, как госпожи положения, могла появиться потребность противостать рабочим классам лишь тогда, когда для нее стало ясно, что социально-политическому status quo, а с ним и ее собственному благополучию, грозит опасность. Тем не менее может показаться безусловной отсталостью со стороны буржуазии, что только после полувекового роста рабочего движения она начинает выступать в виде организованной силы, в виде класса не только *de jure*, но и *de facto*.

Объясняется это не причинами, вытекавшими из особенностей исторического развития самой буржуазии, а обстановкой, в которой происходил рост самосознания рабочих классов. Вообще инициатива в установлении тех или иных отношений между трудом и капиталом, начиная со середины XIX столетия, целиком переходит к первому; буржуазия так или иначе только реагирует на его выступления. Если буржуазия не пошла дорогой полного внутреннего своего разложения и ослабления прежде, чем познать себя классом, органически связанным с данным социально-капиталистическим строем,—подобно феодальному обществу, убедившемуся, что теряет „первородство“, когда фактически оно успело уже уступить все серьезные позиции своему противнику,—то этим буржуазия не себе, не своей прозорливости обязана, а только рабочему классу. Последний оказался слишком экспансивным, слишком неспособным на замаскированные действия, чтобы идти к своей цели теми обходными путями, которые так легко, с такими ничтожными жертвами, вывели на арену истории буржуазию.

Гибель „старого порядка“ была не столько заслугой „третьего сословия“, сколько, если можно так выразиться, попустительством со стороны феодальных сословий, продававших и оптом и в розницу свое „первородство“, не понимая исторического смысла этого до тех пор, пока все права их и привилегии не превратились в пустой звук, пока у них не осталось почти ничего, кроме дворянского патента, который, впрочем, также скоро делается предметом купли и продажи. Когда дворянство увидело против себя гордую и могущественную буржуазию, выросшую из недр скромных бюргеров, постоянно пресмыкавшихся пред ним, толкавшихся в его прихожих вместе с рабами и лакеями,—его историческая роль была уже окончена, и не потому, что история стала двигаться новыми силами, а потому, что и старые силы были дворянством растеряны, ушли из его власти.

От аналогичной судьбы буржуазию спасло не ее собственное сознание, а активность, вызванная в ней открытыми выступлениями рабочих классов. Но выступления эти обратили на себя внимание буржуазии только в самом конце XIX столетия. Потому-то и организация работодателей для участия в классовой борьбе начинается лишь с этого времени. Таким образом, совершенно бесследно для буржуазии прошла не только революция 1848 года, не только чартистское движение, но, что особенно может показаться удивительным, она оставила без серьезной реакции с своей стороны даже Интернационал с его шумными и активными выступлениями, Парижскую Коммуну, да и все вызванное Интернационалом социалистическое движение, доходившее местами до форменных восстаний. Конечно, в те моменты, когда у буржуазии было всего более оснований для опасений, она, занятая внутриклассовой борьбой, не была еще подготовлена к общеклассовым организованным действиям. Вопрос, следовательно, не в том, почему ее классовая организация не явилась до 70-х годов в качестве орудия самозащиты и охраны status quo, а в том, почему так долго оставалась бесплодной почва, возделанная промышленными организациями, почему лишь с конца 90-х годов минувшего столетия начинается организация буржуазии для участия в классовой борьбе, когда промышленные организации начали свою историю на четверть столетия ранее.

Мы уже сказали, что объяснение этому лежит не в условиях существования буржуазии, а в обстановке, в которой происходило развитие рабочего движения. В революциях 1848 года, в чартистском движении, в самом Интернационале, даже в Парижской Коммуне — было достаточно социализма, было сознание классовой борьбы, но не было конкретного выражения самой классовой борьбы; было много идеологов, сделавшихся борцами, но не было той широкой народной волны, которая материализирует идейную борьбу, облекает ее в плоть и кровь и делает грозной силой истории.

II.

До сих пор не прекращается спор о взаимоотношениях, которые должны быть между социалистическим и рабочим движением, конкретно — между социалистическими партиями и рабочими союзами. „Мы все, — говорил покойный Либкнехт на партийтаге немецких социал-демократов в 1893 году, — мы все стоим за союзы, но мы против взгляда на них, как на главную цель; мы против веры в то, что могущество капитала одними ими может быть сломлено“. У капитала необходимо вырвать политическую власть, „а это возможно только путем политической борьбы“ ¹⁾. Еще решительнее ставил вопрос Бебель. Мы можем быть, — говорил он, — профессионально организованы как нельзя лучше, и все-таки, когда капитал всюду приобретет такое могущество, как у Круппа и Штумма, в Дортмундском союзе, в угольных и рудниковых округах Вестфалии и Рейнской провинции,

---

¹⁾ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitagcs des Sozialdemokrat. Partic Deutschlands. 1893, стр. 198.

рабочее движение потеряет значение; тогда поможет только политическая борьба. По вполне естественным и понятным причинам, у профессиональных союзов будут один за другим перерезываться все жизненные нервы ¹⁾. Таков взгляд на рабочее движение „ортодоксов“ немецкой социал-демократии и до сих пор. Они не признают в рабочем движении самоценности; они не видят возможности, чтобы оно приняло самостоятельное участие в классовой борьбе, и значение они ему придают постольку, поскольку рабочие союзы входят в состав социалистической партии, как один из составных ее элементов. Плюсом они признают не рабочее движение вообще, а социалистическое рабочее движение. Что касается рабочего движения, происходящего вне прямого воздействия социалистических партий, то ему они придают значение, лишь как подготовительной школе, поскольку оно захватывает рабочие элементы, которые еще не подчиняются непосредственному воздействию социализма ²⁾.

Не далеко от „ортодоксов“ уходят и немецкие „ревизионисты“. На партийном съезде в 1906 году Молькенбург проводил взгляд, что „партии и профессиональные союзы имеют вполне различные сферы деятельности в рабочем движении. Задача профессиональных союзов — улучшение положения рабочего класса в рамках современного общества. Партия должна в политической области добиваться всего, чего при помощи законодательства можно добиться, чтобы приблизиться к социализации общества“ ³⁾. Следовательно, тут политическая деятельность еще более считается делом партии, тут еще сильнее рабочее движение лишается определенного места в классовой борьбе.

Не трудно показать, что взгляд Молькенбурга не выдерживает столкновения с фактами. С одной стороны, не всегда социалистической партии удастся удержаться на высотах чистой политики. Часто, даже в собственных своих интересах, ей приходится врезываться в самую гущу борьбы союзов за временные, частные интересы труда. Примеров таких много. Ни одна более или менее крупная стачка не обходится без вмешательства даже центральных органов партии. Местные же ее органы не пропускают без внимания почти ни одного столкновения между трудом и капиталом, не говоря об индивидуальном участии в столкновениях рядовых социалистов, являющихся сравнительно более сознательными и стойкими рабочими. С другой стороны, редки уже в настоящее время профессиональные союзы, которые соблюдали бы полный нейтралитет в области политики. „Нет теперь ни одной крупной профессиональной организации, которая не была бы заинтересована в вотировании тех или других законов. Тред-юнионы, со времени учреждения Labour Representation Committee, имеют орган — парламентскую комиссию, — при посредстве которого они оказывают воздействие на законодательство. Французские рабочие синдикаты, несмотря на свое отрицательное в принципе отношение ко всему, что касается парламентаризма, постоянно озабочены мыслью о том, чтобы обеспечить принятие одних законов и, наоборот, воспрепятствовать принятию других... Немецкие професси-

¹⁾ Там же, стр. 201.

²⁾ Н. Herkner. Die Arbeiterfrage. 5te Auflage, Berlin, 1908, стр. 638.

³⁾ Protokoll, 1906, стр. 311.

ональные союзы считают одной из своих официальных задач улучшение рабочего законодательства, равно как американская федерация труда имеет свою собственную парламентскую программу" ¹⁾). Можно даже сказать, что политическая нейтральность профессиональных союзов вообще невозможна. Союзы могут быть нейтральны в отношении данных политических партий, но это еще не значит, что они политически нейтральны. Да и в отношении определенных партий нейтралитет союзов редко носит вполне выдержанный характер в обыкновенное время, а в период борьбы он заменяется либо прямыми соглашениями, либо, наоборот, активной враждебностью, в зависимости от того, как партия относится к действиям и интересам профессиональных союзов.

Но не верна и ортодоксальная точка зрения, которая не хочет знать никакого профессионального рабочего движения, не втиснутого в русло строгой партийности. Насколько она не отвечает интересам самих партий, показывают услуги, оказываемые профессиональными союзами социалистическим партиям во время выборов. Вероятно, при полной нейтральности профессиональных союзов нигде социализм не добился бы в парламентах той силы, которою он обладает теперь. Вот, например, соотношение между численностью социалистических партий с одной стороны, и профессиональных союзов—с другой, и количеством полученных социалистами на выборах голосов в разных государствах ²⁾:

	Членов в партии.	Получ. соц. голосов на выборах.	На 10 член. партии было поданных на выборах соц. голосов.	Число член. в рабочих союз. всех видов (в тысячах).	На 10 член. рабочих союзов было поданных на выборах соц. голос.
	тысяч				
Германия	722	4.250	59	2.688	13
Австрия	448	1.142	23	563	19
Бельгия	185	483	26	181	26
С.-Королевство	69	522	76	2.407	2
Франция	54	1.106	20	957	1
Италия	31	348	116	387	9
Дания	47	99	21	119	8
Норвегия	28	91	32	48	19
Нидерланды	10	82	82	145	6

Сравнивая третий столбец и пятый, мы видим, что если число полученных социалистами на выборах голосов не находится в прямом соотношении ни с численностью социалистических партий ни с размерами рабочих организаций, то все-таки зависимость от последних представляется гораздо более вероятной, чем от первой. Какой вывод можно сделать из того, что социалисты получили на выборах голосов во много раз больше, чем имеется членов в их партиях?

¹⁾ Propositions et projets de resolutions présentés en congrès social. intern. de Stuttgart, 1907, стр. 262.

²⁾ Данные относятся к 1909 и 1910 годам.

Между тем из сопоставления с профессиональными союзами можно вывести, что хотя в некоторых случаях часть голосов организованных рабочих пропадает для социалистов, но в общем они образуют для них значительные избирательные кадры. В большинстве государств решающая роль организованных рабочих на выборах очевидна. Так, например, в Австрии сумма партийных членов и организованных рабочих дает почти все число поданных за социалистов голосов; почти то же мы видим в Германии, Бельгии, Италии, Норвегии. А ведь в число организованных рабочих мы включили не только членов централизованных союзов, большею частью настроенных социалистически, но и всяких других союзов: либеральных, клерикальных и т. д.

Как объясняются столь важные услуги, оказываемые на выборах социализму со стороны организаций, во всяком случае стоящих самостоятельно от социалистических партий? Скажут: все это услуги *Mitläufer*'ов и, вероятно, не только из рядов организованных рабочих. Но какой отсюда следует вывод? Какого бы ни было количество *Mitläufer*'ов не из рядов рабочих, оно тонет, несомненно, в массе рабочих голосов вообще, и голосов организованных рабочих — в особенности. Против этого не станет спорить ни один человек, знакомый с составом избирателей социалистических округов. Что же касается того, что это только *Mitläufer*'ы, то социалистические партии представляют собою слишком резкие индивидуальности, чтобы можно было себе представить голосование за них в больших размерах без сочувствия их идеям и деятельности.

Вся теория капиталистической эволюции Маркса, в которой социализм видит залог неминувости своей победы, построена на презумпции, что рабочий — прирожденный, так сказать, социалист. И, действительно, если противоположность интересов труда и капитала в самом деле органически непримирима; если никакие реформы в рамках капиталистического общества не в состоянии создать гармонию в отношениях между предпринимателями и рабочими; словом, если признать основные положения научного социализма, — то мы обязательно придем к выводу, что, каковы бы ни были ближайшие шаги социалистических партий и рабочих союзов, вне спора стоит их духовная близость в настоящем, однородность их конечных целей и солидарность их действий в периоды острых столкновений с капиталистическим обществом. Либо социализм не имеет тех глубоких корней, открытие которых Маркс считал своей научной заслугой, либо рабочие различаются в своих отношениях к социализму только временно и более по видимости, чем по существу. Рабочие могут быть и членами социалистической партии и входить в профессиональные рабочие союзы, могут примыкать к желтым, либеральным, клерикальным союзам, но, в какую бы сторону ни уклонился рабочий, это не предрешает его конечной судьбы: эта судьба предопределяется тем, что только социализм обещает рабочему классу полное торжество; всякое другое общественно-политическое течение дальше облегчения капиталистического *status quo* не идет.

Поэтому-то Маркс придавал большое значение союзам вообще. „В союзах“, — писал он в 1869 году в частном письме, — „из рабочих вырабатываются социалисты, так как в союзах постоянно идет на их глазах борьба с капиталом. Все политические партии, безразлично какого направления, воодушевляют рабочую массу только на время; только профессиональные союзы связывают ее надолго, следовательно, только союзы могут представить собой действительно рабочую партию и противопоставить силу могуществу капитала“. Другими словами, Маркс не может себе представить, чтобы рабочий, близко, через участие в профессиональном союзе, стоящий к борьбе с предпринимателями, мог не сделаться социалистом. Тут-то и кроется вся особенность мирозерцания Маркса и его понимания эволюции капитализма.

Что рабочие организации ценны для социализма, независимо от существующих между ними формальных отношений, точно так же, как социализм имеет самостоятельную ценность для рабочего движения, какими путями оно бы ни шло, — это доказывает вся новейшая история социализма и профессиональных союзов. Все равно, предшествует ли социалистическое движение рабочему или, наоборот, рабочее движение предшествует социалистическому, — оба они вырастают в серьезную силу, когда развиваются одновременно, безразлично, сливаются ли они при этом вместе, состоят ли в союзных между собою отношениях или даже просто существуют рядом друг около друга¹⁾.

III.

До середины XIX столетия рабочее движение²⁾, кроме Англии, почти что отсутствовало. В Австрии его начало относится к 70-м годам прошлого столетия. В Италии Мадзиниевские рабочие организации, учрежденные в 1848 году и насчитывавшие в 1863 году около 112 тысяч членов, имели не социально-классовой, а чисто политический характер. Рабочее движение в новейшем смысле началось здесь с 1871 года, и только с середины 70-х годов оно приобретает некоторое значение. В Голландии зачатки рабочего движения относятся к первым годам XIX столетия, но то были разрозненные и малоуспешные попытки, проходившие почти незаметно до конца 60-х годов. В Норвегии впервые рабочее движение отмечается с 1849 года. Скоро, однако, оно замирает и возобновляется опять только с 1864 года. С конца 50-х годов рабочее движение появляется в Швейцарии, но

---

¹⁾ О фактических взаимоотношениях между социалистическими партиями и профессиональными союзами собраны были сведения Штуттгартским Конгрессом. При этом оказалось, что в Англии связь между ними всего слабее; в Германии, Голландии, Чехии и Испании нет официальной связи, но существует близкое сотрудничество; почти объединены те и другие в Бельгии, Норвегии и Болгарии; в Австро-Венгрии все рабочее движение образует лишь отрасль социалистического.

²⁾ Данные о рабочем движении, кроме источников об отдельных государствах, которые будут указаны особо, — взяты из следующих работ: Э. Магайм. Профессиональные рабочие союзы (рус. пер.), СПб., 1895 г. В. Кулеман. Профессиональное движение (рус. пер.), СПб., 1901. Отчеты к интернациональным конгрессам социалистов. Internationale Berichte über die Gewerkschaftsbewegung.

становится здесь заметной силой лишь во вторую половину 60-х годов.

Бельгия, в которой развитие профессиональных рабочих союзов и кооперативов происходит теперь совместно, получила первую профессиональную организацию в 1842 году, когда учредился „Союз типографских рабочих“. Около того же времени началось здесь и кооперативное движение, которое, сделав заметные успехи в первые годы, к 70-м годам сокращается до того, что остаются 3 кооператива, влачивших жалкое существование¹⁾. Что касается профессиональных союзов, то, количественно совершенно ничтожные, они вполне примитивно смотрели и на свою задачу, которая сводилась к представлению ходатайств и просьб хозяевам. Так, старейший в Бельгии союз типографских рабочих обратился в 1857 году к хозяевам „с очень почтительным письменным заявлением“, прося увеличить заработную плату. Просьба до того оказалась „заслуживающей внимания“ даже в глазах хозяев, что все они, за исключением одного, охотно удовлетворили ее и, кроме того, оказали рабочим содействие, чтобы склонить на согласие и единственного „протестанта“²⁾. Лишь с 1860 года рабочее движение в Бельгии приобретает более или менее серьезный вид, хотя первый бельгийский союз рабочих организаций, Федерация Гентских Рабочих, скоро распадается; точно так же недолговечной оказывается бельгийская секция „Международного общества рабочих“, под видом которой объединились наиболее сильные бельгийские рабочие союзы. Только с конца 70-х годов рабочее движение упрощается окончательно, с учреждением Бельгийской рабочей партии³⁾.

Еще хуже дело обстояло во Франции. До 1831 года здесь не могло быть и речи о рабочем движении. Даже знаменитое лионское восстание, называемое многими выступлением пролетариата, в самом деле „было не восстанием класса, а людей, измученных голодом и безработицей“⁴⁾. Тайные общества, которыми усеяна была Франция в первую половину XIX столетия, были густо окрашены в социалистический цвет, но их рабочий характер был крайне слаб; это были гораздо более буржуазно-оппозиционные организации, чем рабочие. Даже после революции 1848 года, которая должна была окончательно рассеять все иллюзии рабочих, они в течение всего ближайшего десятилетия не выказывали „никаких признаков организации и дисциплины“. Ни июньская катастрофа ни последовавшие за нею события не научили рабочий класс „разбираться в ходе событий“⁵⁾. Профессиональных союзов рабочих во Франции долгое время совсем не было. С 30-х годов их заменяли общества взаимопомощи, собравшие у себя к 1852 г. до 250 тыс. членов. Смешанные по составу и полублаготворительные по задачам, общества эти, за небольшими исключениями стояли в стороне от вопросов труда. Рабочее движение в истинном смысле началось лишь с 1862 года. Но, количественно сла-

¹⁾ Вандервельде и Дестре. Социализм в Бельгии (рус. пер.). СПб, 1906, стр. 30.

²⁾ Вандервельде. Положение рабочих классов в Бельгии. Стр. 33.

³⁾ Там же, стр. 36—37 и 39.

⁴⁾ Поль Луи. История социализма во Франции. М. 1906, стр. 125.

⁵⁾ Там же, стр. 282.

бое, оно не отличалось и качеством своим. До какой степени оно было малосознательно, показывает знаменитый „манифест шестидесяти“, формулировавший задачу рабочих, как они сами ее понимают, в виде требования „не отмены прав, которыми справедливо пользуются средние классы, а завоевания такой же свободы действия“ (для рабочих)¹⁾. Коммуна разрушила и худосочные зачатки рабочего движения, которое вовсе заглохло на несколько лет, чтобы вступить в фазис быстрого и безостановочного развития со середины 70-х годов.

Германия, так далеко ушедшая по пути организации труда в последние десятилетия, представляла жалкую в этом отношении картину в 60-х годах. Организация рабочих здесь происходила в двух направлениях. Шульце-Делич устраивал разного рода кооперативы, а Национальный Союз учреждал просветительные рабочие союзы. Но, если в 1863 году шульцевских организаций значилось около 800, то в 1864 году их насчитывалось уже только 96, а сведения о себе доставили лишь 38 с 7079 членами. Не многим дальше ушли просветительные союзы, которых в 1863 году числилось всего 104. При таких условиях учредился в 1863 году знаменитый Всеобщий Германский Рабочий Союз, поставивший себе задачей „добиваться установления всеобщего, равного и прямого избирательного права, как единственного средства, способного дать достаточное представительство социальных интересов германского рабочего сословия и действительно устранить классовые противоречия в обществе“²⁾. В 1864 году во всем союзе было 4.610 членов. В момент же смерти Лассалья союз имел свои отделения в 50 городах, но во многих городах отделения числились только на бумаге, а в большинстве других отделений число членов немногим превышало одну сотню. Эйзенахский конгресс 1869 года, который был поворотным моментом в истории рабочего движения Германии, состоял из 372 делегатов трех крупных организаций: Всеобщего Германского Рабочего Союза, Союза Профессиональных Рабочих Союзов и Федерации Немецких Рабочих Ферейнов. Все эти организации показали у себя число членов в общем итоге 364 тыс. человек. Но цифра эта была преувеличена „раз в 8—10“³⁾.

Таким образом, до 70-х годов прошлого столетия на европейском континенте о рабочем движении нельзя было серьезно говорить. Другое было в Англии. Здесь уже первые годы XIX века застают сильные союзы. Так, из существующих до сих пор тред-юнионов около 48 были основаны „ранее 1825 года“, из чего „можно заключить, что в то время их было гораздо больше“⁴⁾. И в самом деле, рабочее движение должно было быть сильно в Англии первой четверти XIX столетия, если с 1829 года начинается уже объединение союзов между собою⁵⁾. Из попыток этого рода заслуживает внимания учредившийся в 1834 г. Grand National Consolidated Trades Union, в ко-

¹⁾ Там же, стр. 285.

²⁾ Ф. Меринг. История германской социал-демократии (рус. пер.). Т. III, стр. 83.

³⁾ Там же, стр. 384.

⁴⁾ Г. Ностиц. Рабочий класс Англии в XIX столетии (рус. пер.). М. 1902, стр. 244.

⁵⁾ С. и Б. Уэбб. История рабочего движения в Англии (рус. пер.). СПб, 1899, стр. 96.

торый вступило около полумиллиона членов ¹⁾. Подробные сведения о размерах рабочих организаций Англии начинаются со времени конгрессов тред-юнионов. Первый конгресс был создан в 1866 году, и в нем участвовали представители свыше 100 тыс. организованных рабочих. Но сюда не вошли все тред-юнионы, что видно из того, что конгресс 1873 г. имел уже делегатов от 509 тыс. организованных рабочих, а конгресс 1874 г. — даже от 982 тыс. ²⁾.

Было бы, однако, ошибочно думать, что рабочее движение Англии за рассматриваемое время имело какое-либо отношение к новейшему рабочему движению с его социально-классовыми тенденциями. Маркс, конечно, имел основание охарактеризовать английский тред-юнионизм, как движение политическое ³⁾. Но это не была та политика, которая кладет в основание понимание особенностей социального положения рабочих, вообще, и, в частности, классовой борьбы, как основного мотива в отношениях между трудом и капиталом. Наоборот, вся тактика тред-юнионов строилась на убеждении, что классовая гармония возможна и достижение ее представляет основную задачу рабочих организаций.

Так, в 1842 году союз каменотесов обращался к своим членам с убеждением избегать стачек, как „избегают дикого зверя, о котором вы знаете, что он убьет вас“. Наилучше поставленный союз типографских рабочих возмущался предъявляемыми рабочими требованиями, превышающими то, что „соответствует характеру их занятий и что могут платить им предприниматели“. Другой большой союз, литейщиков, обращался к своим членам с такой сентенцией: „Как часто можно было бы предотвратить столкновение несколькими во-время предпринимателю сказанными словами! Наверно, нет ничего позорного в разъяснении предпринимателю характера и размера вашего недовольства“ ⁴⁾. Общее настроение английских тред-юнионов видно из резолюции, вынесенной их лондонским съездом в 1845 г. Съезд выразил „свое глубокое убеждение в важности и благодетельности доброго согласия между предпринимателями и рабочими: интересы тех и других носят характер взаимности, и несправедливость, причиненная одним другому, падает в конце концов своей тяжестью на причинившего ее“. Самый съезд созывался, чтобы содействовать „дружескому соглашению с фабрикантами“ ⁵⁾. Наконец, и в уставах многих тред-юнионов, как наследие „доброе“ старого времени, сохранилось „миролюбивое настроение. Многие ясно высказывают желание жить с работодателями в добром согласии... Многие союзы настаивают на том, чтобы взятые на себя по отношению к работодателям обязательства исполнялись честно, и наказывают за нарушение договора... Некоторые союзы... прямо воспрещают членам хвастаться их независимостью или силой их союза и наказывают за такое хвастовство так же, как за неприличное поведение по отношению к работодателям“ ⁶⁾.

¹⁾ Г. Ностиц. Уп. соч., стр. 244.

²⁾ Thirteenth abstract of labour Statistics, стр. 181.

³⁾ К. Маркс. Das Elernd der Philosophie, стр. 161.

⁴⁾ Уэбб. Уп. соч., стр. 138.

⁵⁾ Там же, стр. 130.

⁶⁾ Ностиц. Уп. соч., стр. 263—4.

При таких отношениях тред-юнионов к предпринимателям, не удивительно, что в первые десятилетия XIX века, когда тред-юнионы вели полулегальное существование, предприниматели сами их прикрывали, так что поднимался даже вопрос об установлении штрафа, «если бы фабрикант посоветовал рабочим вступить в союз» ¹⁾. Не мало предприниматели содействовали союзам и в последующее время.

Сопоставление только что обрисованной нами картины рабочего движения до 70-х годов прошлого столетия с состоянием капиталистической промышленности в соответственное время вскрывает причинную связь между обоими явлениями. Если европейский континент только со второй половины XIX столетия вступает в сферу капиталистических отношений, то результат последних лишь в следующие десятилетия должен был сказаться в организации рабочих классов под знаменем борьбы с капиталом. Точно так же английские тред-юнионы не могли вместе с предпринимателями не верить возможности мирного сожительства труда и капитала, пока Англия своим монопольным господством на всемирных рынках открывала для своей капиталистической промышленности почти безграничные рамки развития, заглушавшие и внутриклассовые распри, как следствие свободной конкуренций, и распри междуклассовые.

Когда Маркс писал в 1848 г. о классовой борьбе и призывал во имя ее к объединению „пролетариев всех стран“, он не существовавший „порядок“ констатировал, а заглядывал в будущее, то будущее, которое уже надвигалось. В 70-х годах оно наступило и поставило пред капиталистом дилемму устранения внутриклассовой борьбы буржуазии, путем организации промышленности в форме картелей, трестов и т. д., а пред рабочими выдвинуло настоятельно необходимую, самые корни их существования затрагивающую, задачу—организации труда.

То обстоятельство, что в то время, когда рабочие занялись своей классовой организацией, внимание предпринимателей было отвлечено в другую сторону, необходимо признать одним из факторов, благоприятствовавших рабочему движению. Хотя, несомненно, буржуазия, упоенная своей победой над „старым порядком“, и вообще мало способна была понять, какая сила против нее вырастает в профессиональных рабочих союзах, подстерегаемых социализмом, который успел уже получить, с одной стороны, стройную теоретическую обработку в трудах Маркса и Энгельса, а с другой—широкий и громкий опыт в Интернационале. Буржуазия могла понять смысл событий лишь тогда, когда они вполне развернулись. И она поняла его уже в конце XIX века, увидев пред собою вполне организованную, стоящую в боевой готовности, вооруженную классовым самосознанием армию труда.

IV.

История рабочего движения последней четверти XIX столетия представляет замечательную картину быстрого роста организации труда во всех странах и непрерывного ее распространения на новые госу-

---

¹⁾ Уэбб. Ул. соч., стр. 96.

дарства. В Англии, как мы уже видели, 70-ые годы застают почти миллионную армию организованного труда. Чрез полтора десятилетия, в 1890 г., ливерпульский конгресс тред-юнионов состоял уже из 454 делегатов, представлявших собою 1.593 тыс. организованных рабочих¹⁾. За 15 лет, следовательно, организованная рабочая армия Англии увеличилась более, чем на 600 тыс. человек. За новейшее время мы имеем уже сведения о численности самих тред-юнионов. В 1898 г. насчитывалось 1287 союзов с 1.689 тыс. членов, а в 1900 г., хотя число союзов сократилось до 1271, число их членов достигло 1.956 тыс. человек²⁾.

В Германии до 1882 года существовали два рода рабочих организаций: свободные профессиональные союзы и гирш-дункеровские. В 1878 году в первых насчитывалось около 50 тыс. человек, а во вторых—около 16½ тыс. Чрез 12 лет организованных рабочих в Германии уже было: в свободных союзах 320.213, в гирш-дункеровских 62.643, в христианско-социалистических около 28 тыс. и в католических около 100 тысяч; всего около 511 тыс., или почти в 8 раз более, чем в 1878 г. Наконец, в 1900 г. число членов свободных союзов превысило 600 тыс. чел., численность гирш-дункеровских организаций была около 92 тыс. и около 300 тыс. чел. числилось в христианско-социалистических и католических союзах; вся организованная масса составила, таким образом, 1.072 тыс. человек.

Историческое время профессионального рабочего движения во Франции начинается с конгресса 1876 г., в котором участвовали 101 профессиональный союз и 46 местных организаций, показавших в целом сказочное, во много раз преувеличенное, число членов—около 1 мил. человек. Накануне издания ныне действующего закона о синдикатах, открывшего им возможность легального существования, насчитывалось в Париже около 50 тысяч организованных рабочих по официальным данным, а фактически их было не более 13—15 тысяч. В других городах, даже таких, как Лион, Марсель, Бордо, число организованных рабочих не доходило до тысячи. Всего же в провинции считалось в рабочих синдикатах до 6 тыс. членов. О движении членов в рабочих синдикатах за первые пять с половиной лет действия закона о синдикатах,—от 1-го июля 1884 г., когда закон вступил в силу, по 1889 год,—не имеется данных. Что касается 1890 г., то тогда было зарегистрировано 1006 рабочих синдикатов с 140 тыс. членов. Цифра эта была, несомненно, ниже действительности. Но как бы ее ни увеличить, все-таки придется признать, что громадный успех сделало рабочее движение за следующее десятилетие, в конце которого, в 1900-м году, число рабочих синдикатов поднялось до 2685, а число организованных в них рабочих—до 493 тысяч³⁾.

Статистика рабочих организаций в Бельгии за интересующее нас время не разработана. Имеется предположительный подсчет для 1892 года, определяющий число организованных рабочих в 60—70 тысяч, и такой же предположительный подсчет для 1902 года, дающий 110 тысяч организованных рабочих⁴⁾.

¹⁾ Thirteenth abstract, стр. 181.

²⁾ Там же, стр. 157.

³⁾ Annuaire statistique, 1907, стр. 41*.

⁴⁾ Вандервельде. Уп. соч., стр. 82—84.

В высшей степени колеблющееся движение рабочих организаций дает Испания. Но если взять цифры крайних моментов, то и тут мы увидим значительное нарастание организованного труда. Union General de Trabajadores, федерация испанских рабочих союзов, состоял в 1890 г. из 36 секций с 3896 членами; в мае 1895 г. секций было 79 и членов 6276; в сентябре же 1900 г. число секций увеличилось до 126, а число членов—до 26.088. Но и последняя цифра не охватывала всей массы организованных рабочих Испании к началу XX столетия. Значительные организации стояли вне федерации, о чем можно судить по тому факту, который иначе был бы необъясним, что в следующие годы число членов Union'a поднимается до 50 и более тысяч рабочих, чтобы затем опять опуститься до 40 и менее тысяч. Анархистский в значительной степени характер рабочего движения Испании влияет, очевидно, на степень устойчивости испанских профессиональных рабочих союзов вообще, и на численный объем их центрального органа, в особенности.

Нам приходится ограничиться приведенными данными для характеристики количественного роста организованного труда в Европе за последние десятилетия XIX века, так как о положении его в остальных государствах не имеется сведений, на которых стоило бы остановиться. Но и по приведенным примерам легко судить о темпе, в котором шло развитие рабочих организаций в разных странах.

Итог успехам, достигнутым рабочими организациями во всем мире, мы подведем ниже в особой таблице. Пока же скажем несколько слов о развитии организаций труда в Америке. До 70-х годов прошлого столетия в С. Штатах С. А. не было значительного рабочего движения. Первая его серьезная стадия связана с учреждением в 1869 г. знаменитой до середины 80-х годов организации Knights of Labor (Рыцарей Труда). Место последней заняла в 1886 г. American Federation of Labor, существующая до сих пор, как объединяющий все профессиональные союзы С. Штатов орган. В 1892 г. насчитывалось 205 тыс. человек, еще державшихся тогда около Knights of Labor, 305 тыс. членов объединенных в American Federation союзов, и 372 тыс. членов необъединенных союзов. Но в виду того, что одни и те же рабочие значились в списках разных организаций, то общее число организованных рабочих определялось около 825 тыс., каковое число к 1900 г. выросло до 1½ миллиона человек, по меньшей мере.

Общая картина рабочего движения в последнее десятилетие XIX века обрисовывается следующей таблицей:

	Число организованных рабочих в тыс.		Ежегодный прирост в процентах
	1890	1900	
Англия	1.593	1.956	2,3
Германия	511	680	3,4
Франция	140	493	25,2
Бельгия	60—70	110	7,0
Австрия	45	119	16,4
Венгрия	—	10	—
Голландия	?	46	—
Италия	?	ок. 500	—

	Число организованных рабочих в тыс.		Ежегодный прирост в процентах
	1890	1900	
Испания	4	26	55,0
Швеция	?	67	—
Дания	28 ¹⁾	77	29,1
Норвегия	1,6	ок. 10	52,5
Финляндия	—	ок. 8	—
С. Штаты	825	ок. 1.500	8,2
Австралия	?	ок. 250	—
Балкан. госуд.	—	ок. 4	—

Максимальная цифра организованных рабочих во всем мире в 1890 году, вероятно, не превышала 3 1/2 мил. человек, между тем как в 1900 году она была не ниже 6 мил. Этот быстрый рост захватывал собою все государства, за исключением Англии и Германии, которые далеко ушли по пути организации труда и до 1890 г.

Но не малое значение, кроме количественного успеха, имели качественные изменения в рабочем движении последних десятилетий XIX века. Нечего говорить о положении, занятом рабочим движением в таких странах, как Австрия, Венгрия, Финляндия, где оно тесно сплетается с движением социалистическим, или как Бельгия, Норвегия, Болгария, Дания, Швеция, где оба движения протекают в большой близости друг к другу, или в Испании, Италии, частью Франции, рабочее движение которых не выходит все время из скрещивающихся влияний социалистического движения, с одной стороны, и анархистского, с другой, или, наконец, как Германия и Голландия, где социалистическое движение пользуется громадным авторитетом в рядах профессиональных союзов, хотя формальной связи между обоими течениями не имеется. Но в высшей степени знаменательна эволюция, пережитая в последнюю четверть XIX ст. рабочим движением в Англии, где оно всегда отличалось наибольшей самостоятельностью и независимостью от социалистических учений.

„Вплоть до 1885 года“, говорят авторы истории английских тред-юнионов, либерализм „был несомненно убеждением массы тред-юнионистов“. С этого года начинается перелом в их настроении. Сначала он отмечается заявлениями крайне наивного недоумения, доказывающего, как чужды были в то время рабочие родины Роберта Оуэна даже азбуке социалистической мысли, получившей такое широкое распространение на европейском континенте. В годичном отчете союза строителей паровых котлов за 1886 г., после сопоставления бедствий рабочих с прогрессом роскоши в состоятельных классах, отмечается с наивной простотой, что „рабочий не может не прийти к заключению, что что-то дурно в системе, приводящей к столь неравномерному распределению богатств, созданных трудом“. Секретарь другого союза удивляется в очередном отчете, „почему, например, лорд Дедлей наследует угольные копи и земли, дающие ему ежедневный доход в тысячу фунтов, тогда как его углекопы изнуряют себя работой целую неделю и не в состоянии обеспечить себе удовлетворения пропитания?“ Все эти недоумения должны были привести к заключению, ко-

¹⁾ 1894 г.

торое формулировали представители ланкаширских хлопчато-бумажных рабочих на парижском международном рабочем конгрессе в 1887 г. Английские рабочие, сказали они, „уяснили себе, по крайней мере, одно: они поняли, что действительные производители не получают принадлежащей им доли в созданном ими богатстве“¹⁾. Это замечание должно было быть похоронной песней либерализма английского рабочего.

II, действительно, с этого времени тред-юнионистские конгрессы начинают принимать одни социалистические резолюции за другими, а собрания конгрессов становятся ареной жестокой борьбы между староверами и новыми течениями. Впервые *old and new trade-unionism* встречаются между собою, как два непримиримых врага, на конгрессе 1889 г. Только властью председателя был снят с очереди вопрос о национализации всех орудий производства. Когда же вопрос дождался своей очереди на конгрессе 1892 года, он был отвергнут только незначительным большинством голосов. Зато в 1893 г. он был принят незначительным большинством голосов, а в 1894 г. он собрал уже огромное большинство. При этом сделан был „дерзкий шаг“—прямо подчеркнули, что речь идет не о чем ином, как о пугале старых тред-юнионистов,—социализме. Таким образом, создавалась почва для агитации антисоциалистов, дававшей некоторые результаты, пока в 1898 г. конгресс не возобновил постановления 1894 г., за которое теперь уже оказалось около 700 тыс. голосов против 400 тыс.²⁾.

V.

Нужно иметь в виду все сказанное об истории рабочего движения в последнюю четверть XIX столетия, чтобы понять победу, одержанную в это время социализмом во всем мире. Не было у социализма указанной эпохи того шумного, импонировавшего одним своим именем центра, как Интернационал. Не было тех громадных интеллектуальных сил, которые имелись в обилии у последнего. Не было и революционного настроения 50 и 60-х годов. И все-таки никогда социализм не сделал таких успехов, а главное—не пустил таких прочных корней, как в два последних десятилетия прошлого века. И это потому, что только теперь он нашел крепкий фундамент для себя, получил почву, жадно подхватывающую бросаемые социализмом зерна³⁾.

В либеральной Англии, где после ликвидации чартизма о социализме долгое время никто не говорил серьезно, в 1880 году учре-

¹⁾ Уэбб, уп. соч., стр. 277—278.

²⁾ Ностиц, уп. соч., стр. 247—248.

³⁾ Источниками для социалистического движения разных стран послужили: упомянутые выше отчеты, составленные к интернациональным социалистическим конгрессам 1904 и 1907 гг.; Н. Herkner. *Die Arbeiterfrage Eine Einführung*. 5-te Aufgabe. Berlin, 1908; W. Sombart. *Sozialismus und soziale Bewegung*. 6-te Aufgabe, 1908; *The Reformers' Year-book*, 1909. Кроме того, для отдельных государств: Ностиц, уп. соч.; Поль Луи. *История социализма во Франции*; A. Zévaès. *Le socialisme en France*. Paris, 1908; F. Mering. *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie*. Stuttgart, 1908, 2-й Teil; М. Хилквит. *История социализма в С.-Штатах*. СПб., 1907.

ждается Демократическая Федерация, которая в 1884 году переименовывается в Социал-демократическую Федерацию. В том же 1884 году рядом с последней стало действовать фабианское Общество. Затем, с 1892 года выступает Независимая Рабочая Партия (The independent labour party) со своим лозунгом „обобществления всех средств производства, распределения и обмена“. В этих трех руслах протекало социалистическое движение Англии, расширяясь и углубляясь, пока в 1900 г. не появился объединивший их Labour Representation Committee, ячейка будущей Рабочей Партии, сразу собравший вокруг себя 375 тыс. чел.: 353 тыс. тред-юнионистов и 23 тыс. социалистов разных категорий. Но еще до учреждения L. Repr. Committee начинается активная работа социализма в Англии, выразившаяся, между прочим, в том, что было завоевано много мест в общинных советах; затем впервые социалист был проведен в парламент—Кейр-Гарди в 1892 г., хотя он продержался там только до 1895 года. Зато Рабочей Партии в первый же год своего образования удалось провести в парламент 2 своих кандидатов, собрав для них 70 тыс. голосов.

Около 80-х годов начинается история новейшего социализма и во Франции. На Марсельском рабочем конгрессе 1879 года 73 голоса против 28 высказалось за коллективизм. Социалистическая мысль, очевидно, работала сильно. Но сформированию социалистической партии мешали дразги между разными социалистическими течениями. Лишь на конгрессе 1880 года чистым социалистам удастся обособиться от республиканцев с социалистической окраской. Во главе первых становятся Гед и Лафарг, учредившие Французскую Рабочую Партию. На конгрессе 1881 г. выделяются из партии анархисты, а в 1882 г. чистые социалисты раскалываются на марксистов и POSSИБИЛИСТОВ. Со середины 80-х годов на сцену выступают независимые социалисты с Жоресом во главе. В это же время начинают формироваться синдикалисты, группирующиеся около бирж труда и получающие в 1892 г. свой центр в Национальной Федерации бирж труда. Кое-где дают еще себя знать и бланкисты, руководимые Валльяном. Эта раздробленность сил сильно вредила движению. Тем не менее, уже с 80-х годов социалисты открывают для себя двери органов местного самоуправления и парламента. В палате депутатов в 1889 г. было 7 социалистов, в 1893-м же году—уже 43. В 1887 г. 11 социалистов появилось в парижском муниципалитете, а в 1890 г. к ним прибавилось еще 5. В провинции появляются даже чисто социалистические муниципалитеты. Все-таки вред от раздробленности продолжает ощущаться, и с конца 90-х годов усиливается агитация за объединение всех социалистических фракций, окончившаяся образованием в 1899 году Французской Социалистической Партии. Хотя этим задача объединения еще не была разрешена, так как в следующем же году рядом с Французской Социалистической Партией оказалась Социалистическая Партия Франции, и между обеими организациями пошла оживленная борьба, которая окончилась уже в середине первого десятилетия XX-го века,—но прежней распыленности социалистических сил уже не было.

Первые попытки организации социалистической партии в Бельгии относятся к 1875 г. Сначала образуются две областные органи-

зации: Фламандская Рабочая Социалистическая Партия и Брабантская Социалистическая Партия, которые в 1879 г. объединяются, а с 1885 г. приобретают название, сохраняющееся до сих пор,—Бельгийской Рабочей Партии. Опираясь на профессиональные рабочие союзы и кооперативы, партия развивает выдающуюся деятельность. К XX ст. она имеет 34 депутатов в парламенте и 4 сенаторов. Кроме того, партия располагает 600 местами в коммунальном и 70 местами в провинциальном самоуправлении. Наконец, 24 политических и 32 профессиональных периодических органа распространяют идеи партии.

Значительно позже Бельгии социализм пускает корни в Голландии. Социал-демократическая партия здесь основалась лишь в 1894 г. В 1899 г. она имела всего 2½ тысячи членов, но в 1900 г.—уже более 4 тысяч. Гораздо быстрее росло влияние партии. Через 3 года после своего основания ей удалось провести в нижнюю палату Генеральных Штатов 4 депутатов, собравших на выборах 13 тыс. голосов. На следующих выборах было избрано уже 8 социалистов, в том числе 1 беспартийный, а число поданных за партийных кандидатов голосов достигло 40 тыс.

В Италии новейший социализм выступил в начале 80-х годов в тех же двух течениях, в которых он протекает до сих пор—как анархо-коммунизм и чистый социализм. Последний пользовался столь широким влиянием, что уже в 1882 г. ему удалось собрать на выборах в парламент более 49 тыс. голосов и провести двух своих депутатов. В 1884 г. образовалась Итальянская Социал-Революционная Партия, к которой примкнуло 40 тыс. организованных рабочих. На выборах 1886 г. за партию было подано 22 тыс. голосов, и это было лебединой ее песнью. В том же году партия была разгромлена правительством. С этих пор в социалистическом движении Италии вообще наступает период разброда, продолжающийся до объединения итальянских социалистов в Социалистическую Партию Итальянских Рабочих.

Число членов партии в 1896 г. определялось в 19 тыс. человек. Через шесть лет цифра эта увеличилась более, чем в два раза, поднявшись до 38 тыс. Быстрее росло число голосов, подававшихся за партию на выборах. После 26 тысяч голосов, поданных за партию в 1892 г., в 1895 г. она получила 76 тыс. голосов, в 1897 г.—135 тыс. и в 1900 г.—175 тыс. В соответствии с этим росло и число социалистических депутатов: 6—в 1892 г., 10—в 1895, 16—в 1897 и 32—в 1900 г. К XX ст. Италия имела 100 социалистов в муниципалитетах. Социалистическая печать ее состояла из 69 политических и 23 профессиональных периодических изданий.

С мало развитым социализмом вступила в XX столетие Испания. Ее Рабочая Партия имела всего 8 тыс. членов. Но с нею тесно связана федерация рабочих союзов с 15 тыс. членов. Не имея своих представителей в парламенте, партия успела завоевать 502 места в коммунальном и 50 мест в муниципальном самоуправлении. Периодическая ее печать состояла из 12 изданий.

Из скандинавских государств впервые социалистические организации появляются в Дании, в 70-х годах. Но наиболее быстрые успехи социализм делает в Швеции, где в 1889 г. партия уже состояла из

45 тыс. членов, при 20 тыс. в Дании и 10 тыс. в Норвегии. В парламентской жизни к XX-му столетию участвовала одна Дания, имевшая 14 социалистов в парламенте и 1-го в сенате. Дания шла также впереди своих соседок и по представительству социалистов в местном самоуправлении. Она имела там 400 социалистов, при 20 в Швеции и 17 в Норвегии. Социалистическая печать Дании состояла из 24 общеполитических и 32 профессиональных изданий; в Швеции первых было 13 и вторых 20; в Норвегии — 6 и 11. В Финляндии Рабочая Партия организовалась в 1899 г. и, достигши к концу 1900 г. 7 тыс. членов, переименовалась в 1901 г. в Социал-демократическую партию.

Долгое время не налаживалось социалистическое движение в Австрии. Борьба между фракциями, а затем с анархизмом не давала ему развиваться. Но с конца 80-х годов все течения объединились в Социал-демократическую Рабочую Партию. С этого времени социализм заметно развивается в Австрии, хотя не мало сил ему приходится тратить, чтобы улаживать недоразумения, которые вызываются на каждом шагу национальными распрями. С другой стороны, крайне нелепая избирательная система долгое время закрывала пред австрийскими социалистами двери парламентской жизни. В избирательной „крепости“ впервые была пробита брешь в 1896 г., и уже в 1897 г. рейхсрат получил 14 социалистических депутатов.

Замечательные успехи социализм сделал в Германии. Выступив на сцену как серьезная сила раньше других стран, германский социализм попал в 1878 г. в тиски исключительных законов, продержавшихся 12 лет. Тем не менее в момент восстановления нормальной политической жизни германская социал-демократическая партия имела в своем распоряжении 60 общеполитических газет; ее численность в то время определяется тем, что, кроме основного, строго партийного ядра, к ней примыкало 120 тыс. организованных рабочих. В год уничтожения исключительных законов рейхстаг имел в своем составе 35 социалистов, избранных 1.427 тыс. голосов; в 1898 г. число первых поднялось до 56, а число собранных ими голосов — до 2,107 тысяч. Кроме 101 социалистического депутата союзных ландтагов, партия имела к концу XIX столетия большое число своих представителей в местном самоуправлении.

Из заокеанийских государств социализм в XIX столетии продолжительную историю имел в С. Штатах С. Америки. Но к концу столетия его развитие здесь было незначительно, в зависимости, вероятно, оттого, что рабочее движение не успело освободиться от либеральных иллюзий. Этим объясняются и слабые успехи социализма в Австралии, где Австралийская Социалистическая Лига, учредившаяся в 1887 г., имела в 1891 г. только 400 членов.

Общий итог социалистическому движению до начала XX века подводится следующими характерными данными:

I. Участие в выборах. На последних за каждое десятилетие выборах подано было голосов за социалистических кандидатов: в шестидесятых годах в одном государстве 30 тысяч, в семидесятых годах в двух государствах 438 тысяч, в 80-х годах в семи государствах 919 тыс. и в девяностых годах в тринадцати государствах 4.415 тыс.

II. Число депутатов в парламентах. Впервые социалисты попали в парламент в Германии: в 1867 г. здесь было избрано 8 социалистических депутатов. До начала 80-х годов Германия все еще остается единственной страной с социалистическим представительством в парламенте. За 80-ые годы к Германии присоединяются Италия, Дания и Франция. Но Дания скоро выпадает, и десятилетие оканчивается с социалистическими депутатами в числе 22 чел. в трех государствах. В течение 60-х годов к этим трем государствам присоединяются еще пять: Швейцария, опять Дания, Бельгия, Голландия и Англия, которая, впрочем, скоро теряет своего социалистического депутата. В конце десятилетия уже 7 государств имеют 174 социалистических представителей в нижних палатах. Кроме того, в Бельгии имеется 4 социалиста в верхней палате и в Дании 1.

III. В местных парламентах федеративных государств социалистам принадлежало 111 мест в Германии и 16 в Швейцарии.

IV. Участие в местном самоуправлении социалисты к началу нового столетия принимали в 11 государствах, при чем общим счетом им принадлежало 4.481 место: во Франции 1.605, Бельгии 670, Испании 552, Австрии 526, Дании 400, С Штатах С. А. 300—400, Венгрии 217, Италии 100, Швеции 20, Норвегии 17 и Швейцарии 14.

V. Социалистическая печать. Свои органы печати социалисты имели в 19 государствах, в которых издавалось 430 журналов и газет, при чем на одну Германию приходилось 84, на Италию 69, 59 на Австрию, больше 40 на Францию и Бельгию, 35 на С. Штаты, 24 на Данию, больше 10 на Швецию, Голландию, Испанию, больше 5 на Болгарию, Финляндию, Венгрию и Норвегию и 5 и менее на Швейцарию, Англию, Австрию, Австралию, Аргентину и Люксембург. Кроме социалистических изданий, печаталось в 10 государствах 289 профессиональных журналов социалистического направления.

К этому общему итогу необходимо прибавить, что в последние два десятилетия XIX века необычайно укрепилось интернациональное объединение социалистических партий. После распада Интернационала не раз делались попытки возобновить международные социалистические конгрессы.

Впервые удалось добиться серьезных результатов в 1889 г. С тех пор каждый новый конгресс являлся новым шагом в развитии и укреплении международного социализма. Если в 1899 г. в конгрессе участвовало 395 делегатов, то третий конгресс состоял уже из 440 делегатов, а пятый из 743.

Итак, к концу XIX столетия развернулась грандиозная сила социализма, сплетенного частью со сблизившимся, частью и вовсе слившимся с ним рабочим движением, которое и в свою очередь достигло поразительных размеров. Какое движение явилось причиной и какое результатом, и можно ли вообще говорить тут о причинной зависимости,—эти вопросы теряют свое значение пред тем несомненным фактом, что и социалистическое и рабочее движения в своем развитии нуждаются во взаимной поддержке; и только то, что эта их взаимная поддержка вытекает из самой природы того и другого, превращает их в серьезную угрозу капиталистическому обществу.

Буржуазия верно оценила положение. Революционный социализм Интернационала не нарушил ее покоя не потому, что он вел скорее политическую, чем социальную борьбу. Он и самую политическую борьбу вел потому, что иная была ему не по силам, так как позади него не было необходимого для классовой борьбы войска, организованного труда. И буржуазия должна была всполошиться именно на исходе XIX столетия, когда вполне обозначилось параллельное движение социализма и профессиональных союзов, идущих к одной и той же цели, может быть, разными дорогами, но при постоянном сотрудничестве, хотя и не всегда видимом для них самих.

VI.

Если организация промышленности приготовила почву, то организация труда оплодотворила ее, дав ей семена, из коих выросла организация работодателей — эта непосредственная защита status quo в социальных отношениях. Что было бы, если бы организации работодателей не предшествовал кризис свободной конкуренции, ликвидацией которой занялись промышленные организации: возможно ли было бы все новейшее движение в рядах работодателей? Бесспорно, борьба в сфере промышленности не мирится с объединенными действиями работодателей в сфере отношений между трудом и капиталом. Но полагают, что одной опасности для предпринимателей от организаций труда, занявших боевые позиции, достаточно было бы, чтобы послужить самостоятельным поводом к уничтожению внутри-классовой буржуазной борьбы. В защиту этого взгляда говорит, как будто, то, что союзы работодателей время от времени возникали и до начала движения, приведшего к организации промышленности, но обязательно вслед за организацией труда. Однако необходимо различать работодательские союзы, появлявшиеся раньше, от работодательских союзов новейшего времени. Тут имеется та же разница, что в старом и новейшем рабочем движении. Старые работодательские организации это — вывернутые на изнанку английские тред-юнионы первых трех четвертей XIX ст., тред-юнионы, которые чужды были каким бы то ни было представлениям о классовой противоположности интересов в капиталистическом производстве, которые мечтали о гармонии в отношениях между трудом и капиталом, которые боролись не с целым хозяйственным укладом, а с злоупотреблениями, жестокостью и т. д. отдельных, „неправильных“ работодателей. Аналогичным образом и работодатели объединялись не ради борьбы с организованным трудом, а для того, чтобы парализовать только его увлечения и на почве компромиссов обеспечить „мир в промышленности“.

Далеко не такое положение занимают работодательские организации теперь. Выступая, как явление массовое, расширяясь все более и более, пуская глубокие корни, а главное — принимая характер односторонний и ярко-боевой, новейшие организации работодателей все определеннее вырисовываются, как организации классовые, предназначенные исключительно для участия в классовой борьбе. Классовую же борьбу современный предприниматель понимает в том

же смысле, в каком ее понимает организованный труд, т. е. как борьбу не за временные и случайные выгоды, а за самое существование каждой из борющихся сторон, за занимаемое ею место в промышленности. Как бы этого ни хотелось тем, в чьих интересах замазать классовую пропасть между трудом и капиталом, здесь ни в коем случае нельзя говорить ни о „вечном мире“, которого ждали прежде, ни о соглашениях, этой новейшей мечте социальных Маниловых. Этот вывод необходимо вытекает из всего характера работодательского движения.

Неправильным пониманием истинной природы новейших организаций работодателей объясняется, между прочим, то обстоятельство, что некоторые исследователи делят их на „прогрессивные“ и „реакционные“ — в зависимости от понимания ими своих задач. Непримириемые работодательские организации относятся к „реакционным“ так, что на пьедестал прогрессивности поднимаются организации работодателей, придерживающиеся тактики компромиссных соглашений с трудом. Не говоря о крайней субъективности подобного деления, чреватой всевозможными недоразумениями, оно вредно, главным образом, еще тем, что подразумевает историческую преемственность, которой не было в действительности, и потому дает извращенное представление как о настоящих, так и будущих взаимоотношениях между двумя армиями классовой борьбы. Предполагают, что на первых порах организации работодателей всегда непримиримы, и это делает их „реакционными“. Однако постепенно их тактика смягчается, и, под влиянием либо своих неудач, либо уступок со стороны труда, либо выяснившихся невыгод от борьбы для обеих сторон, работодательские организации становятся „прогрессивными“, т. е. переходят к политике компромиссных договоров и соглашений с организованным трудом, который, и в свою очередь, „отрезвляется“ под ударами организованного работодателя.

Исторически мы видим как раз обратное. Если в первые три четверти XIX столетия известны были случаи, когда работодательские организации переходили от непримиримой тактики к компромиссной, то следует понимать, что в то время непримиримая тактика вовсе не имела в своем основании сознания непримиримости интересов труда и капитала в капиталистическом обществе. Это бывала непримиримая тактика, диктовавшаяся случайным озлоблением или особыми требованиями со стороны рабочих, проявлявших в этих требованиях свое „неблагоразумие“. Озлобление, с одной стороны, и „неблагоразумие“, с другой, рано или поздно проходили, стоять долго „под ружьем“, да еще без крайней необходимости, как и без очевидной цели, надоедало обеим сторонам, и мир восстанавливался, „реакционная“ организация работодателей становилась „прогрессивной“, что почти всегда, впрочем, совпадало с разрушением самой организации работодателей за минованием в ней надобности.

Ясно, что эта эволюция, которую переживали организации работодателей ранее, ничего общего не имеет с эволюцией, приведшей к новейшим работодательским организациям, в pendant новейшим рабочим профессиональным союзам, и как результат одновременного

действия двух сил—организации промышленности, с одной стороны, и организации труда, с другой. Таким образом, два сделанных капитализмом завоевания,—одно, которое он сделал в качестве хозяина современной промышленности, другое, которое важно для него, как показатель трудовой энергии рабочего,—оба эти завоевания не случайно совпали между собою, явившись одно вслед за другим, а связаны друг с другом причинной зависимостью, почему они совместно дают одну общую окраску нынешней, новейшей стадии капитализма. Идея новейшего капитализма—это одновременно монополия производства (задача картелей, трестов и фузионов), и неограниченное господство „хозяина“ (задача профессиональных союзов работодателей),—то и другое во имя окончательного и безусловного торжества буржуазии и буржуазных устоев. Мало того: действуя в разных сферах, но во имя одной идеи, промышленные организации и организации работодатели находятся в постоянном сотрудничестве между собою и помимо того, что одни сыграли и продолжают до сих пор играть роль подготовителей почвы для других. Если промышленные организации, монополизировав производство, попутно принимают также участие в классовой борьбе, то и работодатели совсем не свободны от разрешаемых промышленными организациями задач. Тут и там действующей силой выступает один и тот же предприниматель, функции которого поддаются расчленению лишь в теории, но не на практике. Это налагает свою печать на оба вида предпринимательских союзов, связывает их тысячами видимых и невидимых нитей, а через это объединяются также интересы двух противников, осаждаемых новейшим капитализмом—потребителей, с одной стороны, и рабочих, с другой. В какие условия это ставит классовую борьбу, мы увидим ниже. Пока же посмотрим, с чем, в сущности, мы имеем дело, когда говорим об организации работодателей,—во что она успела до европ. войны развиваться, т. е. какие она успела принять размеры в разных государствах, как определились ее цели и каковы средства, имеющиеся в ее распоряжении для разрешения выставляемых ею задач.

Организации работодателей, ставящие себе целью „разрешение рабочего вопроса“, делятся по характеру своего устройства, во-первых, на союзы простые и смешанные. Под простыми союзами подразумеваются объединения работодателей, замыкающиеся в границах одной определенной отрасли промышленности, например, по обработке металлов, или даже одного какого-нибудь из них, а то и одной лишь отрасли обработки какого-либо металла. Так, бывают союзы работодателей металлической промышленности вообще, и союзы по обработке железа, или меди, или свинца, или золота и т. д., и, наконец, союзы по выработке рельс, либо гвоздей, либо медной проволоки и проч. Смешанные союзы объединяют работодателей различных, а то даже и всех, отраслей промышленности данной местности—города, уезда и т. д. Простые и смешанные союзы, в зависимости уже от территории их влияния, делятся в свою очередь на местные, с районом влияния не более одного города, на провинциальные или областные, в которых объединяются местные союзы целого района, и, наконец, на центральные, действующие на территории целого госу-

дарства. Кроме того, центральные союзы простого типа входят, как составные элементы, в центральные союзы смешанного типа, при чем повсюду отмечается тенденция создания для всей страны одного такого союза. Если последнее не удастся и в силе останутся несколько самостоятельно оперирующих центральных смешанных союзов, то стремятся установить для них либо постоянное, либо условленное заранее спорадическое сотрудничество для известных случаев и в тех или иных рамках.

Во всей этой классификации работодательских союзов видны отдельные оригинальные штрихи, вызванные специфическими требованиями своеобразного состава организаций и свойством их задач. Но в общем и целом они представляют собой копию той сети союзов, которая в конечном итоге сплочивает в одно организованное целое рабочие классы. Долговременный, не дешево стоивший опыт социальных антагонистов капитала—рабочих—воспринимается работодателем для целей борьбы со своими собственными, в организационной области, учителями—чуть ли не с первого же дня, как классовая борьба ставит буржуазию в необходимость озаботиться организацией своих классовых сил. В этом отношении работодательское объединение оказывается, понятно, в несравненно более выгодных условиях, чем объединение труда, которое в первые стадии своего развития не имело ни позади себя, ни рядом с собою никаких образцов для подражания. И работодатели, как мы увидим ниже, широко пользуются своим положением.

Помимо обрисованной группировки работодательских союзов в каждом государстве отдельно, можно установить деление самих государств на группы, по типу существующих там союзов работодателей. Нет оснований полагать, что эта группировка государств имеет под собою более или менее прочный, долговечный фундамент. Наоборот, все говорит за то, что признаки, которые кладутся в основание группировки государств по особенным свойствам их работодательских союзов, постепенно стираются, и союзы работодателей, подобно рабочим союзам, все более окутываются одной общей идеей, становясь национальными секциями одного общего для всего капиталистического мира буржуазного интернационала. Но пока эти признаки существуют, их нельзя игнорировать, тем более, что они хорошо оттеняют дух новейшего буржуазного движения. Наиболее распространенный теперь тип работодательских союзов, имеющий все права на название одновременно и немецкого, и всемирного, являющийся типом классовых союзов в наиболее чистом виде,—этот тип работодательских союзов труднее было бы понять, если бы он не оттенялся англосаксонским типом союзов работодателей, с одной стороны, и французско-бельгийским типом, с другой.

В то же время, однако, необходимо оговориться, что классификация государств по типу работодательских союзов, принятая нами, ничего общего не имеет с той их классификацией, которая имела бы в своем основании коренные особенности, устанавливающие „национальное лицо“ союзов работодателей. Как бы важна такая классификация ни была, но до поры, до времени от нее приходится отказаться. Дело в том, что имеющиеся сведения о работодательских союзах слишком скудны, чтобы возможно было при их содействии

глубоко проникнуть в природу нового феномена. В 90 гг. XIX-го столетия первые исследователи работодательских союзов, Брентано и Кулеман, жаловались на крайнюю недоступность данных о них и сопоставляли их подпольное существование с публичной жизнью рабочих союзов, не знающих никаких тайн. То же приходится сказать и теперь. Во многих государствах трудно даже установить достоверное число работодательских союзов. Членский же состав последних, а особенно количество рабочих, занятых в предприятиях объединенных работодателей, чем измеряется сравнительная сила их союзов,—могут быть установлены только для незначительного числа государств. Но несравненно хуже еще обстоит дело с внутренней жизнью работодательских союзов. Если описанию еще кое-как поддаются основные их отправления, то ни количественное, ни качественное измерение их деятельности не мыслимы, за исключением тех случаев, когда деятельность работодательских союзов дает результаты, скрыть которые не в их силах. Лучшее из всех стран в этом отношении обстоит в Германии. Ее официальная статистика накопила до войны значительный материал для характеристики нового феномена, хотя и у нее речь идет пока исключительно о внешних сторонах работодательских союзов, между тем как проникнуть во внутреннюю их жизнь дает возможность одно лишь исследование Кесслера, если не считать слухов и отрывочных сведений, попадающих в печать по нескромности или неловкости отдельных работодателей ¹⁾.

Необходимо, следовательно, иметь в виду, что устанавливаемая нами выше группировка государств по типу работодательских союзов исходит из внешних, крайне общих признаков, и даже намека не дает на то разнообразие, которое господствует, конечно, в данной сфере, в зависимости от хозяйственных, политических, исторических и т. п. особенностей каждого государства.

---

¹⁾ Ниже мы даем для времени до войны почти всю литературу о работодательских союзах, не считая агитационных брошюр и некоторых малозначительных журнальных статей. Работодательских союзов разных стран, кроме работы W. Kulemann'a „Die Berufsvereine“ (1913 г.), касается книга P. Saint-Girons'a „L'assurance patronale contre la grève“ (1908 г.), ценная, впрочем, лишь в части, касающейся Франции, так как данные о Германии теперь уже не интересны, а сведения об остальных государствах случайны и отрывочны. По отдельным государствам имеются следующие работы: для Германии кроме книги W. Kulemann'a, ценна работа R. Kessler'a „Die deutschen Arbeitgeberverbände“ (1907 г.). Затем официальная статистика собрала данные о работодательских союзах к 1909 и к 1910 г.г. (напечатаны в Reichsarbeitsblatt 1909 г. № 8 и 1910 г. №№ 5 и 6, и в „Statistisches Jahrbuch des D. Reich“, 1909 г.), об организациях страхования работодателей от убытков в связи со стачками и локаутами (Reichsarbeitsblatt, 1909 г. № 10) и о работодательских посреднических конторах (Reichsarbeitsblatt, 1909 г., № 12). Для Англии общие сведения печатаются ежегодно в Abstract of labour Statistics of the United Kingdom (изд. Департамента труда). Исторические сведения имеются у Г. Ностица „Рабочий класс Англии“ и в работах супругов Вебб по истории и теории английских тред-юнионов (все эти работы имеются в русском переводе). Швейцарские работодательские союзы описаны в интересной брошюре R. Grimm'a „Der Kampf der Unternehmerverbände in der Schweiz“ (Zürich, 1909 г.). Данные о движении союзов работодателей в Дании печатаются ежегодно в Statistik Aarbog for Danmark. Для Австрии сведения опубликованы

VII.

Старейшие работодательские организации мы находим в Англии. Следы их восходят здесь к 30-м годам прошлого столетия. К 70-м годам организации работодателей в Англии так размножились, что появилась идея объединить их. В результате получилась Employers' Federation, учредившаяся в 1873 году из союзов работодателей в промышленности железнодорожной, угольной, машиностроительной и т. д.

Федерация, впрочем, просуществовала только два года. Но ее разложение не остановило роста работодательских организаций. В то же время повторялись попытки устроить и новые федерации. Так продолжалось до 1898 г. В этом году Департамент труда насчитал в Англии всякого рода предпринимательских союзов—675. Из них в железнодорожной промышленности и машино-и судостроении было 90, в текстильной промышленности—41, строительной—319. О числе членов и количестве занятых у последних рабочих Департамент сведений не дал. Но из другого источника известно, что синдикат судостроителей объединял предприятия с 45—50 тысячами рабочих, что в синдикате текстильной промышленности входило $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ всех текстильных предприятий, что в Нортумберленде работодательской организации принадлежало $\frac{7}{9}$ всей угольной добычи округа, в Дургеме, Кумберленде и некоторых других местностях— $\frac{5}{6}$, в разных местах средней Англии— $\frac{3}{4}$, в Уэльсе— $\frac{2}{3}$. В том же 1898 году образуется новая федерация работодательских союзов, которой удастся объединить работодателей всех главнейших отраслей английской промышленности с основным капиталом более миллиарда фунтов стерлингов.

В следующее десятилетие организация работодателей особенно подвигается вперед. Если в 1902 г. число союзов поднимается до 846-ти, то в 1908 г. оно уже достигает 1025. Для 1919 г. Департа-

---

в Die Gewerkschaft (1908 г. №№ 7 и 8) и в 5-er internat. Bericht über die Gewerkschaftsbewegung. Для Франции, кроме упомянутой книги Saint-Girons'a, постоянно даются сведения в официальном ежегоднике Annuaire Statistique (о профессиональных синдикатах хозяев). Данные о С. Штатах С. А. собраны „Комиссией о промышленных комбинациях“; кроме того, сведения напечатаны в массачусетском Labor Bulletin (март 1904 г.). Наконец, отдельные сведения о работодательских союзах в разных государствах напечатаны в журналах Sociale Praxis и Correspondenzblatt der Generalcomission der Gewerkschaften Deutschlands (1905—1910 г.г.), в Reichsarbeitsblatt (1904 г., №№ 6, 7 и 9) и Вестнике финансов (1908 г., №№ 6, 20, 30 и 38).

В русской литературе, кроме указанных статей в Вест. фин., имеются: книга В. Громана „Организация работодателей в Германии“ и статьи Г. Швигтау „Организация работодателей в их отношениях с организованными рабочими“ (Рус. Мысль, 1908 г. № 11) и „Из политики работодателей на Западе“ (Рус. Мысль, 1910 г. № 4). О русских работодательских союзах собраны некоторые сведения в статье А. Ермолинского „Союзы работодателей“ (Совр. Мир, 1909 г. № 12).

Фактический материал о работодательских организациях взят нами, главным образом, из перечисленных трудов и перечисленных пер. изд. по 1913 г. В случаях, когда мы пользуемся другими источниками, они указываются в выносках.

мент труда дает почему-то сокращенную цифру действующих союзов — 962. Тем интереснее достигшее в последнем году небывалых размеров число центральных союзов — простых, для отдельных отраслей промышленности, и смешанных для разных отраслей. Их для 1909 г. указывается 72, при 66-ти в 1908 г. и 50-ти в 1902 году. По отдельным отраслям промышленности работодательские союзы распределялись в 1909 г. следующим образом:

В промышленности:	Союзы работодателей		
	Центральные	Местные	Всего
Строительной	24	331	355
Горноделч. и каменолом.	4	30	34
Металлургич., машино-и судостр. и пр.	6	104	110
Текстильной	8	57	65
Конфекционной	4	75	79
Химической и т. п.	—	22	22
Полиграфич.	10	62	72
По обработке дерева	4	24	28
Хлебопекарной и кондитерской	5	138	143
Разных	5	47	52
Парламентские ассоциации	2	—	2
Всего	72	890	962

Не во всех отраслях промышленности сила работодательских союзов одинакова. В этом отношении исследование устанавливает прямую зависимость от тред-юнионов; между теми и другими существует в Англии постоянная и неразрывная связь, заставляющая предполагать даже причинную зависимость: там, где сильнее и сосредоточеннее рабочее движение, также более распространены и централизованы союзы работодателей. С другой стороны, являясь, очевидно, отзвуком тред-юнионов, работодательские союзы отражают в себе все изменения, переживаемые первыми. Этим, нужно думать, объясняется сравнительно мирный характер деятельности союзов работодателей в в прошлом и их компромиссные тенденции потом. Английскими союзами работодателей широко практикуются, конечно, и черные списки, и пометки на аттестате, и пр.; большинство работодательских союзов имеет у себя страховой фонд на случай остановки работ вследствие недоразумений с рабочими, между тем как другие помогают своим членам тем, что заставляют действующие предприятия принять на себя оставшиеся у остановивших свои мастерские работодателей заказы. Но к наступательным действиям, которыми характеризуется классовая борьба как работодателей, так и рабочих, работодательские организации Англии долгое время вовсе не прибегали. Часто они принимают даже меры, чтобы не дать и отдельным предпринимателям стать на боевой путь. Вследствие этого они, конечно, не могут уклоняться от планомерных сношений с тред-юнионами; наоборот, в организации таких сношений они видят главную, часто и единственную свою задачу. Накануне войны стал отмечаться перелом в указанной тактике работодательских союзов Англии, но он еще не отлился тогда в достаточно определенную форму, чтобы можно было судить о дальнейшей судьбе союзов в Англии.

К английскому типу приближаются работодательские союзы С. Штатов С. Америки. Движение это здесь не так старо, как в Англии,

но и не так молодо, как на европейском континенте. На местах и в отдельных промыслах встречаются в Штатах работодательские союзы, начиная с 80-х годов прошлого столетия. Это—однородные с английскими организации, цель которых поставить сношения с тред-юнионами на планомерную почву, противопоставив организованных работодателей планомерно организованному труду. Главная задача этой категории работодательских союзов сводится к заключению коллективных договоров, выработке целесообразных правил внутреннего распорядка в мастерских и т. д. Они, само собою разумеется, признают тред-юнионы, охотно ведут с ними переговоры и смотрят на них, как на своего контрагента во всем, что касается отношений между трудом и капиталом. Особенностью таких работодательских союзов является, между прочим, то, что они объединяют не всех представителей данной отрасли промышленности. Например, Stoves Fonders National Depense Association имела в 1886 году в момент своего учреждения только 30 предприятий, или седьмую часть всех предприятий этой отрасли промышленности, а чрез 20 лет—60 предприятий или пятую часть, в то время, как союз новейшего типа National Fonders Association, учредившись в 1898 г., сразу объединил 495 работодателей; чрез восемь лет он уже объединял до 600 предприятий с 35 тысячами рабочих и складочным капиталом до 325 мил. долларов.

С начала XX столетия в Штатах сильно начинают размножаться работодательские союзы боевого классового типа, на подобие западноевропейских. Среди них особенно выделяются по своим размерам: учредившийся в 1902 г. центральный простой союз National Metal Trades Association, объединявший в 1903 г. уже 326 местных союзов и отдельных фирм, и два центральных смешанных союза—Citizens Industrial Association of America и American Anti-Boycott Association.

Общее число всех существующих в Штатах работодательских союзов, по данным на 1904 г., определяется в 400—500 местных организаций, в 66 союзов с кругом действий, распространяющимся на целые провинции и штаты, и 59 союзов центральных, в число коих входят и простые, и смешанные союзы, действующие на пространстве всей Северной Америки (включая и Канаду).

Как и организация промышленности, профессиональное объединение работодателей во Франции происходит чрез Syndicats professionnels patronaux, преследующие различные цели: просветительные, экономические, судебно-административные, даже нередко и просто административные, но служащие при надобности также средством для удовлетворения разнообразных работодательских нужд в объединенных действиях. Поэтому нельзя определить и приблизительно, как далеко во Франции пошло профессиональное, в тесном смысле слова, объединение работодателей. Очевидно, однако, что профессиональные синдикаты создают для него весьма благоприятную почву, особенно в связи с их громадным распространением. Как шло развитие синдикатов хозяев до 1890 г., можно судить только по росту числа организаций. За 5½ лет действия закона 1884 г. число синдикатов достигло 877, не считая 69 синдикатов смешанных, в число членов которых входят не только хозяева, но и рабочие, и 557 сельскохозяйственных синдикатов, в значительной степени обслужива-

ющих интересы хозяев. Начиная с 1890 г. успехи объединения хозяев шли следующим образом ¹⁾:

Годы	Число синдикатов	У них членов
1890	1,004	93,411
1895	1,622	131,031
1900	2,157	158,300
1902	2,609	185,199
1905	3,102	252,036
1913	5,063	422,000

За 23 года число патрональных синдикатов увеличилось в пять раз, а число объединяемых ими членов — почти в столько же раз, не только сильно увеличилось поле действий синдикатов, но значительно увеличилась сила каждого из них. Впрочем, усиление отдельных синдикатов началось только в последнее время: в то время как членов на один синдикат в среднем приходилось 93 в 1890 г., 81 в 1895 г., 73 в 1900 и 71 в 1902, так что синдикаты слабели все более и более,—в 1904 году на один синдикат приходилось уже 80 членов, а в 1913 г.—даже 84.

Этот перелом в движении патрональных синдикатов шел рука об руку с другим важным моментом в их жизни—с их централизацией. Началась последняя в 1898 году, когда в 46 союзах объединился 791 синдикат или 42 проц. общего их числа, с 87 тысячами или 46 проц. всех синдикальных хозяев. В 1900 г. число союзов достигло 54 в то время, как синдикатов ими было объединено 927 с 106 тыс. членов, т. е. отношение союзных синдикатов к общему их числу упало до 40 проц. в то время, как число членов в союзах синдикатов уже превысило 67 проц. всех синдицированных хозяев. В этом духе шло развитие по 1901 г.: число союзных синдикатов возросло медленно, а количество входящих в них членов увеличивалось и абсолютно и относительно. Затем наступает заминка и в росте числа членов союзов, которая длится два года. С 1904-же года, т. е. одновременно с начавшимся усилением отдельных синдикатов, возобновляется среди них и централизационная тенденция, которая теперь идет уже безостановочно и с все усиливающимся темпом. Так, в 1904 году централизованных синдикатов было уже 1687 или 57 процентов, с числом членов в 171 тыс. чел., или более 72 проц. всех синдицированных хозяев; затем, в 1907 году число первых достигло 2450, или 68 проц., и число вторых—258 тыс., или 82 проц. Если принять во внимание, что в разных государствах именно обострение классовой борьбы вызывает централизацию профессионального движения среди хозяев, равно как и среди организованных рабочих всего мира, то станет ясно, что охарактеризованная перемена в жизни патрональных синдикатов Франции свидетельствует о расширении их участия в классовой борьбе.

На эту же мысль наводит еще один факт, имевший место во Франции около этого времени—учреждение одной для всей Франции Федерации промышленников и торговцев (*Fédération d'industriels et de commerçants de France*). В общем, она по своим задачам точная копия патрональных синдикатов; ее функции столь же разносторон-

¹⁾ *Annuaire statistique*. 1915, стр. 41.

ни и разнообразны. Подобно синдикатам, она также в уставе ничего не говорит об участии в классовой борьбе. Это тем не менее несколько не мешает ей поддерживать классовую борьбу в самых широких размерах. Между прочим, по инициативе Федерации начато было судебное преследование против врачей, выдававших будто бы рабочим фиктивные сертификаты о последствиях увечий во время работ; большую агитацию Федерация развила в связи с вопросом о рабочих пенсиях и подоходном налоге и т. д. Во всем этом нет, конечно, еще того, что можно было бы назвать непосредственным участием в классовой борьбе. Но настроение федерации дает основание предполагать, что там, где требуется ее активная классовая деятельность, она не остается нейтральной. Во всяком случае, именно ее инициативе обязано движение, которое занимает во Франции видное место в профессиональной организации работодателей, в тесном смысле. Мы говорим об организации страхования на случай остановки работ, вследствие недоразумений с рабочими.

Это вид страхования, состоящий в связи с синдикатами лишь внешним образом,—в большинстве случаев от страхующегося требуется принадлежность к какому нибудь патрональному синдикату,—этот вид страхования функционирует вполне самостоятельно от каких либо других организаций, хотя неизвестно, насколько также независимо. Проводится страхование от стачек двумя руслами — либо чрез *caisses de grèves*, устраиваемые при синдикатах, но с особой отчетностью, либо чрез специально организуемые общества взаимного страхования. Данные, да и то крайне скудные, имеются о последних. Первое общество взаимного страхования, под неуклюжим названием „Кассы возмещения убытков в промышленности и торговле от приостановки работ вследствие несправедливых стачек“ (*La Caisse mutuelle industrielle et commerciale ayant pour but le remboursement des pertes résultant du chômage en cas de grèves injustifiée*), было учреждено в 1906 г. Его действия не связаны ни с какой либо отдельной местностью Франции, ни с каким либо отдельным промыслом. Функции общества не ограничиваются выдачей вознаграждения за убытки непосредственно от стачек; оно отвечает и за всякие претензии, предъявляемые к предприятию в связи с остановкой работ вследствие стачек. В 1908 г. 150—160 патрональных синдикатов, их союзов и отдельных предпринимателей состояли членами общества, застраховавав риски на 30 мил. франков. Другое подобное же общество и в том же 1906 г. организовалось в Лионе—*Lloyd industriel*; оно к 1908 году собрало страхований на 13 мил. фр. Но особенно широко развернула свою деятельность учредившаяся в 1907 г. Центральная металлургическая касса (*La Caisse centrale métallurgique*) Организованная по промысловому принципу, она распадается на шесть отделений, по роду объединенных отраслей металлической промышленности. Касса эта страхует убытки уже не от одних только стачек, а от всех убытков, вытекающих из недоразумений с рабочими, хотя бы последние и не приводили к остановке работ; лишь бы они не были результатом запаздывания в расчетах. Между прочим, следовательно, касса отвечает также за убытки, которые несут работодатели, когда они объявляют локаут. За первые 8 месяцев существования касса собрала страхований на 20 мил. франк.

VIII.

Переходим к тому типу работодательских союзов, который является чистой формой организации буржуазии для участия в классовой борьбе.

По внешнему своему виду союзы эти близко стоят к английским; как и английские союзы, они чисто профессиональные организации, не обремененные разносторонними функциями французских патрональных синдикатов. Но по деятельности своей работодательские союзы всех остальных стран,—кроме Бельгии, где они построены по французскому типу,—стоят в стороне как от английских союзов, так и от французских синдикатов, поскольку, конечно, деятельность последних определяется их официальными уставами, а не подпольными соглашениями. Первое место—и по времени вступления на путь работодательских организаций, и по силе их распространения,—принадлежит тут Германии, почему и самый тип этих союзов иногда называется „немецким“. В Германии же и фактического материала о работодательских союзах накопилось более, чем в какой либо другой стране. Таковы причины, которые делают организацию работодателей в Германии исключительно интересной для изучения. Поэтому германские союзы работодателей, с необходимыми и доступными подробностями, мы рассматриваем в особой главе, останавливаясь вскользь на работодательских союзах других, еще не рассмотренных нами, государств.

Между местностями с работодательскими союзами немецкого типа первое после Германии место по распространенности и давности союзов занимает группа Скандинавских государств, к которым мы относим и Данию. Так как последняя шла впереди Скандинавских государств по организации труда, то неудивительно, что она оказалась в авангарде и по организации работодателей. Работодательские союзы в Дании появляются со середины 90-х годов прошлого столетия, а в 1906 году уже имеется федеративная организация, которая, впрочем, раньше обслуживала только отрасли промышленности, касающиеся строительного дела. В 1897 году задачи федеративной организации расширяются; под названием „Центрального Союза Предпринимателей Дании“ организация делается органом объединения всей датской промышленности. В следующем году Центральный Союз насчитывает у себя 20 работодательских объединений. Рядом с этим центром для объединенной крупной промышленности существовал около того же времени организовавшийся центр для мелкой и средней промышленности и ремесла. Оба центра слились в 1899 году и образовали общий коллектив, названный „Датским Союзом Работодателей и Мастеров“.

В момент учреждения Датский Союз состоял из 32 работодательских объединений и значительного числа акционерных компаний. Но чрез четыре года он составлял уже значительную силу; в него входило 63 центральных простых союзов, состоявших из 7321 местных организаций, не считая 18 отдельных членов, в том числе 15 акционерных компаний. Какое число предпринимателей и

занятых у них рабочих насчитывалось в коллективах, входивших в Датский Союз, неизвестно. Но центральная организация мелкой и ремесленной промышленности представила Датскому Союзу в 1903 г. отчет, в котором значилось 180 объединений с 37,167 членами. В 1908 весь Датский Союз состоял из 75 центральных простых организаций, в которые входило 6448 местных объединений и 205 акционерных компаний. Число рабочих, объединенных в Союзе предприятий, равнялось в 1912 г. 112 тыс. чел. Кроме того, вне Датского Союза стояло 29 объединений, из которых 16 приходилось на Копенгаген, 9 на другие города и 4 на сельские местности. На эти же категории члены Датского Союза распределились так, что один Копенгаген сосредоточивал у себя 3130, или 47 проц. общего числа, остальные города—297, или 45 проц., и сельские местности—только 552, или 8 процентов. Так как из общего числа занятых в датской промышленности рабочих, по переписи 1907 г., в Копенгагене числится 38 проц., в остальных городах—34 и в сельских местностях—28 проц.¹⁾, то ясно, что деятельность Датского Союза сосредоточена почти исключительно в городах, между тем как промышленность, расположенная в сельских местностях, обслуживается в крайне слабой степени.

Вслед за Данией организацией работодателей занялась Норвегия, которая в этом отношении прошла те же подготовительные стадии, что и южная ее соседка. В результате, в виде центральной организации получился здесь двойственный коллектив, подобно Датскому Союзу, объединяющий все виды норвежской промышленности.

Организация, сплавляющая мелкую и среднюю промышленность, состояла к 1903 г. из 39 объединений с 4987 членами. Кроме нее в Норвежский Союз Работодателей входило в 1902 г. 1053 крупных предприятия с 34,650 рабочими. После этого организация норвежских работодателей затормозилась. Но, перестав развиваться вширь, она росла вглубь.

Если в 1906 году крупных работодателей в Норвежском Союзе уже осталось всего лишь 808, то число занятых у них рабочих опустилось только до 34,620, т. е. на одного организованного предпринимателя приходилось уже около 43 рабочих, между тем как в 1902 году было только 33. В следующие годы процесс роста вглубь продолжается, но возобновляется также рост вширь. В 1907 г. Союз насчитывал 811 крупных работодателей, у которых было занято 43,860 рабочих, т. е. на одного работодателя приходилось 54 рабочих. Наконец, в 1912 г. число работодателей возросло до 1452, количество занятых у них рабочих увеличилось до 76 тыс., а среднее число рабочих на одного работодателя достигло почти 52-х человек. Для характеристики силы Норвежского Союза следует еще прибавить, что уже в 1904 г. у него накопился запасный капитал в 105½ тыс. крон.

Успехи, достигнутые работодательскими организациями Норвегии за одно десятилетие, обрисуются рельефно, если их сопоставить с тем фактом, что все рабочие организации Норвегии насчитывали у себя

¹⁾ Statistik Aarbog, 1908, стр. 64.

в 1913 г. 67,318 членов, из коих входило в центральную организацию 47,055. Следовательно, объединенных в центральной организации рабочих в Норвегии на 29 т. человек было менее числа их, контролируемого Норвежским Союзом Работодателей в одной только крупной индустрии, т. е. не считая контролируемых им рабочих мелкой и средней промышленности.

В Швеции до конца XIX столетия имелись только ремесленные организации. Работодательская организация в крупной промышленности началась только с 1900 года. Образовались 12 центральных организаций простого характера, когда очередь настала для федерации работодательских союзов. В 1902 году образовались две федерации: сначала Всеобщий Союз Работодателей Швеции, а потом Шведский Союз Работодателей, оба — для крупной индустрии. Организации мелкой промышленности объединились в 1903 году в Центральном Союзе Работодателей. Размеры всех этих трех федеративных центров накануне войны были неизвестны. Имеются данные о количестве рабочих, контролируемых, во-первых, Шведским Союзом—около 160 тыс., и, во-вторых, двумя простыми центральными организациями, входящими в Всеобщий Союз,—организациями металлической и строительной промышленности, насчитывавшими по 30 тыс. контролируемых рабочих на каждую. В целом только этими организациями обнималось, следовательно, 220 тысяч контролируемых работодательскими организациями рабочих, в то время, как вся фабрично-заводская рабочая армия исчислялась в 1907 г. в 328 тыс. человек. С другой стороны, в рабочих союзах всех видов и направлений было в 1908 г. 219 тыс. членов, из которых входило в центральную организацию рабочих союзов только 162,4 тысячи. Оба федеративных союза работодателей, между прочим, оказывали поддержку своим членам как в случае стачек, так и в случае локаутов. Для этой цели у шведского союза имелся уже запасный капитал в 16—17 мил. крон. Что касается центрального союза работодателей, обслуживавшего мелкую промышленность, то в 1910 г. он объединился с Шведским Союзом перевозочной промышленности и Шведским Союзом сельско-хозяйственных работодателей, при чем все три организации показали число своих членов в 5,500 человек с 250 тыс. рабочих ¹⁾).

Весьма развитую сеть союзов работодателей, все более на почву боевой тактики становились Швейцарские торговые и промышленные ферейны, охватывающую разные отрасли промышленности имела Швейцария, хотя, субсидируемые федеративным правительством и кантонами, они должны были бы преследовать хозяйственно-промышленные цели. В переходном состоянии находились также ремесленные ферейны. Созданные для „поднятия промыслов“, они все более становились организациями работодательской борьбы с рабочими союзами. Но истинными союзами классовой борьбы являются в Швейцарии, конечно, союзы работодателей в крупной промышленности. Из крупнейших организаций этого рода до войны известны союзы: хозяев прачечно-паровых предприятий, мукомолов, пивоваренных заводчиков, предпри-

---

¹⁾ Vorwärts 1910, № 77.

нимателей строительного дела, работодателей цюрихских шелково-красилен, владельцев машиностроительных заводов и т. д. Особенно силен был последний союз. Организовавшись в 1905 г., он к концу 1906 г. успел собрать 98 членов, у которых работало $27\frac{1}{2}$ тыс. человек; к 1908 году союз уже имел 104 членов, у которых работало около 33 тыс. человек. Между тем вся машиностроительная промышленность Швейцарии к тому времени состояла из 140 заводов с 40 т. рабочих. Таким образом, работодательский союз контролировал $82\frac{1}{2}$ проц. всех занятых в этой промышленности рабочих, и это в то время, как рабочий союз контролировал только 30% (около 15 тыс. чел.). В конце 1907 г. образовалась в Швейцарии федерация работодателских союзов под названием Schweizerischer Arbeitgeberverband. В момент учреждения она имела под своим контролем 150 тыс. рабочих. В феврале 1908 г. рядом с этой федерацией учредилась еще одна под названием Zentralverband Schweizerischer Arbeitgeberorganisationen, распространившая свой контроль на 157 тыс. рабочих, в том числе на 86 тыс. рабочих, контролировавшихся раньше Швейцарским Союзом работодателей; к 1910 г. число контр. этой организацией рабочих достигло 163 тыс. чел. Всего под контролем объединенных работодателских союзов Швейцарии стояло около 250 тыс. рабочих или около 83 проц. всех рабочих швейцарской фабрично-заводской промышленности (307 тыс. человек, по данным 1907 г.), что в три раза превышало общее число членов рабочих союзов, равнявшееся в 1908 г. 76 тыс., считая также и организованных рабочих мелкой и ремесленной промышленности, железных дорог, государственной и общественной службы и пр.

История организации работодателей в Австрии начинается со середины последнего десятилетия минувшего века. Учредившийся в 1897 г. Союз австрийских промышленников объединил 2341 предпринимателя с 389 тыс. рабочих крупной и мелкой промышленности. Однако, в том же году начался и процесс выделения крупной промышленности в особые организации, в виду различной тактики, требуемой интересами мелких и крупных работодателей. Первыми ласточками оказались работодатели металлической промышленности и машиностроения, образовавшие свой собственный союз. В середине первого десятилетия текущего века мы уже застаем в Австрии Zentralverband der Industriellen, в котором числится 44 местных промышленных организаций крупных работодателей. В 1908 г. 18 организаций, контролирующих 80 т. рабочих, объединяются в Oesterreichischer Arbeitgeber-Hauptverband. Наконец, в 1909 г. три главнейших центральных организации Австрии, — Zentralverband der Industriellen Oesterreichs, Bund oesterreichischer Industrieller и Industriellenklub сливаются вместе и образуют Hauptstelle der Arbeitgeberverbände in Oesterreich, около которого группируются теперь главные кадры организованных работодателей крупной промышленности, между тем как мелкие работодатели остаются верными старому Союзу Австрийских Промышленников.

Рядом с профессиональным объединением австрийских работодателей идет организация для них страхования на случай остановки работ вследствие недоразумений с рабочими. Кое-где попадаются специальные общества страхования. Одно такое общество было учре-

ждено еще в 1910 г. Союзом Австрийских Промышленников. Но чаще вознаграждение за убытки вследствие остановки работ во время стачек и локаутов выдают сами профессиональные союзы работодателей.

Почти одновременно с Австрией вступает на путь организации работодателей Италия. Но заметно это дело стало здесь развиваться с наступлением XX века. В 1901 году устроились работодательские организации в бумажной промышленности, кожевенной и по выделке изделий из кожи. В следующем году организационная лихорадка захватила графическую промышленность, а в 1903 г. — некоторые отрасли металлической промышленности. С последнего же года устраиваются и смешанные центральные союзы, федерации местных и промысловых организаций. Первая федерация, устроившаяся в Монце, обняла промысловые союзы промышленности шляпной, ткацкой, красильной, металлической и по обработке дерева. Но особенно много успела в смысле создания одной общей для всей Италии федерации работодателских союзов учредившаяся в 1906 г. *Liga Industriale*, собравшая очень скоро у себя 242 организации разных форм. Накануне войны в Промышленную Лигу входило 6 тыс. работодателей, у которых было занято до 400 тыс. рабочих. Стой же целью объединения работодателских союзов учредилось в 1910 г., на подобие немецкой *Hauptstelle*, *Confederazione Italiana dell'Industria*, к которой примкнуло союзов с 1200 членов, обслуживаемых 160 тысячами рабочих. Официальные данные, крайне неполные, насчитывали в промышленности Италии 69 работодателских союзов разного типа. Как особенность Италии, необходимо отметить успехи, сделанные организациями работодателей в сельском хозяйстве, в pendant к получившим в Италии широкое развитие союзам сельско-хозяйственных рабочих. Первые организации работодателей в сельском хозяйстве появились в округах Павии и Берчелли. В 1907 г. образовался для сельско-хозяйственных организаций работодателей Центральный Союз, в который вошло 30 местных организаций с 8582 членами. Работодателских союзов в итальянском сельском хозяйстве пред войной насчитывалось по неполным официальным данным 66, из которых 55 имело 19 тыс. членов, а 44 имели под своим контролем 799 тыс. гектаров обрабатываемой земли. При Центральном Союзе имелась касса для страхования на случай остановки работ из-за недоразумений с рабочими.

Скажем в заключение несколько слов о работодателских организациях в России. До 1905 г. Россия стояла в стороне от уже успевшего захватить весь капиталистический мир движения. Запретительное отношение государственной власти к рабочим организациям; взгляд на стачки, как на уголовное преступление, преследуемое и караемое и в законодательном порядке, и в административном; слабое развитие чисто социалистического движения, которое все ушло в борьбу со старым государством, — все это служило для работодателей такой охраной их интересов что ни в какой борьбе с своей стороны они не нуждались — ни организованной ни разрозненной. Перелом произошел в 1905 г. Но „Новый порядок“ продолжался не долго. Свобода рабочих коалиций, свобода стачек и пр. скоро были захлестнуты реставрационными волнами. Тем не менее работодателские организации, вызванные к жизни месяцами революционных брожений,

остались, и хотя очень медленно, но все таки развивались. Чаще всего они существовали под чужим флагом. „Рабочим вопросом“, между прочим, занимались у нас разные промышленные общества, разные „съезды“ промышленников и т. д. Однако, известны и чисто профессиональные работодательские организации. Таковы, например, Петербургское Общество Фабрикантов и Заводчиков, обслуживавшее в 1908 г. 163 фирмы с 100¹/₂ тыс. рабочих, и Общество фабрикантов и заводчиков центрального промышленного района. Во многих городах имелись союзы владельцев типографий. Имелись и другие местно- и районно-промысловые союзы: в шерстяной промышленности Лодзи, прошивочной Калиша, суконной волжского района, кожевенной и спичечной северо-западного края и т. д. Местные смешанные союзы работодателей существовали в Риге, Варшаве, Белостоке, Костромском районе и пр.¹⁾.

IX.

Начало работодательских организаций в Германии относят к середине XIX столетия. В 1850 году 25 предпринимателей образовали в перчаточной промышленности союз, который, впрочем, не просуществовал и целого года. Первый удачный опыт относится к 1869 году, когда немецкие типографы объединились в союз для противодействия организовавшемуся тремя годами ранее союзу печатников. Этот союз существовал все время, но его задачи пережили сложную эволюцию. До 1870 года он был обыкновенным хозяйственно-промышленным союзом, который имел в виду не только интересы хозяев, но и интересы промысла. В 1870 году на первый план выступают у союза задачи „упорядочения“ отношений между трудом и капиталом на почве компромиссных соглашений. Строго классовый характер союз приобретает только в середине первого десятилетия XX века, когда он достигает также и высшего расцвета. Так, за все первые 35 лет своего существования союз никогда не имел больше 1—1¹/₂ тысяч членов. Впервые союз перешел эту цифру только в 1905 году, когда число его членов достигло 2405 чел. Затем, возрастая непрерывно, состав союза достигает в 1907 году 4083 чел. и к 1910 году 6-ти тысяч. Одновременно с союзом типографов появился союз фабрикантов лайковых перчаток. И этот союз преследовал общие хозяйственно-промышленные цели, пока в 1889 году он не преобразовался в союз фабрикантов кожаных перчаток. Из образовавшихся после того союзов известны организовавшийся в 1872 году *Arbeitgeberbund für Steinhauer in Westfalen*, который не оставил по себе никаких

---

¹⁾ Симптомом назревавшего в русском сельском хозяйстве организационного движения среди работодателей служил союз, образованный, по сведениям „Одесских Новостей“, землевладельцами Елисаветградского уезда с целью нормировать цены на рабочие руки. „Этой мерой действительно был достигнут наем рабочих по намеченным землевладельцами ценам. Рабочие, сначала не согласившиеся на цену в 55—60 руб. ло Покрова, затем были вынуждены на эти ставки“. Цитир. по „Рус. Вед.“, 1910, № 140. В значительной степени профессиональные интересы работодателей защищало образовавшееся в 1910 г. промышленно-торговое общество Северо-западного края, которое, согласно уставу, способствовало „урегулированию отношений между владельцами предприятий, их служащими и рабочими“.

заметных следов, и лейпцигский союз владельцев переплетных мастерских, просуществовавший недолго и снова возобновившийся уже в 1900 г. Что происходило в последующее время, можно судить по тому, что из союзов, зарегистрированных Кесслером в 1903 году, по одному образовалось в 1883 г и 1884 гг., по два—в 1885 и 1886 гг., один—в 1887, четыре в 1888 и т. д.; в целом от 80-годов дожило 25 союзов и от первой половины 90-х годов—33, между тем как от восьмилетия 1895—1902 гг. осталось 175 союзов. Необходимо при этом иметь в виду, что и образовавшиеся до середины 90-х годов прошлого столетия организации были хозяйственно-промышленными союзами, главным образом, и лишь впоследствии они преобразовались в союзы профессионально-работодательские.

Рост работодательских союзов в Германии в последние годы виден из следующих данных официальной статистики. Всего союзов было к 1910 году зарегистрировано 2613, но год учреждения установлен только для 1462-х. Из них учредились:

С о в е т ы:			
	До 1903 г.	1903—1906 гг.	1907—1909 гг.
Общеимперские	30	22	28
Областные и провинциальные	88	105	71
Местные	225	499	394
Всего	343	626	493

Из этой таблички мы видим, что в 1903—1906 гг. учредилось в Германии союзов в два раза более, чем за все предыдущее время. Затем в последние три года образовалось еще 493 союза, или почти 34 проц. всех союзов, относительно которых известен год учреждения. При этом необходимо отметить, что быстро увеличивается число не только местных союзов, но и областных, а также,—что в особенности важно,—союзов общеимперских. Следовательно, мало того, что все работодательское движение Германии—дело последних до войны лет, но к этому времени относится и наиболее важный его этап, его объединение и централизация, без которых новейшее направление в деятельности работодательских союзов лишено было бы твердого и крепкого базиса. Можно даже сказать, что последние годы были посвящены, главным образом, централизации: число образовавшихся в трехлетие 1907—1909 гг. местных и областных союзов сократилось сравнительно с 1903—1906 гг., между тем как общеимперских союзов образовалось на 27 проц. более.

Поскольку достаточно полны сведения о существующих в Германии работодательских организациях, постольку серьезными проблемами страдают данные об их размерах. Размеры работодательских организаций определяются числом участвующих в союзах лиц и количеством занятых у последних рабочих. Данные этого рода собирались германской статистикой два раза и в оба раза результаты оказались не вполне удачными. К 1909 году число членов удалось зарегистрировать для 2385 и число рабочих у объединенных работодателей—для 1435 союзов из 2592-х. Объединенных работодателей при этом получено было 159,304 чел. и рабочих у них 3.648.679 чел. К 1910 г. число членов зарегистрировано уже только для 1923 и количество рабочих—лишь для 1414 союзов, между тем как общее число союзов

поднялось до 2613. Следовательно, вторая регистрация работодателеских союзов оказалась в еще более невыгодных условиях, чем первая. Интересно, однако, что, если число полученных членов, как и следовало ожидать, сократилось в соответствии с сокращением числа союзов, указавших свой членский состав,—на этот раз их насчитано 115,095 чел.,—то рабочих теперь зарегистрировано было даже более, чем к 1909 году, именно 3,854,680 чел. Другими словами, по статистике 1909 г. на одного организованного работодателя приходилось 23 контролируемых работодателескими союзами рабочих, а по статистике 1910 г.—34. Нет оснований думать, что вообще процесс концентрации промышленности так далеко пошел в Германии за один только год. Очевидно, последней регистрации просто удалось охватить союзы наиболее крупных работодателей, а так как крупные работодатели не нуждаются в многолюдных союзах, то среднее число членов на один союз, наоборот, сократилось: в то время, как теперь в среднем на один союз пришлось по 60 работодателей, в предыдущем году их было 67.

Как бы то ни было, но собранные в Германии данные в работодателеских союзах за два года в общих итогах несравнимы между собою. Но если вследствие этого нельзя установить динамики явления во всем его объеме и с исчерпывающей полнотой, то до некоторой степени можно приблизиться к этому сравнением изменений, происходящих в двух федеративных организациях, которые объединяют значительную часть германских союзов, обслуживающих преимущественно наиболее крупных работодателей. Это—Hauptstelle deutscher Arbeitgeberverbände и Verein deutscher Arbeitgeberverbände. Обе они учреждены в 1904 г. и существовали непрерывно до последних дней мирной жизни Германии.

	Hauptstelle.		Verein.		Рабочих членов обоих федераций
	Членов.	У них рабочих тыс.	Членов.	У них рабочих тыс.	
1904 год	?	457	?	656	1,113
К 1906 году	?	712	?	840	1,552
„ 1907	?	782	?	1,044	1,826
„ 1908	?	900	?	1,400	2,300
„ 1909	6,144	988	32,500	1,450	2,438
„ 1910	6,589	1,028	50,000	1,600	2,628

Индивидуальные особенности обеих федераций выясняются из сопоставления числа членов в каждой с количеством занятых у них рабочих: Hauptstelle обслуживает более крупные предприятия, чем Verein. На политику федераций это их различие не влияло. Поэтому на них обеих можно смотреть только как на разветвления одного и того же течения, выражающего классовую организацию работодателеских интересов. И действительно, с 1909 года, если обе федерации не соединяются вместе, то они вступают между собою в соглашение, которое делает из них своего рода федерацию высшего типа, устанавливая между ними сотрудничество в главнейших отправлениях.

Вместе с тем, однако, развитие каждой федерации идет самостоятельно, так как она действует в своей собственной области: одна в сфере крупного капитализма и другая в сфере среднего. Это об-

стоятельство необходимо иметь в виду, чтобы понять смысл того факта, что не все организованные работодатели Германии входят в федерации.

Причиной тут служат не размеры предприятий, а потому и не отношение к классовой борьбе, а разные факторы, вероятно, вполне случайного характера. Вот почему, если район действия обеих федераций не исчерпывает всего организационного движения работодателей Германии, то рост федераций все таки вполне отражает в себе темп и силу всего движения. Если же обратиться к росту федераций, то из таблички видно, что за пять лет число их членов увеличилось с 1,113 тыс. человек до 2,628 тысяч. Это даст ежегодного прироста более 27 процентов. Такого усиленного роста мы не находим ни в одну из самых даже счастливых эпох развития германского рабочего движения. Центральный союз германских рабочих организаций быстро развивался в два пятилетия: в 1895--1899 гг., когда число его членов поднялось с 259 тысяч до 580 тыс., и в 1902—1906 гг., когда вместо 733 тыс., численный его состав достиг 1,690 тыс. Следовательно, приросте работодателского движения в последние пять лет на 27 процентов в год, рабочее движение в две наиболее счастливые для него эпохи увеличилось в среднем ежегодно на 25 проц. в первую эпоху и на 24 проц. во вторую.

Попытаемся теперь, пользуясь данными официальной статистики в 1910 году, определить относительную силу работодателских организаций в отдельных отраслях промышленности Германии, сравнительно с размерами самой промышленности с одной стороны, и с силой рабочих организаций с другой. Материал, которым тут приходится оперировать, это—число рабочих, во-первых, контролируемых работодателскими союзами, во-вторых, участвующих в рабочих союзах и в третьих, зарегистрированных промысловой переписью в Германии в 1907 г. Что касается последних данных, то необходимо иметь в виду, что они, как и данные о контролируемых работодателскими организациями рабочих, касаются капиталистической промышленности, под которой следует понимать крупное производство, в данном случае—предприятия с 51 рабочим и более на каждое, между тем, данные о составе рабочих союзов касаются также ремесленной и разных других видов мелкой промышленности. Очевидно, роль организованного труда обрисовуется в несколько преувеличенном виде. Затем всю массу контролируемых работодателскими союзами рабочих распределить по отдельным производствам невозможно, так как значительная часть, именно 888 тыс., контролируется смешанными союзами, и по отдельным отраслям промышленности она не может быть распределена. Далее, не все данные о рабочих союзах годятся для сравнения. Категория „фабричных рабочих“, без указания промыслов, которые они обслуживают, должна быть исключена. Но в рабочей статистике нет цифры занятых в химической и бумажной промышленности; это, видимо, и суть „фабричные рабочие“. Однако, категорически утверждать это нельзя, и соответственные отрасли промышленности мы устранили из сравнения. Точно так же сравнению не поддаются полиграфическая промышленность и промышленность по обработке дерева, в рабочие союзы которых входит много лиц, занятых в мелком производстве,

почему численность их членов превышает общее число капиталистических рабочих этих двух видов труда. Отметим, наконец, что в принятое нами количество организованных рабочих вошли члены всех рабочих союзов Германии — не только социалистических, но и либеральных, католических и т. д., за исключением только „желтых“.

Отрасль промышленности.	Число рабочих контролируемых работодателями и рабочими союзами в 1909 г.		Число рабочих, занятых в предприятиях с 51 и бол. рабочими по переписи 1907 г.		На 100 рабочих, занятых в промышленности, контролируется союзами:	
	в тысячах		в тысячах		работодателями	рабочими
Металлическая промышленность и машиностроение	754	545	1229	61	44	
Строительное дело	525	289	633	83	46	
Текстильная пром.	474	129	734	65	18	
Горноделание	451	116	832	54	14	
Обработка земли и камня	193	77	404	48	19	
продуктов питания	129	105	270	48	40	
Одежда и чистка	61	95	191	31	50	
Обработка кожи	13	33	73	18	45	

В первых шести отраслях промышленности, имеющих наиболее высокий процент контролируемых работодателями организациями рабочих, роль работодателямского контроля несравненно сильнее контроля, который имеется в руках рабочих союзов. Это обстоятельство тем более важно, что в указанных промышленностях работает более 4-х мил., или 94 проц. рабочих, занятых в перечисленных в табличке отраслях, и около 77-ми проц. всех рабочих капиталистической промышленности. Что касается остальных двух отраслей, то здесь большую роль играет мелкое производство (в обработке кожи к мелкому производству относится 63 проц. всех занятых рабочих, а в приготовлении одежды — даже 87 проц.), и этим необходимо объяснить, как слабое у них развитие работодателских организаций, так и наоборот сравнительно высокую силу рабочих союзов, опирающихся, очевидно, на ремесленных подмастерьев. Таким образом, если и по далеко неполному подсчету, для всей промышленности Германии контролируемая работодателями организациями трудовая армия в 3,855 тыс. человек значительно превышает все кадры организованного в рабочих союзах труда, — его по вполне исчерпывающим данным за 1909 год имеется в Германии 2,890 тыс. человек, — то в сфере капиталистической промышленности разница в пользу работодателских организаций, очевидно, еще гораздо значительнее. При этом необходимо еще помнить разницу во времени, затраченном теми и другими на мобилизацию своих сил. Если рабочее движение насчитывало себе в Германии больше 40 лет жизни, из которых два десятилетия посвящены были особенно интенсивной организационной работе, то своих, в пол-

ном смысле замечательных, успехов работодательские организации добились, главным образом, за несколько последних до войны лет.

Х.

Ознакомление с историей распространения и развития организаций работодателей во всем мире и, главным образом, в Германии приводит нас к заключению, что, раз найдя почву для своего развития, работодательские организации приобретают им одним только доступную возможность вырасти в колоссальную силу за невероятно короткий срок, или, вернее, — что результаты, которых рабочие организации не получают в десятки лет, достигаются работодательскими организациями в срок, во много раз меньший. Везде мы встречаем одну и ту же картину исключительно быстрых успехов, чуть ли не сказочного развития, — роста, который за несколько лет превращает едва заметные ростки в могущественные деревья. Однако, все то, что для разных государств является хотя и очевидностью, но все таки лишенным категорических подтверждений предположением, вырисовывается в Германии, как доказанный факт, как вывод из надежных массовых исследований. Ясно, что каково бы ни было будущее работодательского движения в целом и отдельных работодательских организаций, отныне мы имеем пред собою бесспорный факт, с которым необходимо серьезно считаться: свою способность мобилизоваться необычайно широко и быстро работодатели доказали вполне. Таким образом, когда теперь говорят об организованном участии в классовой борьбе, то под этим нельзя уже подразумевать одних только рабочих, ибо организованными участниками в классовой борьбе являются ныне во всяком случае одинаково и рабочие и работодатели.

Накануне войны работодатели всего мира представляли собою организованную армию, с которой приходилось крепко считаться в границах каждой политической единицы. Но будущее вырисовывалось еще в более грозном виде. Судя по всему, с организованной армией работодателей уже до войны нужно было считаться также, как с величиною интернационального типа. Пока интернациональное объединение работодателей было делом новым, едва зарождавшимся. Промысловые объединения работодателей разных стран имелись в судоходстве — для Англии, Германии, Бельгии, Швеции, Дании, Голландии, и в портняжной промышленности Германии, Австрии, Венгрии и Швейцарии. В процессе организации находился международный союз в строительном деле (*Federation Internationale de l'industrie du Bâtiment et de travaux publics*); между Германией, Австро-Венгрией, Швецией, Норвегией, Англией, Бельгией, Францией, Голландией, Швейцарией и Данией соглашение уже было налажено; с С. Штатами С. Америки велись переговоры; посланы были также предложения Италии, Испании, России. С 1907 года полное взаимодействие между объединенными в федерациях работодателями всех отраслей промышленности существовало для Швеции, Норвегии и Дании. Словом, близко было время, когда мечта об интернационале, осуществлявшемся пока в виде международных социалистических конгрессов и конгрессов отдельных отраслей труда, была бы подхвачена также работодателями и сделалась для них такой же

задачей дня, какой сделалась для них вообще идея организации своих сил для участия в классовой борьбе.

XI.

Мы видели, какие размеры приняли накануне войны организации работодателей во всех капиталистических государствах, в какую грозную силу они выросли за несколько лет. Каковы цели и задачи этого движения? Определение, которое Кеслер¹⁾ дает работодательским объединениям, — „союз работодателей есть... организация промышленных предпринимателей для урегулирования своих отношений к организованным рабочим“, — это определение даже не приближается к раскрытию внутренней природы нового явления. В процессе „урегулирования отношений к организованным рабочим“ со стороны работодательских союзов важен этап, на котором он, этот процесс, должен остановиться, а не весь процесс в его общем и безконечном виде. Под „урегулированием отношений“ одинаково понимаются и компромиссные соглашения, и подчинение требованиям рабочих, и, наоборот, безусловное подчинение рабочих требованиям предпринимателей. Между тем, очевидно, что в зависимости от того, о каком „урегулировании“ идет речь, работодательский союз ставит себе те или иные цели, те или иные задачи, и идет к ним теми или иными путями.

Работодательский союз, не рассчитывающий оказать влияние на рабочих, может иметь в виду одну цель — сделать „несчастье“ общим для всех членов организации, распределив одинаково между ними его тяжесть; задача такого союза — борьба не с рабочим, а с неразумным эгоизмом своих собственных товарищей, сознательно вредящих друг другу предпринимателей. Точно так же своеобразную цель преследует союз, понимающий под „урегулированием отношений“ к труду компромиссные соглашения. Такой союз также мирится с „несчастьем“; его цель — только сократить по возможности размеры „несчастья“. В соответствии с этим он считает своей задачей противопоставить силе силу, если не равную, то хотя бы такую, чтобы труд видел, что его победы даром ему не достаются, и чтобы время от времени можно было расшатывать позиции труда, пользуясь случайно благоприятными для того конъюктурами. Наконец, вполне иное „урегулирование отношений“ имеет в виду союз работодателей, задающийся целью сделать предпринимателей полными, безусловными, неограниченными, свободными от какого бы то ни было внешнего контроля, как со стороны рабочих, так и со стороны их организаций, „хозяевами“ в своих предприятиях. Его задачей может быть только уничтожение силы организованного труда, полное подчинение рабочих воле и приказу нанимателей и их уполномоченных, следовательно, превращение рабочего, — организованного или неорганизованного, это безразлично, — в послушное орудие, гарантированное от какого бы то ни было проявления „злой воли“.

Напрасно стали бы мы искать в уставах работодательских союзов ответа на вопрос об их целях и задачах. Уставы союзов не только

¹⁾ R. Kessler. Die deutschen Arbeitgeberverbände. В., 1907.

одной и той же страны, но и всего мира составлены почти в одних и тех же выражениях, даже словах; все они скроены по разумному правилу, что искусство говорить — это умение говорить так, чтобы ничего не сказать, либо в крайности сказать мало. Немецкий Hauptstelle ставит себе целью „добиваться мирных отношений между работодателями и рабочими“. Такую же „цель“ ставит себе немецкий Verein. Австрийский Hauptstelle более многословен в определении своих целей. Но и он формулирует их так, что под ними можно понимать, что угодно. Его цели... „b) защита против несправедливых требований рабочих, c) охрана желающих работать и d) организация полезных для предпринимателей учреждений“. Итальянская Lega должна: „a) защищать и охранять интересы ее членов и всей промышленности, b) целесообразно вмешиваться в видах обеспечения и охраны свободы труда, c) поощрять установление добрых отношений с рабочими“. Как видим, все себе ставят в высшей степени мирные, иногда даже для рабочих доброжелательные („охрана желающих работать“, „охрана свободы труда“) цели. Американец, конечно, не привык к европейским деликатностям. Но он усердно декорирует шипы работодательских союзов в официальных уставах, хотя в конце концов это ему не удастся. National Metal Trades Association сохраняет за своими членами „вполне право решать, в каких условиях данная работа должна производиться“, и требует, чтобы работодатели „сами оценивали способности рабочих“ не потому, что своя рука — владыка, а исключительно по той единственной причине, что „работодатели ответственны за продукты труда своих рабочих“. Правда, Ассоциация „ни в коем случае не намерена допускать посягательства на предприятия“ своих членов со стороны рабочих, но помимо этого она „не покушается на права рабочих организаций“. Подобную же „корректность“ Ассоциация проявляет в отношении забастовок. Стачки „должны быть выведены из употребления; ни один из членов нашей организации ни в какие отношения не вступает с участниками стачек“. За то строго Ассоциация относится и к локаутам: она „не дает согласия на локаут, пока вопрос не рассмотрен третейским судом“. Как видим, и тут, хотя и вполне прозрачный, но все таки вуаль прикрывает цель, ни в каких комментариях, впрочем, не нуждающуюся: ни под каким видом и ни с какой стороны не допускается вмешательства ни отдельного рабочего ни рабочей организации в „права“ работодателя. Такую же неспособность спрятать истинную свою сущность проявляет и известная интернациональная федерация работодательских организаций International Shipping Federation, которая, „с целью всеобщей защиты и всеобщей помощи своим членам“, борется, во-первых, с опасными стачками, во-вторых, бойкотирует организованных рабочих и, в третьих, организует штрейкбрехеров.

Однако, выясненную в полной мере целей и задач работодательских организаций их уставы помогают очень мало; для этого необходимо обратиться к их деятельности. В последней Кеслер различает: 1) мероприятия для охраны от рабочих движений и стачек, 2) мероприятия для обессилиения и обезвреживания стачек и 3) па- ритетные соглашения с рабочими. „Мероприятия первого рода—говорит Кеслер—применяются, когда движение рабочих союзов можно

уничтожить, разбить или, по крайности, сделать безвредным. Если эта тактика не удастся, обращаются к непосредственной борьбе, пуская в ход мероприятия второго рода. Померявшись достаточно силами, обе стороны рано или поздно обращаются к переговорам и к общей работе, как она намечается третьей группой средств¹⁾. В этом переходе из одной стадии в другую, с увенчанием всего здания паритетными соглашениями, Кеслер видит не просто повседневную политику работодательских союзов, а эволюцию, которую они должны пережить; паритетные соглашения вообще должны сделаться и в конце-концов, действительно, сделаются единственной задачей работодательских союзов. Остановившись на вопросе, чем окончится „бесконечная война“ между работодательскими союзами и рабочими, Кеслер говорит: „Нечего, понятно, и думать о том, чтобы ограничить рабочих в праве коалиций и стачек; равно ошибочны надежды на обязательный государственный третейский суд... Если мир может прийти, то не со стороны, а только из среды самих борющихся сторон... Он должен опираться на свободное от государственного принуждения паритетное соглашение. Такие соглашения мы и имеем в Германии уже тысячами: это... тарифные договоры. Они, вероятно, не последняя, но для настоящего времени лучшая форма умиротворения труда и капитала²⁾. Этот взгляд Кеслера разделяется многими исследователями. Его принимает целиком в русской литературе, например, Г. Г. Швиттау³⁾. Мы поэтому прежде всего остановимся на нем.

Насколько паритетные соглашения можно, в самом деле, считать, хотя бы для времени до войны, „лучшей формой умиротворения труда и капитала“, в данный момент нас, конечно, мало интересует. Во-первых, нужно иметь слишком оптимистическое представление о сущности недоразумений между трудом и капиталом, чтобы допустить возможность между ними не только прочного мира, но хотя бы длительного перемирия. Во-вторых, не субъективные оценки паритетных соглашений со стороны исследователей имеют для нас цену, а взгляды на эти соглашения, господствующие среди работодателей. О рабочих мы не говорим, так как, поскольку они стоят на точке зрения классовой борьбы, как ее понимает новейший социализм, они вообще видят во всяких соглашениях с капиталом лишь временный перерыв в военных действиях. Что касается работодателей, то для их отношений к паритетным соглашениям в высшей степени характерно заявление одного из вождей работодательского движения в Германии, председателя Hauptstelle, д-ра Тенцлера, сделанное им в июне 1909 года на совещании о заключении тарифного договора между кенигсбергской фирмой по обработке дерева и соответственным рабочим союзом. „Мой взгляд и взгляд Hauptstelle,—сказал д-р Тенцлер,—как и взгляд союза работодателей по обработке дерева в Кенигсберге,—что от тарифных договоров вообще необходимо отказаться“⁴⁾. Эти слова Тенцлера заслуживают серьезного внимания. В

¹⁾ Kessler, упом. соч., стр. 141.

²⁾ Kessler, упом. соч., стр. 341.

³⁾ „Промышленные конфликты“. Спб., 1911, стр. 456 и след.

⁴⁾ Correspondenzblatt, 1909, № 46.

них сказалоcь классовое мирозерцание нового работодателя, без всяких идиллических очков смотрящего на взаимоотношения труда и капитала.

Что такое паритетное соглашение с точки зрения классовых интересов? Для рабочего это—перерыв в борьбе, временный отдых, купленный ценой уступок, как бы соглашение ни было для него выгодным, потому что работодательскую прибыль он вообще считает ненужною. Наоборот, работодатель трудно мирится с какой бы то ни было уступкой рабочим, как потому, что она для него убыточна, так и потому, что по логике вещей одна уступка подготавливает почву для другой. И получается, что работодатель будет искать всякого повода нарушить соглашение, заключенное при хорошей конъюнктуре, следовательно, выгодное для рабочих, а рабочий о том же будет думать, если соглашение было заключено в невыгодное для него время. Очевидно, паритетное соглашение имеет какое либо значение, лишь как средство установить перемирие для сторон, временно утомленных войной, но отнюдь не разочаровавшихся в ней; на него ни одна сторона не смотрит иначе, как на передышку, которая позволяет собраться с силами для продолжения войны.

Это значит, что паритетное соглашение для обеих сторон является не более, как временным уклонением от тех отношений борьбы, которые они считают для себя неминуемыми и которые могут окончиться, с точки зрения рабочих, когда работодатель уйдет со сцены жизни, а с точки зрения работодателей, когда рабочий так основательно будет согнут в бараний рог, что нечего будет бояться новых с его стороны выступлений. Вот почему рабочие, пока они чувствуют свою силу, крайне неохотно заключают тарифные договоры, равно как и работодатели по мере того, как растет и крепнет их организация, должны все с большим пренебрежением относиться к компромиссным соглашениям. Число тарифных договоров, конечно, будет расти, но это будет обозначать не стремление к мирной жизни, а обострение и ожесточение борьбы, крайнее ее усиление, доводящее и победителей и побежденных до необходимости приостанавливать на время военные действия. Вряд ли большую цену имеют тарифные договоры, заключенные в 1909 г. в Швеции под влиянием неудачи генеральной стачки или в германской строительной промышленности в 1910 году под влиянием неудавшегося грандиозного локаута. Между тем будущее принадлежит именно таким договорам, договорам, так сказать, из-под палки, далеким от всякой иллюзии социальной гармонии. Очевидно, следовательно, для работодателъского движения, как и для рабочего, типическим моментом нужно считать не паритетные соглашения, малоценные и в настоящем и лишенные какой бы то ни было цены, как средство увенчания социального зла и умиротворения социальных отношений,—а только период борьбы, ее систему, ее, так сказать, политику. Именно политику борьбы необходимо проанализировать, чтобы осмыслить „миссию“, ради которой призваны к жизни работодателъские организации.

Мероприятия, к которым работодателъские организации прибегают в борьбе с организованным трудом, Кеслер, как мы видели выше, различает, смотря по тому, предупреждают ли они или пресекают ра-

бочие движения. Такая классификация не отвечает существу дела. Кеслер сам говорит, что „глубоко ошибочно мнение“, будто устранением отдельных лиц, а только таким устранением занимаются предупредительные меры, по классификации автора,—можно предупредить наиболее резкое проявление рабочего движения, стачку, ибо „стачка—не создание неблагонамеренных людей“; „обыкновенно стачка имеет гораздо большее основание в условиях“, служащих почвой для деятельности агитаторов¹⁾. Но классификация Кеслера плоха, главным образом, еще потому, что очень редко можно установить, какую цель преследует данная конкретная мера, так как она употребляется в разных случаях и для разрешения разных задач. Так, к предупредительным мерам Кеслер относит черные списки, необходимость для рабочих представлять аттестаты от прежних работодателей, требование от рабочих подписки антикоалиционного характера и, наконец, устройство работодательских посреднических контор по найму рабочих. Эти меры иногда имеют, действительно, значение предупреждения рабочих движений. Чаще всего, однако, они являются средствами вполне развернувшейся борьбы, нередко даже карательными действиями, которыми подводят итог уже ликвидированному столкновению.

Было бы поэтому гораздо правильнее мероприятия, к которым прибегают работодательские организации, различать как оборонительные и наступательные, — если бы и тут мы не наталкивались на противоречивые толкования. Непример, борьба со стачкой носит как будто безусловно оборонительный характер, а объявление локаута—характер наступательный. Но как быть со стачками, спровоцированными работодателями? Или, наоборот, в какую категорию занести локауты, к которым работодатели были вынуждены самими рабочими? А ведь самое беспристрастное исследование конфликта редко в состоянии раскрыть основной, первоначальный его источник, за который обыкновенно принимают лишь последнюю каплю, переполняющую чашу, что, конечно, не правильно.

Все сказанное заставляет нас отказаться также от классификации действий работодательских союзов на основании вызывающих их отивов. Мы возьмем поэтому деление, исходящее из объективных, легко контролируемых признаков, обладающих, кроме того, свойствами, которые всего более интересуют нас в данный момент. Это—действия консервативные, в конечном итоге не стремящиеся к изменению существующих взаимоотношений между трудом и капиталом, и действия радикальные, ставящие себе целью сделать совершенно невозможной дальнейшую борьбу между трудом и капиталом — либо немедленно, либо в более или менее близком будущем.

Но стоит с этой меркой подойти к деятельности работодательских союзов, чтобы стала ясна истинная природа последней. Одну форму этой деятельности с трудом можно было бы еще назвать консервативной, именно мероприятия для парализования вредных для работодателей последствий от наступательных стачек. Все же остальное будет мероприятиями безусловно радикальными, так как конечная их цель — не противодействие требованиям рабочих, а отнятие у них возможности к каким бы то ни было агрессивным актам в отношении

¹⁾ Kessler, упом. соч., стр. 180.

работодателей. При этом, однако, и роль единственного консервативного своего действия работодателя также стремятся ограничить все более и более, и даже просто свести на нет.

Германская статистика делит остановки производства вследствие недоразумений между трудом и капиталом на три категории: наступательные стачки, инициатива которых исходит от рабочих, стачки оборонительные, видимая вина которых принадлежит работодателям, и локауты. Последние две группы до 1900 г. соединялись вместе. Если мы их соединим и для следующего восьмилетия, то получим такие цифры, показывающие рост числа участников в стачках (в среднем за год, в тыс. челов.¹⁾):

	Наступательные стачки.	Стачки оборонительн. и локауты.
1890—1899 гг.	31	9
1900—1904 „	56	39
1905—1908 „	172	136

Из таблички мы видим, что в Германии возрастали также и наступательные стачки. Как велико среди них число спровоцированных стачек, нельзя сказать. Вероятно, не мало. Тем не менее, если число рабочих, участвовавших в наступательных стачках, увеличилось в 1900—1904 гг. на 81 проц. и в 1905—1908 гг.—еще на 207 проц., то число участников в оборонительных стачках и локаутах увеличилось в первое пятилетие в $4\frac{1}{3}$ раза и в следующее четырехлетие — еще в $3\frac{1}{2}$ раза. Очевидно, хотя наступательные действия рабочих внешним образом возрастали, но гораздо быстрее возрастали их оборонительные действия или, что то же самое, наступательные действия работодателей, частью переходящих прямо в наступление, устраивая локауты, частью вызывающих рабочих на оборонительные стачки разными „мирными“ мероприятиями. Особенно расширяется практика локаутов. Если в 1900—1904 годах в локаутах участвовало ежегодно всего лишь 21 тысяча, или около пятой части бывших в конфликте рабочих, то в 1905—1908 годах цифра подвергнутых локауту рабочих достигала уже 100 тысяч в год, или четвертой части всех рабочих, захваченных конфликтами.

Эта наступательная политика работодателей, отодвигающая на задний план наступательные действия рабочих, обращает на себя внимание при насильственных остановках производства во всех государствах, в которых особо ведется регистрация локаутов. В Австрии²⁾ в пятилетие 1895—1899 гг. участвовало в стачках и локаутах 48,2 тысячи рабочих ежегодно, а только в локаутах — 2,6 тысячи или 5,4 процента; в следующее пятилетие общая сумма участников достигла 61,8 тысяч, из коих жертв локаутов было уже 6,2 тысячи или 10 процентов; наконец, в трехлетие 1905—1907 годов на 172 тысячи участников в стачках и локаутах было жертв локаутов 32 тысячи или 19 процентов. Исключительный интерес движение локаутов представляет в С. Штатах С. Америки³⁾. Они сильно здесь практиковались

¹⁾ „Correspondenzblatt“, 1909, № 32.

²⁾ Данные до 1905 г. взяты из книги М. Meyer'a. Statistik der Streiks und Aussperrungen. Leipz., 1907, стр. 79 и 108. Новейшие данные см. Соц.-политич. таблицы, вып. II и III.

³⁾ Statistical Abstract of the U. S., 108, стр. 224.

в семилетие 1883—1889 годов, когда на 198 тысяч стачечников приходилось в год локаутчиков 34 тысячи в среднем. Затем локаутное движение упало. В 1890—1894 годах при 279 тысячах стачечников насчитывалось локаутчиков только 21 тысяча, а в 1895—1899 годах ежегодно захватывалось локаутами в среднем даже всего лишь 10 тысяч при 259 тысячах стачечников. Однако с 1900 года опять усиливается локаутное движение с явной тенденцией к возрастанию, абсолютному и относительному, в следующие годы. В первое трехлетие число локаутчиков сразу поднялось до 31 тысячи, при впрочем также значительно увеличившемся стачечном движении, определявшемся в 450 тыс. человек в год. Но в 1903—1905 годах число стачечников вернулось почти к обычной норме, составив за средний год 328 тысяч человек, между тем как число локаутчиков еще более усилилось, достигши нормы в 75 тыс. человек.

XII.

Чтобы понять, что обозначает указанное быстрое нарастание локаутного движения, достаточно привести характеристику, даваемую локауту самим Кеслером. Кеслер устанавливает три типа локаутов: локауты вспомогательные, или локауты по симпатии, локауты программные и локауты карательные. „Если в одном или нескольких предприятиях работодателям союза слишком долго продолжается стачка, на помощь приходят другие предприятия. Они прекращают вполне или частью работы в расчете, что и без того ослабленный вследствие стачки рабочий союз скорее лишится возможности поддерживать увеличившуюся массу безработных, так что стачечники вынуждены будут сдаться“¹⁾. Как видим, и тут мы имеем дело с обороной, стоящей хорошего нападения, и при том нападения вполне в духе классовой борьбы, а не случайной стычки. Но особенно большое распространение получают в последнее время локауты программные, остановки работ с целью провести принятую работодателями программу изменений заработной платы или рабочего дня, или добиться непаритетной системы трудового посредничества и других ухудшений в условиях труда. Кеслер того мнения, что путем локаутов редко стремятся ухудшить положение рабочих, чаще же всего ими защищают только *status quo* ²⁾). Что это наблюдение во всяком случае не может быть обобщено, что оно связано только с периодом промышленного оживления, в который Кеслер изучал вопрос, видно, не считая мелких фактов, например, из локаута, за которым последовала шведская генеральная стачка 1909 г., из германского локаута в строительном деле летом 1910 г. и т. д. Точно также нельзя согласиться с обобщением Кеслера, когда он ссылается на свои наблюдения, согласно которым карательные локауты, „направленные против, так называемых, демонстративных стачек, стачек, имеющих политическое основание“, встречаются наименее часто³⁾. Карательные локауты, по своему своему смыслу, связаны с обстоятельствами, в отношении кото-

¹⁾ Kessler, упом. соч., стр. 240.

²⁾ Kessler, уп. соч., стр. 243.

³⁾ Там же, стр. 244.

рых инициатива не находится в руках работодателей. Но массовые локауты в последние годы в связи с празднованием 1-го мая показывают, что работодатели не заставляют себя долго ждать, если только находят благовидный предлог.

Итак, в локауте мы имеем все симптомы выступления работодателей на путь активной боевой политики, перехода их от обороны к наступлению. К этому необходимо прибавить, что, значительно обезопасив для себя всякие принудительные остановки производства, работодатели сумели даже самые стачки превратить в средство обессиливания рабочего класса. С того времени, как работодатель стал под защиту страхования и профессиональных организаций, стачка, всегда сопряжённая с тяжёлыми последствиями для рабочих, сделалась обыденным орудием классовой борьбы, — но не для рабочих, а для работодателей, нередко с большим усердием провоцирующих ее.

Мы видели, что во Франции страхование на случай стачек образует главное содержание работодательского движения, на сколько оно проглядывает из-за таинственной завесы, скрывающей профессиональную деятельность патрональных синдикатов. В Англии помощь на случай стачек выдают работодательские союзы из общих своих средств. Обе эти системы практикуются в Германии, по следам которой идет весь капиталистический мир и в данном случае, подобно тому, как это мы видели в отношении профессиональной организации работодателей вообще. Количественно в Германии до войны еще довольно распространена была система поддержки со стороны самих профессиональных работодателей на случай насильственной остановки работ. Таких союзов насчитывалось 35, из коих 30, 0 которых собраны для 1908 г. сведения, имели 12 тыс. членов с 719 тыс. рабочих. Из этой группы союзов 9 не ввели у себя помощь работодателям при остановке работ, как постоянный институт, но предусматривали ее по специальному решению в каждом отдельном случае. У остальных же 26 союзов помощь на случай остановки производства составляла вполне организованную, планомерную деятельность.

Но преимущественный интерес в Германии представляли специальные учреждения работодательского страхования. Они делились на два разряда: на действующие исключительно за свой собственный страх и на перестраховывающие риски в центральных обществах, из которых одно Schutzverband gegen Streikschaден — обслуживало работодательские организации, объединенные в Hauptstelle deutsch. Arbeitgeberverbände, и другое — Gesellschaft des Vereins deutscher Arbeitgeberverbände Entschädigung bei Arbeitseinstellungen — принимало в число членов как самые работодательские союзы, так и отдельных участников последних. Степень развития обоих этих обществ видна из того, что перестрахованные в „Schutzverband'e" 2390 предприятий имели в 1908 г. 364 тыс. рабочих, между тем как клиентура Gesellschaft'a обслуживалась 286 тыс. рабочих в 1906 г., 366 тыс. в 1907 г. и 412 тыс. рабочих в 1908 г. В общем, следовательно, оба общества оказывали в 1908 г. охрану работодателям, имеющим против себя 698 тыс. рабочих. Включая в эту цифру рабочих, занятых, во-первых, в предприятиях, получающих помощь во время остановки производ-

ства из работодательских союзов непосредственно, и, во-вторых, в предприятиях, застрахованных в учреждениях, не перестраховывающих своих рисков,—мы приходим к выводу, что вред от забастовок вполне или отчасти парализовался для работодателей, у которых работало более 1550 тысяч, или около половины всех контролируемых работодательскими союзами рабочих. При этом большая часть застрахованных работодателей получала вознаграждение не только за стачки, но и за локауты. Такое вознаграждение, на сколько удалось узнать, выдавали: перестраховочное общество Gesellschaft, не перестраховывающее своих рисков; Общество немецких металлистов, которое обслуживает 133 предприятия с 25 тыс. рабочих, и Касса при союзе предпринимателей портняжного промысла, контролирующем 24 тыс. рабочих, а также 13 работодательских союзов из числа оказывающих работодателям поддержку за счет собственных средств.

Имея такую опору, как страхование, работодатель, для которого остановка производства никогда не играла такой решительной роли, как для рабочего, особенно с того момента, как организация промышленности освободила его от опасности со стороны конкурирующих фирм,—работодатель превращает не только локаут, но и провоцированные стачки в орудие терроризирования рабочих каждый раз, когда это необходимо для его личных выгод.

Именно к провоцированию стачек он прибегает чаще всего, так как объявление локаута требует разрешения работодательского союза. Проследить это явление, по самой его природе, представляет почти непреодолимые трудности. Если английская статистика отказалась даже от выделения локаута из общей регистрации насильственных остановок производства, так как трудно отделить локауты от стачек, то тем более нельзя отличить спровоцированных стачек от непровоцированных. Но любопытно вот что. В Германии в пятилетие 1899—1903 гг. бастовало ежегодно 83,4 тыс. чел.; в годы же кризиса 1901 и 1902 — среднее число забастовщиков понизилось до 56,4 тыс. в год, сократившись на $\frac{1}{3}$. И это естественно: периоды кризисов неблагоприятны для стачек. Но другая картина получилась в следующее пятилетие. Среднее число забастовщиков на этот раз достигло 237 тыс. в год, а в кризис 1908 г. бастовавших оказалось 199,5 тыс., т. е. менее пятилетней средней только на 16 проц.¹⁾ Почему во второе пятилетие кризис так слабо повлиял на сокращение стачечного движения? Мы знаем, что в это пятилетие громадные успехи сделали работодательские организации вообще и страхование на случай стачек, в частности. Связав оба явления, мы неминуемо приходим к мысли о роли провокационных стачек в кризис 1908 г.

На ту же мысль нас наводит цифра в 224 тыс. непосредственных участников в забастовочном движении Англии в том же 1908 г., тогда как во все предыдущие 9 лет цифра непосредственных забастовщиков ни разу не поднималась в Англии выше 158 тыс. в год²⁾.

Если, таким образом, прошло время, когда забастовка была пугалом для работодателей, если теперь они часто сами готовы ее вызвать

¹⁾ Meyer, упом. соч., стр. 43 и „Соц. - Полит. Таблицы“, 1908—1909 гг., стр. 177 и 1910 г., стр. 232.

²⁾ „Report of strikes and lock-outs“, 1908, стр. 10.

ради тех или иных целей, то тем более готовая почва для остановки производства оказывается, когда от работодательского союза исходит сигнал к локауту или провоцированию стачек. То, что прежде, когда остановки производства вызывались только самими рабочими, было актом отчаяния, становится теперь простым, чуть ли не обыденным тактическим приемом, пускаемым работодателем и его организациями в ход по каждому малейшему поводу.

XIII.

Однако, остановки производства все-таки остаются и в руках организованного работодателя орудием наступательных против рабочих действий только в момент острых столкновений между трудом и капиталом. Между тем военные действия не прекращаются организованным работодателем и в обыкновенное, мирное, так сказать, время. До последнего времени кое-где практиковалась еще система отбирания у поступающих на работу рабочих подписок в непринадлежности к рабочим союзам. Но гораздо большее значение имели черные списки, в которые заносят всех рабочих, имевших несчастье навлечь на себя недовольство работодателей. Часто черные списки заменяются пометками на рабочих книжках, где они обязательны, либо на аттестатах, выдаваемых увольняемым рабочим, и т. д. Но цель всех этих махинаций одна: либо наказать рабочего лишением его возможности иметь работу в течение известного срока, либо вовсе выбросить рабочего из рядов трудящихся если работодатель собственным своим произволом осудил его без всякой пощадь.

С существованием черных списков или заменяющих их суррогатов мы встречаемся одинаково и там, где закон их вовсе не касается, как в Англии, и там, где они законом категорически запрещены, как в С. Штатах С. Америки, равно и во всех других странах, как бы законодательство к ним ни относилось. Широкое распространение их в Германии изобличается массою фактов, а так как бывали случаи вмешательства суда в неблагоприятную для работодателей сторону, то здесь додумались даже до внесения в рабочий договор предварительного отказа от протеста против внесения в черные списки. В Австрии роль черных листов играли рабочие книжки, которые там обязательны. Неожиданно черные списки были открыты и в России, вследствие „нескромности“ фабричного инспектора М. П. Капица, разоблачившего в „Спб. Ведомостях“ (от 23-го декабря 1909 года) соответственную „деятельность“ Петербургского Общества Фабрикантов и Заводчиков.

Зло черных списков, кроме всего, — облакающая их тайна, в сильнейшей степени усугубляющая и без того страшную опасность, проистекающую от предоставления заинтересованной стороне безапелляционной власти над судьбою, нередко над самой жизнью рабочего. И если это средство не дает тех результатов, которые работодателям желательны, то, конечно, отнюдь не потому, чтобы они стеснялись достаточно широко им пользоваться. Дело в том, что чем более разрастаются черные списки, тем труднее ими пользоваться, а пометки на разных документах часто раскрываются и приводят к неприятным

для работодателей последствиям. С другой стороны, по мере развития „классового самосознания“ работодателей, вырастают новые требования к „урегулированию“ отношений между трудом и капиталом в „мирное“ время. И на сцену выступает истинный бич рабочего, непаритетное посредничество труда, выражающееся в устройстве работодательскими союзами контор, с предоставлением им исключительного права снабжать предприятия рабочими, при обязательности для работодателей ни в коем случае не брать рабочих на стороне.

Вот как „Bergnappe“, орган, вовсе не склонный преувеличивать „классовые противоречия“ христианского союза горнозаводских рабочих в Германии, описывает деятельность работодательских контор¹⁾. Раньше, чем рабочий тут получает работу, он „подвергается разнообразному обследованию и опросу“. Известным конторе рабочим ведется специальный кондуит, с особой „черной книгой для грешников“. Даваемые рабочим из конторы записки снабжаются всевозможными знаками, ничего не говорящими непосвященным, но представляющими целую гамму „аттестаций в глазах работодателей“. Скромные две буквы „ZK“, например, заменяют собою для многих рабочих в полном смысле слова смертный приговор, так как они обозначают „Zu keinem“ и осведомляют, что заклеенный этими буквами рабочий, не более и не менее, должен навеки быть отрешен от всякой работы.

Для деятельности контор характерен, между прочим, циркуляр, разосланный конторами Мангейма и Людвигсгафена своим клиентам. Так как раскрылось, что жены и дочери рабочих, обыкновенно занимающиеся домашним хозяйством, становятся на работу ради поддержки своих семейств на время забастовки, то конторы считают необходимым „установить, чтобы нанимающиеся самими предприятиями работницы опрашивались об имени их отца или мужа“; тут же указывается, в какую „рубрику“ получаемые сведения необходимо занести, дабы легче было проверить право претенденток на работу получить ее²⁾. Этот пример показывает также, с каким ожесточением работодательские организации преследуют стачечников. Мы уже знаем, что в ход пускаются локауты по симпатии, чтобы ослабить рабочие союзы и лишить стачечников их помощи. Далее принимаются все меры, чтобы не дать возможности стачечникам найти работу на стороне. И всего этого мало. Даже поддержка, оказываемая стачечникам их женами и детьми, должна преследоваться беспощадно!..

Работодательские конторы труда до войны были делом новым. Тем не менее они успели получить уже значительное распространение. По сведениям, собранным для 1908 года, в Германии имелось 44 центральных конторы, поставивших за отчетный год 427 тыс. рабочих, между тем как пять лет тому назад контор было 32, а число поставленных ими рабочих не превышало 247 тыс. чел. Кроме того, функционировали и местные, так называемые цеховые, конторы, о которых у нас имеются данные для 1904 г., когда они поставили на места около 205 тыс. рабочих. До какой степени эти данные ниже действительности, видно хотя бы из того, что для строительной про-

¹⁾ Цитировано по Vorwärts, 1909, № 277.

²⁾ Soziale Praxis, 1909, № II.

мышленности они устанавливают только 9 центральных контор, хотя известно, что здесь имелось их не менее 145, не считая 22 цеховых контор. Тем не менее и по этим данным оказывается, что значительная часть трудового посредничества сосредоточена была уже в руках работодательских контор: находящимся в ведении публичной власти конторам удалось в 1907—8 г. пристроить общим счетом только 933 тыс. рабочих.

Поскольку рабочие с ненавистью смотрят на работодательские конторы, видя в них орудие их порабощения, постольку лозунгом работодательских союзов все более становилось безусловное и беспощадное противодействие паритетному посредничеству труда, и сосредоточение трудового посредничества исключительно в руках работодателей, — как это решил в очередном собрании 1908 года Verein deutscher Arbeitgeberverbände ¹⁾.

Мы рассмотрели главные пункты тактики работодательского движения. Мы видели, что основная идея этой тактики очень далека от того, чтобы удовлетвориться „вооруженным миром“. Нет в ней также указаний, чтобы отдавалось предпочтение „худому миру“ перед „доброй ссорой“. Поэтому, если можно согласиться с Кеслером, что „ошибаются, когда на высокую организацию и полную кассу рабочих союзов смотрят, как на опасность для промышленного мира“, — ибо они опасны только для капиталистического мира, — то безусловно неправ Кеслер, когда, продолжая свою мысль, он полагает, что „точно также ошибаются, когда в хорошо укрепленных союзах работодателей *eo ipso* видят орудия угнетения рабочих“ ²⁾. Это — факт, который вытекает из всей деятельности работодательских союзов, пропитанной той же идеей органической непримиримости интересов труда и капитала, которая лежит в основании новейшего рабочего движения.

3. Классовая борьба.

I.

Классовая борьба приобретает теперь своеобразный вид. Друг против друга стоят два класса, одинаково сильных солидарностью своею и своей организованностью, и одинаково сознающих, что между ними не мыслимы иные отношения, как отношения победителя к побежденному. Кому из этой борьбы предстоит вернуться домой со щитом, и кому — на щите?

Когда говорят, что в новейшей стадии капитализма важна тенденция к уничтожению индивидуального, частно-хозяйственного предприятия — впервые эту мысль формулировал Шенланк, потом к ней присоединился Зомбарт, — то при этом забывают, что промышленный индивидуализм никогда не исчерпывал собою всего, что понимают под капиталистическим строем, что и в то время, когда промышленный индивидуализм казался неразрывно связанным с капитализмом, первый рассматривался, только как одно из средств установления

¹⁾ Soziale Praxis, 1909, № 7.

²⁾ Kessler, упом. соч., стр. 140.

частно-хозяйственного способа присвоения капиталистической прибыли. Дело, следовательно, не в том, имеют ли предприятия индивидуальную физиономию или нет, могут ли предприниматели указывать, какой именно рубль они „экспроприируют“ у рабочего, пользуясь тем, что распоряжаются орудиями производства. Суть в том, что в предприятиях, безразлично, носят ли они индивидуальный характер, или образуют одно лишь слагаемое в сложном коллективе, — производится прибавочная стоимость, и ее, эту прибавочную стоимость, присваивают себе не представители труда, а лица, распоряжающиеся капиталом. Что же касается вопроса о том, какая прибавочная стоимость — какой именно рубль — создана при содействии одного капитала, и какая — при содействии другого капитала, то он существенного значения не имеет. Обезличение предприятий, которое мы находим в тресте, фузионе, отчасти в картеле, это — обезличение прибавочной стоимости, не более, но отнюдь не изменение характера распределения производимых промышленностью ценностей. Другими словами, обезличение предприятий вовсе не то же самое, что их обобществление. Следовательно, какова бы ни была судьба индивидуального предприятия, не здесь разыграется эпилог капиталистической драмы. Никакое обезличение предприятий не уничтожит буржуазии и рабочих, не уничтожит, значит, и классовой борьбы. Отсюда, если данная форма обезличения укрепляет буржуазию, то тем самым она еще усложняет и обостряет борьбу, и еще более огнивает почву у пропитанного фатализмом взгляда на исход борьбы, у „веры“ в неизбежность победы труда. И именно теперь, когда друг против друга выстроились одинаково вооруженные, одинаково ожесточенные, одинаково готовые к борьбе за каждую „пядь земли“, два непримиримых противника, — утопичность этой веры очевиднее, чем когда-либо.

Существуют два взгляда относительно дальнейшего хода борьбы. По мнению одних, рабочая борьба, под напором организованной буржуазии, теряет смысл; ее место должна занять борьба политическая. Каутский говорит о способности работодательских союзов „преградить дорогу“ профессиональному рабочему движению, об их тенденции воспрепятствовать „прогрессу рабочего класса при посредстве профессиональных рабочих союзов“, об образуемом работодательскими организациями „железном кольце“, из которого пролетариат не может выбраться одними только средствами, доступными рабочим союзам. „Таким образом, — думает он, — как бы рабочие союзы ни нужны были, мы не должны ждать, что впредь одними им свойственными методами они когда-либо снова получают возможность дать пролетариату толчок, какой он от них получил в последние годы. Мы, наоборот, имеем основание ждать, что противник приобретет возможность еще более сократить влияние рабочих союзов“ ¹⁾. Более категорически высказываются люди практики. „Организации предпринимателей, — по мнению маляра F. Forster'a, — и практикуемые ими средства борьбы ограничивают, а зачастую даже уничтожают значение таких, име-

---

¹⁾ К. Kautsky. Der Weg zur Macht. Berlin, 1909, стр. 72, 73 и 76. Рус. перевод. М. 1920.

ющихся в руках хозяйственно-слабых рабочих, способов противодействия силе капитала, как остановка работы, бойкот и т. п. Мелкие успехи не должны идти в счет сравнительно со стоящей перед рабочими тяжелой борьбой с объединенной крупной промышленностью. Что значит их сила против таких организаций, как угольный синдикат, как стальной картель, как электротехническая концерна? Почти ничего" ¹⁾).

Других взглядов придерживаются такие близко стоящие к профессиональным рабочим союзам люди, как председатель генеральной комиссии рабочих союзов Германии К. Легин ²⁾, как Р. Шмидт ³⁾ и друг. „Correspondenzblatt der Generalcomission der Gewerkschaften Deutschlands“, оценивая роль локаутов, пишет: „Нельзя отрицать, что локаутами работодательским союзам удавалось добиться непосредственных результатов, особенно в отношении слабых рабочих союзов. Но тактика локаутов встряхивала также индифферентных рабочих и толкала их в союзы. Из товарищей по несчастью она делала товарищей по борьбе и приводила к росту рабочих организаций" ⁴⁾. В другом месте Correspondenzblatt, возвращаясь к тому же вопросу, указывает на то, что деятельность работодательских союзов рассеивает иллюзии на счет „гармонии труда и капитала“ и способствует „прояснению классового самосознания рабочих и укреплению рабочих союзов" ⁵⁾.

Примирить оба эти взгляда пытается Гильфердинг. Вместе с Легином и другими он признает, что организация работодателей ведет к усилению рабочих союзов. „Последние“, говорит он, „становятся теперь для рабочих единственным прибежищем, если они не хотят отдаться на волю предпринимателей. Тактика предпринимателей захватывает и тех рабочих, которые раньше стояли в стороне от профессиональных союзов. Локауты, особенно генеральные, делают для неорганизованных рабочих вступление в профессиональные союзы настоятельной необходимостью. Быстро растет число членов рабочих союзов, и увеличивается их сила" ⁶⁾. Тем не менее одних экономических способов борьбы теперь уже недостаточно, чтобы успешно бороться с капиталом: „ликвидация конфликтов одними средствами профессиональных союзов становится все затруднительнее“. Выход Гильфердинг, подобно Каутскому, видит в переходе к политической борьбе. Но в то время, как Каутский ищет политических средств борьбы вне профессиональных рабочих союзов, Гильфердинг все надежды связывает с союзами, которые и сами эволюционируют в сторону политической деятельности до такой степени, что приходят к вопросу об образовании независимой рабочей партии и стремятся оказывать влияние на политическую власть" ⁷⁾.

¹⁾ F. Forster. Der Gewerkschaftskampf. „Neue Zeit“, 1909, № 16.

²⁾ C. Legien. Die Taktik der Unternehmerverbände. „Sozial. Monatshefte“, 1908, № 9.

³⁾ R. Schmidt. Der Weg zu Illusionen. „Correspondenzblatt“, 1909, № 32.

⁴⁾ „Correspondenzblatt“, 1908, № 4, статья „Die deutsch. Arbeitgeberverbände“.

⁵⁾ Там же, 1909, № 7.

⁶⁾ R. Hilferding. Das Finanzkapital. Wien, 1910, стр. 460.

⁷⁾ Там же, стр. 466—467.

Итак, пред нами различные взгляды на влияние, оказываемое „вооруженным миром“ между трудом и капиталом на классовую борьбу. Какой из них ближе к действительности?

II.

Прежде всего рассмотрим, на сколько верно мнение, что работодательские союзы содействуют расширению рабочего движения и прояснению самосознания рабочих классов.

В Германии ¹⁾ рост объединенных Генеральной комиссией рабочих союзов, образующих дружественную социалистической партии армию организованного труда,—поразительный в последние годы XIX века, особенно усиливается в довоенные годы XX ст. От 1891 по 1899 год включительно организованная рабочая масса увеличилась с 278 тыс. человек до 580 тыс.; за девять лет, следовательно, прибавилось 302 тыс. человек, что составляет ежегодного прироста около 34 тыс. в среднем. В первые четыре года XX столетия рост рабочего движения опять поднялся. Увеличиваясь ежегодно в среднем на 77 т., в 1903 г. централизованные рабочие союзы состояли уже из 888 тыс. членов. Но в полном смысле головокружительный скачок вверх сделала централизация рабочих союзов в пятилетие 1904—1908 гг. За этот короткий срок численность объединенных союзов достигла 1832 тыс. человек, увеличившись, таким образом, на 944 тыс., при ежегодном нарастании на 189 тыс. человек в среднем. Наконец, в 1913 г. число членов свобод. проф. союзов уже определяется в 2577 тыс. чел. Мы знаем, что работодательское движение, укрепившись в последние годы XIX и в первые годы XX столетий, заметно стало возрастать с 1903 г. Ясно, что связь между укреплением работодателских организаций и их деятельностью, с одной стороны, и чрезвычайным усилением рабочего движения — с другой, не может быть оспариваема.

Но к еще более категорическому выводу мы придем, если рост рабочего движения сопоставим с развитием локаутов,—этого наиболее публичного, можно сказать, даже демонстративного действия работодателских союзов, которое должно вызывать сильнейшую реакцию в рядах труда, если последний вообще реагирует на организацию работодателей.

Как шло дело локаутов до XX столетия—неизвестно. Но за время от 1904 по 1908 год, когда, как мы только что видели, прирост централизованных рабочих организаций, по сравнению с предыдущим четырехлетием, усилился в $2\frac{1}{2}$ раза, число жертв локаутов достигло 69 тыс. в год, сравнительно с $14\frac{1}{2}$ тыс. в 1900—1903 гг.

Что усилившийся темп рабочего движения, в ряду разных иных причин, вызван был также движением среди работодателей, доказывает уже тем, что наибольшие успехи сделали рабочие организации, близкие социалистическому миросозерцанию, т. е. организации.

---

¹⁾ О рабочем движении см. *Internationale Berichte*, 1907 г., стр. 92 и 1908 г., стр. 128 и *Stat. Jahrbuch d. D. R.*, 1909, стр. 286 и 288. О локаутах—*Meuser. Statistik der Streiks und Aussperrungen*, стр. 71 и С. Зак. Социально-политические таблицы, 1908—9, стр. 180 и 1910, стр. 235.

которые более сознательно реагируют на все, что происходит в буржуазных рядах. Так, гириш-дункеровские рабочие союзы в 1900—1903 гг. увеличивались ежегодно на 6 тыс. человек. В следующее трехлетие их ежегодный прирост составляет уже лишь 2,9 тыс. человек. Начиная же с 1907 года, союзы не только перестают развиваться, но обнаруживают тенденцию к сокращению. В 1913 году у них имеется всего 107 тыс. членов, тогда как в 1906 году число их членов равнялось 118¹/₂ тыс. человек. В том же году сократилось число членов и у христианских рабочих союзов, поддерживавшихся до того времени исключительными, только им одним свойственными, причинами. Очевидно, и эти причины не устояли в конце концов против влияния работодательских организаций, раз христианские союзы потеряли в 1913 году около 2 тыс. членов, между тем как до того они, наоборот, развивались из года в год.

Широкое развитие тред-юнионов до XX столетия, с одной стороны, и отсутствие статистики локаутов—с другой, затрудняют возможность проследить влияние работодательских организаций и их новейших тенденций на рабочее движение в Англии. В то же время и влияние это здесь должно было быть не особенно велико, так как боевая тактика работодательских союзов Англии до войны едва лишь намечалась. Тем не менее знаменательно, что если по 1898 г. за долгое время существования тред-юнионов им удалось сорганизовать 1.685 тыс. рабочих, то к началу XX века, т. е. за три года, к этой цифре прибавилось новых 267 тысяч. С 1902 года в движении тред-юнионов начинается поворот назад, который к 1904 году низводит число организованных рабочих до 1.895 тыс.¹⁾ Это был период наиболее неудачных стачек в Англии. Если в 1899—1901 гг. 35 проц. бастовавших рабочих сдало позиции работодателям, то в 1902—1904 гг. процент этот поднялся до 40²⁾. Причина неудач лежала, видимо, в том факте, что в 1898 году работодательским организациям Англии удалось объединиться в крепкую федерацию, которая развила особенно свою деятельность к началу XX столетия. Но та же причина, которая сначала пошатнула ряды тред-юнионов, заставила потом всю рабочую массу Англии с особенной энергией приняться за мобилизацию своих сил. И вот уже в 1905 году процесс сокращения числа членов тред-юнионов прекращается и заменяется новым усилением рабочего движения. В 1905 году число членов тред-юнионов увеличилось незначительно, всего лишь на 25 тысяч. Но в 1906 году к этому числу прибавилось уже 194 тыс., а в 1907 г.—еще 293 тыс.³⁾; в 1913 г. тред-юнионистов в Англии было уже 3.928 тыс. чел.

Большое значение в интересующем нас смысле имеет развитие английской рабочей партии, в которой сосредоточилось в Англии рабочее движение новейшего, классового, типа. В 1900 году, когда партия была учреждена, она имела 316 тыс. членов, не считая примыкавших к ней 23 тыс. социалистов. Через 10 лет партия предста-

¹⁾ „Thirteenth abstract of Labour Statistics, 1907—1908, стр. 157.

²⁾ „Report of strikes“, 1908, стр. 93.

³⁾ „Thirteenth abstract“, стр. 157.

влет собою уже громадную организацию в миллион с лишним человек, не считая полумиллиона организованных горных рабочих, близких к рабочей партии по своим тенденциям. В общем в 1909 году Англия имела уже 1.621 тысячу тред-юнионистов, стоявших на классовой точке зрения ¹⁾).

Быстрый рост организации труда вообще и „классовой“ его организации в особенности при известном уже нам сравнительно мирном характере работодательских организаций в Англии, заставляет думать, что, кроме наступательных действий капитала, на рост тред-юнионов в первое десятилетие XX века заметно влияли и другие факторы. Нельзя поэтому о рабочем движении последних лет сказать того же, что в значительной степени применимо к работодателскому движению, именно, что оно—продукт не столько внутренних, сколько внешних влияний, не столько собственной потребности, сколько боязни врага и необходимости ему противодействовать. Бесспорно, и в Англии и в Германии, подобно тому, как и во всем капиталистическом мире, рабочее движение в XX столетии направлялось теми же силами, которые вызвали его к жизни в последнюю четверть XIX столетия. Рабочее движение было тогда и оставалось в XX столетии движением, имеющим свои собственные глубокие корни, не зависящим ни от каких случайных, посторонних причин. Можно сказать еще более: это вообще движение, которое по духу своему должно не только развиваться, но с каждым шагом вперед усиливать и самый темп своего развития. И все-таки, даже в Англии усиление работодательских организаций, как мы только что видели, не прошло бесследно для рабочего движения. Даже здесь усиленный рост рабочего движения совпал с моментом наивысшего напряжения организационной энергии работодателей,—моментом, который повсюду связан с образованием работодательского федеративного центра и который сохранил эту связь также в Англии.

Примера двух наиболее типичных капиталистических стран, Германии и Англии, достаточно, чтобы установить, как общее правило, что в росте рабочего движения и в формировании его идейного содержания роль работодательских организаций во всяком случае существенна. Не останавливаясь далее на анализе последней в каждом из остальных государств, перейдем непосредственно к вопросу, как она проявляется в рабочем движении всего культурного мира.

Начало XX ст. мы застали с организованной в разных государствах рабочей армией до 6 миллионов человек, между тем как в 1890 году она не превышала 3¹/₂ мил. За десять лет, следовательно, рабочее движение усилило свои кадры на громадную цифру в 2¹/₂ мил. человек. Еще быстрее, однако, шло развитие организованного труда после того. В 1908 году мы находим во всем мире уже не менее 12 мил. организованных рабочих, т. е. за восемь только лет число их увеличилось на 6 миллионов. Наконец, в 1913 году организованная мировая рабочая армия поднимается до 15¹/₈ мил. чел. По отдельным государствам, кроме Англии и Германии, о которых сведения нами приведены выше, а также России, Турции и т. д., в которых организа-

---

¹⁾ „Soziale Praxis“, 1909, № 20 и Vorwärts, 1909, № 23.

ция труда тогда не регистрировалась,—организованный труд распределялся в следующем виде в 1913 году, сравнительно с 1900 г.

	1913 тыс. человек	1900	Ежегодное увеличение в процентах.
С. Штаты С. А. и Канада (около).	3.000	1.500	12
Франция	1.027	493	9
Австрия	511	119	25
Италия	972	500	7
Швеция	87	67	2
Бельгия	214	110	7
Швейцария	125	?	?
Голландия	189	46	24
Дания	156	77	8
Венгрия	112	10	80
Норвегия	67	10	44
Испания	45	26	9
Финляндия	40	8	30
Болгария и Сербия	15	4	38

Достаточно посмотреть на третий столбец таблицы, чтобы понять, чем были первые 13 лет XX века для рабочего движения. Не повсюду оно росло с одинаковой быстротой. Не говоря об Италии, относительно которой данные страдают большой неполнотой—они касаются только причисленных к биржам труда организованных рабочих, не охватывающих всей массы объединенного труда,—сравнительно слабые успехи рабочее движение сделало там, где уже к концу XIX столетия оно представляло выдающуюся силу. Но и здесь мы видим рост, не имеющий ничего подобного себе ни в каких других сторонах социальной жизни, например, в движении населения, развитии промышленности и т. д., а в некоторых случаях—даже в прошлом самого рабочего движения.

При этом необходимо здесь отметить то же самое, что мы уже видели в Германии и Англии: наиболее быстро развивается социалистически настроенное рабочее движение. В Австрии из прибавившихся членов рабочих организаций на долю социалистических союзов пришлось 82 проц., в Дании 80 проц., в Бельгии 63 проц., и т. д.

Но наиболее верным мерилom направления, в котором идет развитие самосознания рабочих, можно считать те успехи, которые достигаются деятельностью социалистических партий. На какие бы разнообразные условия они ни опирались, эти успехи, в целом и общем, должны рассматриваться, как результат рабочего движения во всей его совокупности, столько же его материального, сколько морального воздействия, иногда прямого, но чаще всего косвенного, проявляющегося в скрытой форме не менее, чем в публичной. Тысячами нитей социализм тянет за собою рабочее движение, и в этом участвуют даже такие ветви рабочего движения, как клерикальные союзы, либеральные и т. д. И нет лучшего средства проникнуть в душу рабочего движения в данный момент, как проследить успехи, делаемые социализмом.

Прочный фундамент социализм построил себе в XIX столетии. Что воздвигло на этом фундаменте первое десятилетие XX века? ¹⁾

¹⁾ Кроме отчета Копенгагенскому соц. конгрессу, данные взяты из The Reformers Yearbook, 1909, стр. 148—152 и 155—169, The Daily News Year-

Для некоторых государств можно установить численный состав партий, и мы видим тут крепко сплоченные массы, исчисляемые десятками и сотнями тысяч человек. К концу интересующего нас десятилетия в социалистических партиях числилось членов:

В Германии	722 тыс.	Во Франции	54 тыс.
„ Бельгии	200 „	„ С. Штатах	41 „
„ Швеции	110 „	„ Швейцарии	34 „
„ Финляндии	82 „	„ Норвегии	28 „
„ Англии	66 „	„ Голландии	10 „

В самых партиях группируются, конечно, только социалистические авангарды. Позади них идет социалистическая армия. Сотни тысяч и миллионы голосов, подаваемых на выборах за социалистических кандидатов, показывают, как сильна периферия социализма, о которой партия иногда имеет весьма слабое представление, но которую она живет и материально и морально.

Мы уже знаем, что в 90-х годах прошлого столетия число поданных за социалистов на выборах голосов в 13 государствах составляло 4.415 тыс. В первое десятилетие XX века социалистические партии участвуют в выборах уже не менее, чем в 25 государствах. Относительно пяти—России, Люксембурга, Н. Зеландии, Аргентины и Чили—нет данных. В остальных же двадцати государствах за социалистических кандидатов высказалось не менее 8¹/₃ мил. избирателей¹⁾. Для оценки значения этой цифры ее следовало бы сравнить с числом полученных на выборах другими политическими партиями голосов. В виду отсутствия соответственных данных для многих государств, ограничимся определением места, которое накануне войны занято было социалистическими депутатами, по сравнению с представителями других партий, в парламентах. Сведения эти имеются для следующих 21 государства (см. 109-ю стр.).

Чтобы понять эту таблицу, нужно иметь в виду, что, за исключением немногих государств, повсюду до войны условия выборов были таковы, что от них всего более страдали рабочие классы,—даже там, где существовало всеобщее и равное избирательное право. Так, в Австрии из пяти миллионов всех поданных на выборах голосов социалисты получили миллион, т. е. пятую часть, а рейхсратских мест им досталась только шестая часть. Еще хуже в Германии, где на последних всеобщих выборах, чтобы получить 11 процентов всех мест рейхстага, социал-демократы собрали 3¹/₄ мил. голосов из 11¹/₄ миллионов, или 29 процентов. Не лучше было положение в Англии. На выборах 1910 г. английская рабочая партия собрала 522 тысячи из 6615 тыс. голосов, или 8 проц., а депутатских мест ей досталось всего 6 проц. Очевидно, положение, занимаемое социалистами в парламентах раз-

book, 1910, 132—135, Bericht des Parteivorstandes an den Parteitag zu Leipzig, 1909, стр. 8—9 и 27—28; отчетов в Vorwärts'e и Humanité за 1909 и 1910 гг., Bericht des Parteivorstandes an den Magdeburger Parteitag, 1910, стр. 8.

¹⁾ По данным, собранным к Копенгагенскому международному социалистическому конгрессу, дополненным другими сведениями по Соц.-полит. Таблицам 1910г., Vorwärts'у и Humanité, Отчету герман. социал.-дем. партии к Магдебургскому партийтагу, стр. 29,

	Число социалистических депутатов.	Число остальных депутатов.	На 1000 не-соц. депутатов имеется социалистов.
Австрия	90	426	210
Финляндия	86	114	754
Франция	101	483	210
Германия	110	293	400
Италия	80	428	187
Англия	40	630	64
Австралия	36	39	923
Бельгия	40	126	317
Швеция	73	102	730
Россия	30	442	70
Дания	32	82	400
Норвегия	20	103	200
Люксембург	10	38	263
Новая Зеландия	9	79	114
Голландия	18	82	220
Швейцария	10	160	63
Чили	6	43	140
Канада	3	211	14
Венгрия	2	451	4
Сербия	2	158	13
Испания	26	378	70
Аргентина	1	119	9
Всего	825	4972	165

ных стран, стояло ниже того, на которое давало им право отношение к ним избирателей. Тем не менее социалистам удалось отвоевать значительную силу во многих государствах, а во всем мире они располагали почти 17 процентами всех депутатских мандатов. И это результат, главным образом, одного десятилетия. Если, как показывает наша табличка, накануне войны во всех парламентах насчитывалось 825 социалистических депутатов, то всего полтора десятка лет раньше их было только 174.

III.

Из нарисованной выше картины видно, что не без основания утверждают, будто работодательские организации не только не задерживают рабочего движения, но даже усиливают его, влияя вместе с тем и на рост среди рабочих классового самосознания. Тем не менее вовсе не неправы и те, которые указывают, что работодательские организации ослабляют силы организованного труда и ухудшают позиции рабочих в классовой борьбе.

Главнейшим орудием организованного труда в повседневной борьбе с капиталом остается, конечно, стачка, которой теперь, кроме непосредственного противодействия, противопоставляется со стороны работодателей локаут. Ухудшается или улучшается положение труда в этом отношении? Пред нами большой материал для характеристики стачечно-локаутного движения в разных государствах. Как и во многих других отношениях, Германия и тут представляет исключительный интерес, именно благодаря статистике конфликтов между трудом и капиталом, которую ведут немецкие профессиональные рабочие союзы.

По данным этой статистики, в трех группах, на которые она делит конфликты, произошли в последние четыре года, сравнительно со всем первым десятилетием XX века, следующие перемены (числа таблицы показывают процентные отношения числа участников каждой категории стачек к общему числу всех стачечников ¹⁾):

Годы:	Наступат. стачки.			Оборонит. забастовки.			Локауты.		
	Выиграли:			Выиграли:			Выиграли:		
	Рабочие.	Хозяева.	Окончили соглашения.	Рабочие.	Хозяева.	Окончили соглашения.	Рабочие.	Хозяева.	Окончили соглашения.
1900—1908 .	30,8	40,4	28,8	46,7	35,5	17,8	41,4	27,8	30,8
1905—1908 .	29,9	45,7	25,1	50,1	32,9	17,0	30,1	29,5	40,4

В наступательных стачках процент рабочих, выигравших борьбу, в четырехлетие 1905—8 сократился, сравнительно со всем периодом, к которому относятся данные. Другими словами, увеличились поражения рабочих, или, что то же самое, сократилась сила их противодействия в борьбе с капиталом. Сократилась в наступательных стачках и роль соглашений. То, что потеряно в обоих случаях, досталось хозяевам, как трофей их победы. Аналогичную картину мы находим в движении локаутов, с той разницей, что здесь потери рабочих были особенно велики: процент рабочих, выигравших локауты, в указанное четырехлетие был на целую четверть меньше, чем за весь период. Хозяева же и тут выиграли, хотя менее, чем в наступательных стачках. Зато в локаутах, в отличие от наступательных стачек, усилилась роль соглашений. Ясно, что локауты и наступательные стачки—во время, совпадавшее, как мы знаем, с периодом наибольшего расцвета работодательских организаций,—оказывались менее выгодными для рабочих и, следовательно, более выгодными для работодателей, чем в предыдущие гг.

Противоположный, повидимому, вывод вытекает из движения оборонительных стачек, которые обнаруживают тенденцию, наоборот, к усилению успехов рабочих за счет хозяев. Объясняется эта особенность вовсе не соответственным соотношением борющихся сил в данной категории конфликтов труда и капитала. Дело в том, что в оборонительной стачке рабочий не видит для себя отступления, так как он прибегает к ней не ради улучшения своего положения, а ради сохранения старых условий труда.

С другой стороны, то обстоятельство, что работодатель, чтобы ухудшить положение рабочих, прибегает не к локауту, а к провокации стачки (всякая оборонительная стачка есть в сущности стачка спровоцированная)—это обстоятельство доказывает, что с самого начала работодатель сознает слабость своей позиции. Вот почему оборонительными стачками измеряются, главным образом, провокационные стремления работодателей, ценные для них не столько возможностью одержать победу, сколько „встряской“, которую рабочие получают, безразлично, как бы оборонительная стачка ни окончилась. Отчаяние, которое приводит рабочих к оборонительной стачке, и заставляет их

¹⁾ Lohnbewegung, Streiks u. Aussperrungen in 1912. Прилож. к № 7 Correspondenzblatt за 1913 г. и 5—11 Internat. Berichte über die Gewerkschaftsbewegung, отдел „Deutschland“.

бороться с наибольшей настойчивостью, иллюстрируется тем, что оборонительные стачки всегда бывают для рабочих самыми дорогими стачками. Так, один стачечник обходился рабочим союзам в 1890—1899 гг.: в наступательной стачке 25 марок и в оборонительной 32,4; в 1900—1908 гг. это соотношение сохранилось, хотя дороже стали оба вида стачек: в наступательной расходы одного участника поднялись до 29,6 марок, а в оборонительной—до 36,1.

Таким образом, данные о насильственных остановках производства в Германии приводят нас к заключению, что время наибольшего расцвета работодательских организаций оказалось крайне тяжелым для труда. Сильнее разбиваемые теперь, как при своих собственных наступлениях, так и при наступлениях работодателей, рабочие очутились вообще в затруднительных условиях, так как насильственные остановки требуют теперь от них значительно больших жертв. Только что мы видели, что в 1900—1908 гг. каждый стачечник обходился рабочим союзам дороже, чем в предыдущее десятилетие. Но гораздо дороже стачек обходятся рабочим союзам локауты: в 43,8 марок на одного участника в среднем за 1900—1908 гг. Вообще же, если участник в остановке производства,—безразлично, стачка ли то или локаут,—обходился рабочему союзу около 27 марок в 90-х годах прошлого столетия, то в 1900—1908 гг. его стоимость поднялась уже до 33 марок.

После 1908 г. положение труда, как будто, укрепилось. В годы, предшествовавшие войне, полные победы рабочих в наступательных стачках выражались в среднем почти 40 проц. и частичные—25 проц. Точно так же оборонительные стачки стали успешнее для рабочих: полных побед 55 проц. и частичных 16 проц. Однако, если таково было взаимоотношение в исходе стачек, то в локаутах усилились позиции хозяев: полные удаchi хозяев определились 42 проц. и половинные удаchi—35 проц. Кроме того, необходимо принять во внимание, что на этот период пришлось наибольшее число локаутов, при том наиболее упорных. Если за все 12 лет, предшествовавшие войне, жертвой локаутов сделалось около 1 мил. рабочих, потерявших от них до 21 мил. дней, то за одно последнее пятилетие жертв локаутов было почти 518 тыс. с потерей рабочих дней до 12 мил. Ясно, что дело тут не в укреплении положения рабочих, а в том, что борьба между трудом и капиталом получила более откровенный характер, локауты сделались более агрессивными, и рабочие к стачкам прибегали более осмотрительно.

Что все сказанное нами о Германии не составляет индивидуальной особенности этой страны, видно из того, что в тех или иных размерах тот же процесс ослабления рабочих в стачечно-локаутной борьбе отмечается и в других государствах. Во Франции взаимоотношение между рабочими, окончившими стачку для себя удачно, неудачно и с компромиссом, в процентах к общему числу стачечников, представляется в следующем виде:

Г о д ы:	Удачно.	Неудачно.	Соглашения.	На одну стачку рабочих дней.
1890—1894	27	48	25	4.401
1895—1899	23	44	33	2.905
1900—1904	24	38	38	4.724
1910—1913	18	42	40	2.906

Успехи рабочих, как видим, падают во Франции все время. Но по 1900—1904 гг. сокращаются и их неудачи, т. е. падают также успехи хозяев. За счет удачных и неудачных стачек увеличивается число конфликтов, оканчивающихся соглашением сторон. Но в 1910—1913 гг. положение хозяев заметно поправляется. Организация работодателей делает, следовательно, свое дело. Четвертый столбец таблицы вскрывает и пути, которыми идет торжествующий капитал во Франции. Длительные стачки 1890—1894 гг., утомлявшие и рабочих и хозяев, привели к тому, что в следующее пятилетие и хозяева и рабочие охотно прибегали к компромиссам, лишь бы не затягивать конфликтов; увеличился процент соглашений, и этой ценой куплена была уменьшившаяся продолжительность стачек. Но в 1900—1904 гг. продолжительность стачек снова поднимается чрезвычайно. Однако, если это ослабляет силы рабочих, то работодатели теперь уже имеют поддержку в своих организациях. В результате в последнее четырехлетие длительность стачек сокращается, зато победы работодателей заметно возрастают.

Само собою разумеется, что в Англии, где новейшее работодательское движение еще не пустило глубоких корней и где организации работодателей все еще остаются, главным образом, на базисе компромиссной политики и улаживания недоразумений посредством сношений с тред-юнионами, стачечно-локаутная борьба не могла в последние годы пережить те же перемены, какие мы отметили для Германии и Франции. Тем не менее и здесь она прошла характерную эволюцию¹⁾, напоминающую стачечно-локаутное движение во Франции до середины первого десятилетия XX века. За пятилетие 1904—1908 гг., сравнительно с пятилетием 1899—1903 гг., число рабочих, окончивших борьбу удачно, упало с 29,3 до 24,9 процентов всех участников в конфликтах; упало также число рабочих, оставивших „поле сражения“ хозяевам—с 36,8 до 27,9 процентов; зато сильно возросло участие рабочих в столкновениях, окончившихся соглашением сторон—с 33,6 до 46,9 процентов. Но в то время как во Франции усиление роли соглашений сопровождалось во вторую половину 90-х годов прошлого столетия сокращением продолжительности стачек, в Англии в пятилетие 1899—1903 гг. одна стачка в среднем продолжалась 4690 рабочих дней, а в следующее пятилетие—8498, т. е. почти в два раза более. Можно подумать, что стачечно-локаутная борьба переживала в Англии 1904—1908 гг. то же состояние, которое она переживала во Франции в 1900—1904 гг., именно — переходную стадию к эпохе наступательной тактики организованного работодателя. И, действительно, годы накануне войны в отношении забастовок были в Англии для рабочих менее удачными, а самые забастовки для рабочих более тяжелыми: если в 1900—1904 гг. на одного стачечника приходилось в среднем 15 потерянных дней, то в 1910—13 гг. эта цифра поднялась до 21 дня.

Имеющиеся у нас данные о стачках и локаутах в С. Штатах С. А. кончаются 1905 г.²⁾, между тем как новейшее работодательское дви-

¹⁾ Report of strikes, 1908, стр. 92—93.

²⁾ Statistical Abstract of the U. S., 1908, стр. 225.

жение начинается здесь в серьезных размерах лишь с 1902—1903 гг. Тем не менее и в 3—4 года, относительно которых можно говорить о влиянии организованных работодателей на исход стачечно-локаутной борьбы, произошли интересные перемены. В пятилетие 1897—1901 гг. число удачных для рабочих стачек ни разу не опускалось в Штатах ниже 49 процентов (в 1901 г.), поднимаясь временами и значительно выше—до 57 (1897 г.), 64 (1898 г.) и 73 (1899 г.) процентов в среднем за год. Но уже в 1903 году процент удачных стачек падает до 41-го; затем в 1904 г. он опускается до 35-ти, а в 1905 г. до 40. Соответственно возрастает процент стачек, сданных хозяевам. В 1903 г. он достигает нормы 36-ти, неизвестной во все предыдущее пятилетие, но в 1904 г. процент сданных хозяевам стачек уже превышает 49, и, если в 1905 г. он несколько сокращается, то все-таки он остается еще достаточно высоким, равняясь 48-ми. Любопытно, что в эти три года постепенно сокращается число стачек, оканчивающихся соглашением сторон; достигши в 1903 г. небывалой в Штатах нормы 23-х, процент стачек этой категории опускается в 1904 до 15-ти и в 1905 г.—до 11.

Не так успешно оканчивались для хозяев локауты. Трехлетие 1903—1905 гг. отличалось в Штатах чрезвычайно большим числом локаутов; на эти годы приходится почти третья часть локаутов всего 25-тилетия 1881—1905 гг. Потому ли, что локаутами стали слишком злоупотреблять, либо потому, что к наступательным действиям организованный работодатель еще не был так хорошо подготовлен, как к действиям оборонительным, число локаутов, оканчивавшихся для хозяев поражением, сначала сократившись значительно—в 1903 г. до 13 процентов,—стало потом, хотя и медленно, но все-таки увеличиваться, так что в 1904 г. оно достигло 21 проц. и в 1905 г.—36 проц. Правда, в прежние времена работодатель знал в Штатах число сданных локаутов, переваливавшее и 80 проц. Но это отнюдь не исключает возможности для предположения, что, если не в отношении стачек, то в отношении локаутов рабочим союзам, по крайней мере, в три года, о которых у нас идет речь, удавалось отстаивать интересы труда, и даже с таким успехом, что успешных локаутов в 1905 году оказалась уже ничтожная, сравнительно, цифра—всего лишь 32 проц., при 33 процентах локаутов, окончившихся соглашением. Приходится думать, что по движению стачечно-локаутной борьбы Штаты накануне войны занимали такое же срединное между европейским континентом и Англией положение, которое они занимали по организации работодателей; то, что в Германии, например, составляло вполне созревший плод, а в Англии являлось продуктом только завтрашнего дня, это в Штатах уже делало первые, вначале, конечно, еще не вполне решительные шаги.

Чтобы закончить наш анализ данных о движении стачечно-локаутной борьбы под влиянием организаций работодателей, скажем несколько слов о ходе работодательских наступлений, сравнительно с наступлением труда, за время 1906—1908 гг. в Бельгии и Голландии. В Голландии за три года было 52 локаута. Из них окончилось победой для инициаторов (хозяев) 31 проц., поражением 21 и соглашением сторон 48 процентов. Поражения, следовательно, дало меньшинство локаутов. Наоборот, из 379 стачек, имевших место в те же

три года, окончилось неудачно для их инициаторов (рабочих) большинство, именно 40 проц., при меньшем числе окончившихся ком-промиссом—39 проц. и ничтожном числе удачных стачек—21 проц. В Бельгии число удачных столкновений было одинаково и при локаутах и при стачках; тут и там оно равнялось 20 процентам. Но неудачных стачек (58 проц.) было в два раза больше, чем неудачных локаутов (27 проц.). Поэтому получился высокий процент локаутов, ликвидированных соглашением сторон—53, в то время как стачек этой категории было всего 22 проц. общего их числа.

Таким образом, если в Германии и Франции мы видели, что организация работодателей безусловно ослабляла боевую устойчивость труда, если в Англии нашли мы симптомы приближавшихся подобных же взаимоотношений между борющимися классами, если в С. Штатах завтрашнее Англии стало сегодняшним днем уже в 1903—1905 гг., то на примере Бельгии и Голландии мы показали, до какой степени локауты, это орудие воинствующего работодателя, встречают более благоприятную для себя фазу, чем стачки, которыми проявляют свою активность в классовой борьбе рабочие.

IV.

Итак, организация работодателей влияла на труд в двух противоположных направлениях. Она усиливала рабочие организации, повышая стремление рабочих к объединению своих сил, и углубляла социалистические тенденции всего рабочего движения, чем еще более упрочивались и без того укрепившиеся в последние десятилетия позиции социалистических партий. В то же время единственное орудие, которое было в руках рабочих для моментов острых конфликтов с капиталом,—остановка производства—с одной стороны, все более притуплялось, а с другой—перехватывалось работодателями и приспособлялось ими в форме локаутов, для борьбы с трудом.

О кризисе стачки сами рабочие накануне войны говорили все чаще и настойчивее. Все более распространялось мнение, что беспечно бастовать, когда противопоставляется предприниматель, окруженный непроницаемой броней антистачечного страхования и классовой солидарности. Но других средств борьбы труд не знал, и чем стачка становилась безнадежнее, а локаут беспощаднее, тем чаще рабочему волей-неволей приходилось выносить на себе все последствия остановок производства, и тем упорнее он цеплялся за единственно доступное ему средство борьбы. Где же вероятный выход из этого положения?

Об этом выходе одновременно и в одинаковых почти выражениях уже до войны говорили и в рабочих и в работодательских рядах. Если невозможна экономическая борьба, ей на смену должна притти „политическая“. Конкретные формы последней оставались в тумане. Но многое заставляет думать, что речь шла о всеобщей стачке. Уже упомянутый нами малир Форстер указывает на это вполне определенно. „Рабочие союзы“, говорит он, „в условленное время предпринимают против работодателей борьбу, которая по размерам оставит в тени все столкновения, имевшие место до тех пор“... Но если всеобщая стачка все более становилась лозунгом труда, то и работодатели гово-

рили о массовых конфликтах, о превращении всякой частичной стачки в массовое столкновение, о замене партизанских нападений локаутами. С другой стороны, и общей стачке и общему локауту выставлялись одинаково серьезные возражения. Всякая стачка в капиталистическое время сводится к деньгам. Как и в современной войне, в стачке побеждает та сторона, которая менее боится денежных жертв. И это для общей стачки не менее верно, чем для местной и частичной. Рабочие союзы представляли для рабочих достаточную материальную опору, пока они имели дело с разрозненным предпринимателем, на которого обрушивались все убытки от остановки производства. Ни того, ни другого уже нет. В остановке производства в эпоху „нового капитализма“ союз противопоставляется союзу: союз капиталистов, для которого не опасны никакие денежные потери, противопоставляется рабочему союзу, опирающемуся на грошевые сбережения своих членов. Мало того: риск от стачки, целиком снятый с предпринимателей обществами страхования, в полной мере продолжает тяготеть над рабочими, теперь даже в большей мере, чем когда-либо, ибо целой сетью мероприятий окружает рабочего организованный предприниматель, чтобы сделать для него последствия остановки производства наиболее тяжелыми и изнурительными.

Не розами усеян и боевой путь предпринимателей. Сознанию безвыходности своего положения в состоянии сделать из каждого рабочего героя, а сознание непримиримости интересов труда и капитала творит истинные чудеса классовой солидарности. Мало того, что растет и крепнет организация и самосознание труда. Каждый новый конфликт с капиталом расстраивает ряды ренегатов, которыми организованный работодатель окружает себя на случай, когда основные рабочие кадры отодвинутся на боевые позиции. Не только члены либеральных рабочих организаций, но не мало даже членов „желтых“ союзов захвачены были всеобщей шведской стачкой 1909 года. Рабочие христианских и либеральных союзов шли в ногу с социалистически настроенными членами „свободных“ профессиональных союзов во время локаута, устроенного строительной промышленностью Германии в 1910 году. Еще более: время от времени сами члены „желтых“ союзов вовлекаются в забастовочное движение¹⁾, не говоря о том, что все заботы работодателей организовать „желтые“ союзы увенчались таким жалким успехом, как объединение под этим флагом на всю Германию менее 80 тыс. человек²⁾, да и то сомнительной „благонадежности“. Самой природой своей деятельности организованный работодатель много делает, чтобы уничтожить рознь среди рабочих организаций и объединить их под знаменем классовой борьбы. Плоды этого уже дают себя чувствовать, и будут давать себя чувствовать тем сильнее, чем обостреннее сделается борьба между трудом и капиталом.

К каким последствиям при всех отмеченных условиях должна привести генеральная остановка производства, показали шведская забастовка и строительный локаут в Германии. Шведская забастовка

¹⁾ В „Soziale Praxis“, 1910, № 25 приводится такой случай на ткацкой фабрике в Аугсбурге, и это—не единственный подобного рода.

²⁾ „Soziale Praxis“, 1909, № 33.

продолжалась чрезвычайно долго. Она захватила рабочую армию в 250—300 тыс. человек или до $\frac{3}{4}$ всей массы наемного труда Швеции. Промышленность на стачке потеряла по некоторым расчетам до полумиллиарда крон, не считая потери работодательской прибыли и заработной платы. И все это без всякого результата. После стачки осталась такая же неопределенность, как до нее. По-прежнему друг против друга стоят две вооруженные армии, ожидающие лишь повода, чтобы броситься в борьбу, еще более жестокую и упорную. Таков же был финал германского локаута. Ни тут, ни там ни одна из воюющих сторон не может даже сказать, что противник достаточно обессилен, чтобы не было оснований бояться конфликтов в ближайшее время.

Очевидно, если бы классовая борьба в самом деле происходила в тех рамках, в каких она обыкновенно рисуется, следовало бы признать, что человечество вступило в фазис катаклизмов, полных непредвиденностей, происходящих в атмосфере безусловной непримиримости интересов, угрожающих, может быть, не только капиталистическому обществу, но даже всем завоеваниям культуры. Ибо, если все будущее человеческого общества зависит от исхода чисто экономического столкновения между двумя врагами, вряд ли на экономической арене способными друг друга победить, но достаточно сильными, чтобы уничтожить всю современную культуру, лишь бы не дать одной стороне взять перевес над другой,—то какие возможны оптимистические ожидания вообще? Почему следует предвидеть победу труда и торжество культуры, а не победу работодателей и порабощение рабочих классов, либо полную анархию?

Даются два ответа на этот вопрос: возможен мирный выход из положения так сказать, мирная, точней, бескровная революция, вырывающая диктатуру из рук буржуазии и передающая ее в руки труда; если виды на этот выход не оправдаются, то роды истории произойдут при „хирургическом вмешательстве“ осознавшего свое политическое могущество организованного в боевую социалистическую армию пролетариата. Третьего выхода нет и не может быть.

V.

Указывают на то, что если классовая борьба ведется между трудом и капиталом, то не одними трудом и капиталом исчерпываются социальные элементы, заинтересованные в будущем человеческого общества и способные влиять на это будущее. Даже само капиталистическое производство вовсе не свободно от элементов, не участвующих в классовой борьбе. Между тем, современное человеческое общество в целом не ограничивается в своих функциях не только капиталистическим производством, но и производством вообще, даже экономическими отправлениями в широком смысле слова. Следовательно, управляющие им социальные элементы еще более разнообразны. Логический ход приводит к тому, говорит Гильфердинг, что борьба между организованным трудом и организованным капиталом „из дела, касающегося предпринимателей и рабочих, превращается в дело всего общества, т. е. в политическое событие“. По мере того, как растут раз-

меры борьбы, „увеличивается вред, приносимый ею непосредственно в борьбе не участвующим общественным элементам; последние обращаются за помощью к политической власти. Вопросом о прекращении борьбы заинтересовывается государство“¹⁾). Какую роль современное государство может тут сыграть и насколько апелляция Гильфердинга к политической власти гармонирует с фактом буржуазности политической власти в буржуазном государстве,—это другой вопрос, но суть дела отмечается Гильфердингом правильно.

Капиталистическое общество опирается, конечно, на работодателя, с одной стороны, и рабочего—с другой. Однако, между этими двумя крайними элементами стоит третий, одинаково чуждый им обоим, как участникам „классовой борьбы“, но для капиталистического производства, тем не менее, крайне важный. Конторская служба и технический надзор образуют, так сказать, „третий элемент“, если хотите—внеклассовое ядро капиталистического производства. Заметно возрастает он и количественно. Промысловая перепись 1882 года нашла его в германской индустрии в числе 99 тыс. человек на 4 милл. рабочих и 2,2 милл. хозяев. Перепись 1895 года зарегистрировала „третьего элемента“ уже 264 тыс. человек, при 6 милл. рабочих и 2 милл. хозяев. Наконец, в момент переписи 1907 года „третьего элемента“ было 686 тыс., рабочих 8,6 милл. и хозяев менее 2 милл.²⁾). На 1000 человек рабочих и хозяев было, следовательно, представителей „третьего элемента“:

	На 1000	
	хозяев	рабочих
1882 год	45	22
1895" "	128	44
1907 " "	347	80

Если по отношению к хозяевам „третий элемент“ за 25 лет увеличился почти в 8 раз, то его рост в три с половиной раза был сильнее также роста рабочей армии.

Но сила „третьего элемента“ все-таки не в его количестве, остающемся ограниченным, а в месте, которое он все более завоевывает в производстве за счет ограничений функций работодателей, с одной стороны, и расширения зависимости, в которой находится от него труд—с другой. Если жизнь капиталистического предприятия во всякую минуту может быть оборвана либо хозяином, либо рабочим, то в наименьшей зависимости она находится от воли техника, кассира, бухгалтера, просто даже конторщика или табельщика. Нельзя приравнивать капиталистическое предприятие с сотнями и даже тысячами рабочих к ремесленному заведению, в котором, впрочем, также имеется наемный мастер, дающий возможность хозяину не быть привязанным к мастерской, а заниматься подыскиванием заказов, продажей готовых продуктов, установлением всяких других „связей“ и т. п.

Упрощенное представление о жизни фабрики становится теперь все менее возможным уже потому, что сам „третий элемент“ успел

¹⁾ Hilferding, *упом. соч.*, стр., 465—466.

²⁾ W. Gerloff, *Veränderung der Bevölkerungsgliederung in der Kapitalistischen Wirtschaft*, Berlin, 1910, стр. 21.

пройти не менее хорошую школу „классового самосознания“, чем рабочий и хозяин. Из рядов „третьего элемента“ разных стран все громче раздаются призывы к организации своих сил, к укреплению собственных позиций, к активной деятельности вместо того, чтобы спокойно сидеть „между молотом работодательской организации и наковальней рабочего союза“¹⁾. Когда в 1908 году французский инженер Laur обратился к своим товарищам, приглашая их организоваться, чтобы „капиталу-знанию“ завоевать в производстве равноправное место с „капиталом-деньгами“ и „капиталом-трудом“²⁾, его слова нашли уже вполне подготовленную почву не в одной только Франции. Германия в то время имела уже ряд союзов частных служащих с 81 тыс. членов, а союз немецких техников готовился отпраздновать четверть-вековой свой юбилей³⁾. Этот же самый союз немецких техников чрез два года, в составе уже 28 тысяч членов, принимает резолюцию, в которой, признавая себя „членом социального движения“, он считает своим долгом „содействовать“ проведению социальной политики, ставящей целью распространение рабочего законодательства на все виды труда⁴⁾. Такое конкретное требование вызвано было временными и случайными причинами. Но характерно самое вмешательство техников в считавшийся всегда для них посторонним вопрос. Ясно, что в Германии, как и в других странах, уже тогда приходил к концу нейтралитет, которого „третий элемент“ так долго держался в отношении к происходящей на его глазах, — и не без его участия, хотя иногда, может быть, и невольного, — классовой борьбе.

Рядом с „третьим элементом“, усложняющим классовую борьбу в качестве участника в капиталистическом производстве, стоят общественные группы, посторонние последнему, но тем не менее заинтересованные в происходящих в сфере капиталистического хозяйства трениях. Вне-капиталистическое промышленное население, — все эти мелкие земледельцы, ведущие трудовое хозяйство, кустари, ремесленники и вообще люди, живущие трудами рук своих, не будучи захвачены фабрикой и заводом, — образуют даже в капиталистической Германии большинство промышленного населения. По переписи 1907 года, в Германии занято тысяч человек в предприятиях⁵⁾:

	Мелких	Средних	Крупных
Сельское хозяйство	11.864	2.069	1.237
Промышленность	3.297	2.756	4.955
Торговля и перевозное дело	2.057	889	395
Всего	17.218	5.714	6.587

¹⁾ M. F. Laur, Le monopolisme économique. „Bulletin de la Société de l'Industries minérale“. 1909, март.

²⁾ M. F. Laur, упом. соч.

³⁾ Stat. Jahrbuch f. d. D. R., 1909, стр. 374—6.

⁴⁾ Vorwärts, 1910, № 114.

⁵⁾ Stat. Jahrbuch f. d. D. R., 1910, стр. 31 и 52. Пол мелким предприятием мы понимаем в промышленности и торговле заведение, в котором занято не более 5 человек, а в сельском хозяйстве самостоятельное дело, с землей не более 20 гектаров; среднее предприятие — в промышленности и торговле, если в нем занято 6—50 человек, и в сельском хозяйстве при участии земли в 20—100 гектаров; все остальные предприятия — крупные.

Если соединить вместе население, занятое в среднем производстве и крупном, хотя строго капиталистическим должно считать только последнее, то все-таки окажется, что вне-капиталистические промысловые группы, состоящие из 17-ти с лишком миллионов человек, имеют против себя только 12-ти-миллионную капиталистическую массу.

Помимо вне-капиталистического промыслового населения, современное общество имеет еще некоторые группы, которых также нельзя занести за одни скобки с капиталистическими классами. Мы имеем в виду так называемые свободные профессии, поставляющие главные кадры интеллигенции в современном обществе. Какова социальная сила современной интеллигенции?

Когда говорят о силе буржуазии, ясно для всех, что речь идет не о численности этого класса, а об имеющихся в ее распоряжении капиталах. Наоборот, мало думают о сбережениях рабочих классов, когда говорят об их силе; тут во внимание принимается уже численный состав. Следовательно, сила каждой социальной группы измеряется особенным, одной ей свойственным мерилom. И это вполне правильно. Ибо важно не то, что делает тот или иной класс сильным, а важен результат, именно — его сила, на чем бы она ни базировалась. Что делают свободные профессии, как выражаются часто, законодателями мира? Не их численность, ибо количественно они ничтожны. И не их капиталы, которые вряд ли имеют какое-либо значение. Законодателями мира их делает, повидимому, одно им принадлежащее свойство: их интеллигентность, вызываемое ими доверие в населении и т. д. И этот факт необходимо помнить, когда речь заходит вообще о соотношении сил в современном обществе: всякая общественная группа, поскольку она живет собственной жизнью, черпает энергию из собственных источников, питается собственными соками, постольку она влияет также на общественные отношения, на общественную эволюцию. Как „третий элемент“ в капиталистическом производстве, он занимает место в соответствии с тем влиянием, которое только он оказывает на производство; как свободные профессии воздействуют на общество только властью образования и умственного развития, — точно так же и вообще вне- или межклассовые группы, поскольку они существуют, имеют свои собственные силы, которыми они, в свою очередь, могут воздействовать на общество.

Нельзя, конечно, спорить, что современное государство развивается под знаком капитализма, что главная его регулирующая сила — борьба между трудом и капиталом. Но именно та стадия последней, которую застаёт наше время, и выдвигает на первый план значение вне-классовых групп, их роль на арене социально-политической жизни вообще, как она выдвигает роль „третьего элемента“ фабрик на арене отношений, господствующих в капиталистическом производстве. „Капитал-знание“, — по словам Лауг'a, — требует себе положения третейского судьи в борьбе между трудом и капиталом. Это, понятно, недоразумение. Тут ни третейскому, ни какому иному суду вообще нечего делать. Тут могут быть только союзники, которые, примыкая к той или другой стороне, обеспечивают окончательную победу над противником. Пред этой дилеммой стоят теперь и „третий элемент“ фабрики,

и вне-классовые группы современного общества, занимающие одинаково нейтральное положение в отношении борьбы труда и капитала. Ход активной социалистической борьбы и характер социалистического переворота, который неминуем, зависят в критический момент от того, присоединятся ли нейтральные общественные группы к труду или капиталу.

Необходимо, однако, констатировать, что не повсюду и не всегда вне-классовые или межклассовые элементы общества сознательно относятся к своей социальной сущности и исторической роли. В таких случаях неминуемо борьба должна пойти по пути насильственного вмешательства пролетариата в революционный процесс. Социальный пожар, который, уничтожив старый порядок, крепко заденет и самую человеческую культуру, получится как результат не только того, что, несмотря на все убаюкивания социалистов мирнообновленческого толка, пролетариат в конце концов должен потерять терпение и вместо „морального воздействия“ пустить в ход реальную силу, но и того, что интеллигенция не сумела во-время освободиться от золотых цепей, которые наложил капитализм на ее волю и сознание.

